ВИТАЛИЙ ВАВИКИН

КвазиРазмерность

КНИГА ТРЕТЬЯ

научная фантастика

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Скованный ледником мир. Человечество живет в гигантских Жилых комплексах, не видя неба на протяжении тысячелетий. Продолжая играть, надеясь сорвать банк и рассчитаться с долгами, главная героиня знакомиться с мальчиком-нейропатом, отца которого ученые Энрофы пытаются заставить спонсировать запрещенный проект по созданию новых систем восприятия реальности.

- Виталий Вавикин
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая

Виталий Вавикин
КвазаРазмерность
Книга третья

Глава первая

Игровая площадка «Фивы». Дворец Эдипа в закрытом городе. Вторая половина игрового дня. Комната личных достижений.

– Как, черт возьми, я найду Афну?! – возмущалась Саломея, изучая запутанный план поисков, хотя больше ее злило, что новая задача заблокировала прежние достижения и личные воспоминания.

Случись подобное десяток игровых дней назад, и Саломея не раздумывая покинула бы проект, но сейчас… Она не хотела признаваться, но процесс захватил ее, увлек. Да и связь с реальностью, как боялась вначале Саломея, не терялась, а лишь немного корректировалась во время игрового дня, позволяя наверстать упущенное ночью в комнате личных достижений, пока основные адаптивные алгоритмы перенастраивают игровой мир для нового дня. Если бы еще избавиться от песочных часов, которые проявлялись в призрачной дымке КЛД, куда бы Саломея ни смотрела, предупреждая, что отведенное на задание время заканчивается, а стоит начать новый игровой день, как каждый сквозняк, каждое дуновение ветра превращаются в шепот: «Торопись!» И никаких конкретных подсказок.

– Хорошо, еще сказали, что Афна находится в Фивах, – ворчала Саломея, начиная новый игровой день.

Сознание покинуло комнату личных достижений. Основные адаптивные алгоритмы внесли корректировку в точку сборки, сократив ожидание окончания тонких настроек игрового мира до пары секунд. Протоколы обновили резонансы построенной в Подпространстве площадки. Активация игровых зон проходила поэтапно. Мир восстанавливался, начиная с окраин: Далекие земли; Голиафские горы; Каньон Ветров; безбрежные пустоши Аида; озеро Мертвых; колодец воспоминаний, где хранится лог игры; пустыня-клетка для Гарпии – еще одна тайна, которая ждет, когда ее раскроют; дворец Сфинкс; внутренний город и, наконец, покои в замке Эдипа.

Саломея открыла глаза. Игровой образ работал исправно, подменяя основные протоколы точки сборки, использовавшей вид оставленного в Размерности тела. Едва уловимый сквозняк колыхал укрывавший кровать балдахин. Детализация мира заслуживала отдельной похвалы, хотя Саломея так и не смогла привыкнуть к отсутствию нейронных сетей.

Совет для поэтапного прохождения квеста «поиск Афны», заложенный в точку сборку при загрузке нового игрового дня, назойливо пульсировал в голове посторонней мыслью, что нужно

отправиться на королевский рынок и встретиться с людьми, способными помочь в поисках таинственной богини. Отдельной информации о том, кто сможет помочь, не было. «Значит, подсказки появятся на месте», – решила Саломея, соскользнув с кровати. Воздушный балдахин вожделенно вздохнул, словно надеялся, что актриса Торсия проведет под его защитой еще одну ночь. Саломея буквально почувствовала эти ассоциации – яркие, прописанные в точку сборки игрового персонажа. И еще шепот: «Торопись!», от которого обострялись все чувства, усиливая восприятие построенного в Подпространстве мира.

«Торопись!»

Саломея замерла, чувствуя босыми ступнями холод старых камней. Обострилось и понимание бессонной ночи, которой закончился минувший игровой день: успешное выступление в замке Эдипа, ужин в королевских залах, хвалебные речи, угощения, позаимствованные разработчиками игры у канувшей в небытие эпохи, пляски, льстивые речи партнеров, непристойные предложения знати, которые Саломея еще день назад сочла бы пошлыми, если бы не побывала во дворце Сфинкс – в мире, закрытом для местных игроков. После того, что Саломея увидела там, местные непристойности казались просто невинной шалостью. Но вот с усталостью было не поспорить. Адаптивные алгоритмы установили основные протоколы в точку сборки игрока, и оставалось лишь надеяться, что самочувствие улучшится ближе к обеду.

«Торопись!»

Саломея выглянула в длинный каменный коридор с высокими узкими окнами, за которыми слепило синевой высокое небо. Когда Саломея только попала в игру, небо, пожалуй, было единственным, что впечатлило ее. После нейронных клеток жилых комплексов сложно было не любоваться небом, пусть и сотканным из энергии мира Подпространства. Впрочем, выбравшись за пределы внутреннего города во дворец Сфинкс и увидев там, как серое небо, гноясь нарывами, опускается на игровую площадку Аида, Саломея уже не могла с прежним очарованием любоваться синевой небосвода Новых Фив. Еще до того как купить ключ игрока, выбирая игровую площадку, Саломея считала, что проект «Фивы» был создан либо психически нездоровыми людьми, либо для тех, кто имеет подобные проблемы. Слишком много безумных образов, жестокости, непотребств…

Саломея прошла мимо помятой после долгой бессонной ночи царских гуляний стражи. «Настоящие игроки или имитации?» – думала она, вглядываясь в лица стражников. Один из них широко

улыбнулся и, узнав главную актрису нашумевшей постановки Торсия, подмигнул голубым глазом, под которым красовался уродливый шрам, рассекший щеку.

«Торопись!» – услышала Саломея шелест ветра. Мир сжался, восприятие сконцентрировалось на шраме стражника. В точку сборки игрового образа добавилась новая информация: название сражения, при котором был получен шрам, модель оружия, нанесшего шрам, физическая сила противника, справка о возможных исправлениях повреждения и плюсах сохранения шрама, что для воина считается предпочтительным. «Значит, не имитация», – решила Саломея, отмечая появившуюся информацию о возможности вступить со стражником в переговоры, чтобы получить необходимую информацию для продолжения выполнения задания.

– Понравился мой шрам? – спросил стражник, растягивая в хищной улыбке тонки губы.

Саломея проигнорировала вопрос, покосилась на второго стражника – молчаливый и застенчивый, но, судя по всему, тоже игрок, а не имитация. «Хотя я уже ошибалась прежде», – подумала Саломея, вспоминая минувшую ночь и девушку, которая часть празднества сыпала как из рога изобилия хвалебными речами, а потом растворилась в темноте, слившись с тенями.

– Во дворце Эдипа все относительно, – сказал Торсий, который и сам был имитацией.

«Что если со стражниками случится нечто подобное? – подумала Саломея, понимая, что пробыла в игре достаточно времени, чтобы начать различать подделку. – Иначе превращусь в инструмент корректировки игровых процессов». Она тщетно попыталась вспомнить, что рассказывал о проводимом адаптивными алгоритмами контроле игровых систем Арк-Ми – один из двух братьев, по вине которых пришлось ввязаться в эту авантюру с заработком необходимых единиц Влияния в игре…

– Я видел вчера твое выступление, – услышала Саломея далекий голос стражника, вернувшись в игровую реальность. – Мне не понравилось.

– Не понравилось? – Саломея растерянно хлопнула глазами. Кажется, это была первая критика за последние сутки.

– Слишком много имитаций, – пожал плечами стражник. – За ними не видно тебя. Словно деревья в лесу. В твою точку сборки заложено понимание леса?

– Конечно.

– Хорошо. А то я встречал игроков, которые провели в игре не один день, а система так и не удосужилась загрузить им основные базисы игрового мира.

– Может быть, это были имитации?

– Исключено. Я вижу этих оборотней насквозь. У меня, можно сказать, нюх на имитации.

– Какая-то способность персонажа или что?

– Говорят, каждый, кто был в Размерности нейропатом, здесь может определить имитацию.

– Ты был нейропатом? – Саломея вздрогнула, вспомнив дочь.

– Не бойся, мы не кусаемся, – примирительно улыбнулся стражник.

– Да я не боюсь, просто… – Саломея бросила на него пытливый взгляд. – Просто… – она хотела сказать о способностях Ариши, но не могла. Впервые за последние дни игровые протоколы заблокировали часть способностей. – У меня… – еще раз попыталась Саломея.

– Ты тоже нейропат? – помог стражник.

– Нет.

– Значит… кто-то из твоих родственников?

– Почему ты можешь разговаривать о Размерности, а я нет? – возмутилась Саломея.

– Может быть, потому что я не пытаюсь выделиться?

– Выделиться?

– Твое выступление перед Эдипом. Думаю, чтобы добиться подобной чести в игре, нужно пройти долгий путь.

– Я не чокнутый игроман, который проводит в «Фивах» большую часть жизни, – сказала Саломея, тщетно пытаясь вспомнить, сколько в действительности уже находится в игре. Страха не было – ответ придет, как только закончится игровой день, и она попадет в комнату личных достижений, но вот до этого…

– Пытаешься вспомнить, как давно здесь? – догадался стражник.

Саломея кивнула.

– Значит, игра затянула тебя.

– Думаешь, это опасно?

– Только для твоего счета, потому что сначала адаптивные алгоритмы увлекут тебя, а затем высосут все доступные твоим родителям единицы Влияния.

– Моим родителям? – опешила Саломея. – Ты что… решил, что я… ребенок?

– А разве нет?

– Нет! У меня самой уже есть дети! – выпалила она и замерла, понимая, что эмоции смогли взломать простейшие игровые блокировки точки сборки. Теперь главное не останавливаться, преумножая успех. – Мою дочь зовут Ариша,

она нейропат, и я оказалась в игре, потому что бывший муж хочет забрать у меня ребенка. Он хранитель и сделал так, что меня уволили из игрового проекта «Голод». Теперь его социальный статус выше моего, и суд отдаст нашего ребенка ему. Поэтому мне пришлось изворачиваться… – точка сборки создала чувство удушья, заставляя молчать. Саломея отдышалась.

– Никогда бы не подумал, что ты старуха, – сказал растерянно стражник.

– Я не старуха! – вспылила Саломея. – Не игроман, но и не старуха… – она насторожилась. – А сколько лет тебе? Я имею в виду не в игре, а в Размерности… или Квазаре… Не знаю, где ты живешь…

– Ну, скажем так: обратиться в репродукционный центр за ребенком я еще не смогу, – осторожно произнес стражник, покосившись на своего напарника.

– Так вы всего лишь мальчишки! – натянуто рассмеялась Саломея.

– Не мы, а только я, – сказал стражник. – Что касается моего партнера, то думаю, что он имитация.

– Я не имитация, – сказал напарник.

– И чем докажешь? – встал в позу молодой стражник.

– Не буду я тебе ничего доказывать, – отмахнулся напарник. – Может, это ты имитация, а не я. Хочешь, чтобы я доказал, что настоящий игрок? Докажи сначала сам.

– Я знаю, что я игрок.

– А я знаю, что я не имитация.

– Вот видишь! – уставился на Саломею молодой стражник. – Первый раз такая засада. Обычно настоящие игроки обижаются и уходят, а этот… Нет, был, конечно, один – пытался меня убить, сочтя, что я хочу его оскорбить, но потом… В общем, сейчас мы с ним хорошие друзья. Говорит, что хочет открыть в «Фивах» школу, где будут обучать, как отличить настоящего игрока от имитации. А то расплодились! Я понимаю вне закрытого города. Аид, каньон Ветров, Мертвое озеро, дворец Сфинкс… А здесь… Это ведь почти Далекие Земли, только без тамошней анархии. Почему бы просто не оставить нас в покое, позволив насладиться игровым процессом?

– Имитации как раз и нужны для того, чтобы игровой процесс не зашел в тупик, – машинально пояснила Саломея, невольно выбирая покровительственный тон на правах более мудрого и зрелого.

– Говоришь так, словно была большим человеком в игровом проекте, – скривился молодой стражник.

– Так и есть.

– И что же ты делала? Обслуживала нейронные сети главных разработчиков?

– Вообще-то я была одним из главных разработчиков площадки «Голод», – Саломея поймала себя на мысли, что чуть ли не впервые в жизни гордится своей прежней работой. – Мой отдел возглавлял Думах. Знаешь такого?

– Мерзкий тип, – скривился молодой стражник. – Мой отец – строитель. Так вот, когда к нему обратился Думах, чтобы построить ему новый жилой комплекс… В общем, с тех пор мой отец зарекся больше не работать с карликами.

– Да, с Думахом иногда сложно найти общий язык, – согласилась Саломея и тут же решила, что пора менять тему разговора. – Ну а ты? Как отец допустил, чтобы любимый сын сбежал от семьи в игру?

Стражник не ответил: потупился, пожал плечами.

– Ты был ребенком-бунтарем или родители обратились в репродукционный центр и подарили тебе братика? – решила не отставать Саломея.

– Подпространство нейтрализует способности нейропата, – хмуро сказал мальчик. – Так что у меня был выбор: либо переселиться в Квазар, где для меня все чужое, либо спрятаться от судьбы в игре. Я выбрал «Фивы».

– Вот оно как…

– Да… – молодой стражник фальшиво улыбнулся. – Ну, а что насчет твоей дочери? Ты сказала, что она тоже нейропат? Тогда почему вместо того, чтобы отправить ее в Подпространство, заблокировав сверхспособности, ты сама застряла в игре?

– Иногда все становится слишком сложным… Даже для взрослого.

– Есть некоторые проблемы, в которых может разобраться только ребенок.

– И как бы ты разобрался с моей проблемой?

– С какой именно? Судя по всему, у тебя их много. Твоя дочь – нейропат. Твой муж – хранитель. Тебя уволили с работы. Ты застряла в игре, но вместо того, чтобы выбираться отсюда, продолжаешь играть, надеясь, что это решит твои проблемы… – молодой стражник прищурился. – Какую тайну ты планируешь разгадать? Думаю, чтобы решить твои проблемы, нужно много единиц Влияния. Поэтому и тайна должна быть значительной…

– Не пытайся угадать. Это сложнее, чем ты можешь представить, – сказала Саломея, собираясь уйти.

– Дай мне шанс, – попросил молодой стражник.

– Разоблачай лучше имитации.

– Разоблачать имитации скучно, – стражник по-детски надул

губы: точка сборки игрового персонажа исправно отражала чувства и переживания извлеченного сознания. – Я здесь уже достаточно долго, но так и не решил, чем развлечь себя. С одними мне интересно, но они либо зациклены на игровом процессе, либо прогоняют меня, когда узнают, что я ребенок, а с другими скучно и хочется бросить все, вернуться в Размерность и стать бездушным нейропатом. Ты хочешь, чтобы я стал нейропатом?

– Вот только не надо давить на жалость!

– Ладно, не буду, – стражник примирительно поднял руки. – Но дай мне шанс. Мне наплевать на выигрыш. Главное принять участие. К тому же я давно в игре. Знаю много тайн и загадок. Со мной тебе будет лучше, чем без меня.

– Сильно сомневаюсь.

– Потому что я ребенок?

– Потому что… – Саломея задумалась на мгновение, затем осторожно кивнула. – Да, пожалуй, дело в этом.

– А ты испытай меня! – оживился мальчик. – Расскажи, что ты ищешь, и если я не смогу помочь, то, обещаю, больше не стану приставать с просьбами взять с собой.

– Ну не знаю… – протянула Саломея, жалея, что не может прямо сейчас заглянуть в комнату личных достижений, чтобы проверить, нужен ей союз с молодым стражником или нет.

– Не томи! – нетерпеливо топнул ногой мальчик. – Ты ведь хочешь заработать, верно? Значит, должна пытаться разгадать сложную тайну или выполнить многоуровневое задание. Давай, скажи, какой ты получила квест?

– Расскажи мне все, что знаешь о внешнем мире, и обещаю подумать о том, чтобы взять тебя в помощники.

– Внешний мир большой, – растерялся молодой стражник.

– Хорошо, давай оставим только дворец Сфинкс.

– Мерзкое место! – мальчик помрачнел. – Мои родители всегда говорили, что Аид – не место для детей. Конечно, разработчики гарантируют, что возрастные ограничения восприятия, вносимые в точку сборки, заблокируют большую часть игрового процесса, но… – молодой стражник нахмурился, затем неожиданно просиял. – Так ты во дворце Сфинкс получила свой квест? Я знаю одного игрока, который уже несколько месяцев пытается отыскать выход из внутреннего города. Говорят, нужно найти призрак Сфинкс и следовать за ним. Но я думаю, что все контролируют адаптивные алгоритмы. Если система решит, что нужно показать тому или иному игроку выход за пределы закрытого города, то так оно и будет, а если нет, то… – мальчик сокрушенно всплеснул руками. – Впрочем, ты это

и сама знаешь, если действительно работала на «Голод». Сомневаюсь, что там игровой проект устроен иначе.

– Ну, в чем-то ты прав, а в чем-то нет. Дело в том, что «Голод» материален, а «Фивы»…

– Эфемерны? – оборвал Саломею на полуслове мальчик, и на лице его появилась широкая улыбка. – Сразу вижу в тебе коренного жителя Размерности. Мне родители все уши прожужжали, когда покупали ключ игрока в игровой проект Подпространства.

– Не вижу, что тут смешного.

– Смешное в том, что когда ты попадаешь в игру и задерживаешься дольше, чем на пару дней, то значения уже нет, откуда ты: из Размерности или из Квазара. Сознание начинает адаптироваться, принимая единственно доступную реальность.

– Ты сам до этого додумался или услышал где-то?

– Услышал, но мог бы додуматься и сам. По-моему, это просто. Старик Латуш вообще считает, что развитие и понимание основ игрового проекта заложено разработчиками в точку сборки.

– Так это старик Латуш обучает тебя мудрости?

– Иногда, – пожал плечами мальчик.

– И он помогает тебе раскрывать тайны?

– Иногда.

Саломея подумала, что встреча с молодым стражником могла оказаться не случайной. Что если это часть квеста? Что если для поисков Афны нужно встретиться с игроком по имени Латуш? (Или с персонажем?) Кто знает, что здесь реально, а что нет? Как отличить имитацию от настоящего игрока?

– Как ты думаешь, старик Латуш может помочь мне разгадать загадку? – осторожно спросила Саломея молодого стражника.

– Смотря кто будет просить о помощи, – улыбнулся мальчик.

– То есть тебя мне в любом случае придется взять с собой? – догадалась Саломея.

Молодой стражник не смог скрыть хитрой улыбки.

– А как насчет твоего друга? – кивнула Саломея в сторону напарника мальчишки.

– А что не так с моим другом?

– По-моему, он имитация. Как ты думаешь, ничего страшного, что мы будем таскать с собой имитацию, разгадывая квесты?

– Почему ты решила, что он имитация?

– Посмотри, сколько времени твой друг стоит рядом с нами и не вмешивается в разговор.

– Может быть, ему просто скучно и он активировал возможность пропуска ненужных сюжетных линий? Знаешь,

последнее время я замечаю, что настоящие игроки не особенно заботятся о том, чтобы отличаться от имитаций, которые из кожи вон лезут, чтобы выглядеть как настоящий игрок. Плюс вечерами имитации могут подвисать. Они обычно словоохотливы, но когда основные адаптивные алгоритмы перегружены, то имитации в основном молчат. Старик Латуш разработал несложную систему вопросов, которые могут спровоцировать у имитации зависание. Самое забавное, что они начинают притворяться, что не слышат или заняты чем-то другим…

– Я замечала за подругой нечто подобное, – растерянно сказала Саломея, вспоминая девушку, которая помогла ей попасть в театральную труппу Торсия.

– Старик Латуш говорит, что Внутренний Город можно поделить на зоны: в одних имитаций подавляющее большинство, в других имитаций почти нет.

– Думаешь, моя подруга тоже имитация?

– Думаю, что раз это твоя подруга, то тебе и решать.

– Я доверяла ей как настоящему игроку.

– Старик Латуш говорил, что последнее время имитации используются даже в роли местных ангелов и демонов… – мальчик увидел, как вздрогнула новая знакомая. – Это персонажи, которые советуют другим игрокам, как поступать и что делать…

– Я знаю, кто такие ангелы и демоны Новых Фив, – сказала Саломея. – Просто дело в том, что…

– Один из них находится рядом с тобой? – помог мальчик.

Саломея осторожно кивнула.

– Я думала, что это мой друг, но если учесть, что Криста, которой я доверяла как напарнику, – это, судя по всему, имитация, то…

– Уау! – только и сказал молодой стражник, обходя вокруг новой знакомой.

– Ты никогда не встречал игроков с ангелом или демоном за плечом? – растерялась Саломея.

– Встречал, конечно, просто… Знаешь, на игру можно влиять извне: небольшие выплаты, чтобы замолвить словечко за игрока. Обычно просьбы о помощи оставляют на имя игрового божества Ндора. Говорят, существуют целые кланы фанатов в КвазаРазмерности, готовые сбрасываться, чтобы посодействовать в продвижении игрока.

– Один мой знакомый говорил, что лучше обращаться к Люцию – больше шансов на успех, – сказала Саломея, увидела, как мальчик кивнул, и догадалась, что родители заботятся о нем, оплачивая покровительство одного из местных богов.

– Они хотели, чтобы я нашел друга, который сможет присматривать за мной, – сказал молодой стражник.

– Я думала, за тобой присматривает старик Латуш.

– Старик Латуш ни за кем не присматривает. Это за ним скорее нужно присматривать… – мальчик пытливо вглядывался новой знакомой в глаза.

– О! – опешила Саломея. – Так ты думаешь, что Ндора послал меня заботиться о тебе? – она тщетно попыталась рассмеяться. – Нет. У меня своих хлопот полным-полно! Да и при чем тут я?! Мой персонаж – актриса. Что общего у слуг искусства со стражниками?

– Ты сама сказала, что развить персонаж и попасть во дворец Эдипа тебе помогли имитации.

– Я сказала, что не отрицаю такую возможность. Это не одно и то же.

– Но ты искала игроков, которые помогут тебе разгадать полученный квест, а я один из них.

– Ты всего лишь промежуточное звено, которое знает нужного мне игрока. К тому же нет гарантии, что старик Латуш сможет разгадать тайну Афны.

– Латуш не сможет, – улыбнулся мальчик. – Старик – светоч, маяк. Он лишь указывает путь, продираться сквозь тернии нужно самим игрокам. И чем серьезнее тайна, тем больше опасностей ждет игрока в пути.

– Дай догадаюсь, – снисходительно поджала губы, скрывая улыбку, Саломея. – Ты думаешь, что сможешь защитить меня от монстров и других игроков, которые решат составить мне конкуренцию по дороге к раскрытию тайны?

Вместо ответа молодой стражник обнажил пару острых кинжалов и ловко рассек десяток горящих факелов, которые, заполнив каменный коридор едким дымом, тут же восстановились, засияв с прежней силой.

– У меня очень дорогой персонаж, с грамотно построенной точкой сборки, – сказал мальчик, увидел, что напарник активировал свой игровой персонаж, реагируя на обнаженное в дворцовых стенах оружие, и спешно убрал кинжалы в ножны.

– Что ты делаешь? – спросил напарник.

– Ничего интересного для тебя, – отмахнулся мальчик. – До конца смены еще несколько часов, так что можешь снова отключиться.

Напарник кивнул. Саломея дождалась, когда персонаж второго стражника снова примет безучастное выражение.

– Давай сделаем так, – предложила она первому стражнику. – Сначала мы доберемся до старика, послушаем, что он скажет,

а потом решим, что предпримем дальше.

– Ничего не выйдет, – качнул головой мальчик. – Либо мы заключаем договор и играем вместе, либо ищи старика сама.

– Думаешь, я не смогу это сделать?

– Думаю, что пробраться в царские темницы без помощи стражника будет очень сложно.

– Латуш – пленник?

– А как, по-твоему, я познакомился с ним? Его держат глубоко-глубоко под землей. В самой надежной камере, которую можно построить в игре.

– Так старик Латуш – имитация?

– Старик Латуш – это старик Латуш. Он выше игровых правил и систем. Одни считают его системной ошибкой, другие творением акеми… Ты знаешь, кто такие акеми?

– Из-за акеми, можно сказать, я оказалась здесь. Один из них втянул моих родителей в финансовую аферу, а потом на нас повесили огромный долг и натравили адептов террористической организации «Мункара и Накира»… – Саломея запнулась, увидев, что молодой стражник улыбается.

– Все знают, что с акеми лучше не иметь никаких дел. Ты что, была настолько глупа, чтобы связаться с одним из них? – мальчик не сдержался и громко хохотнул. – А хочешь разгадать большую тайну «Фив», – еще один противный смешок. – Не удивительно, что тебя обманули имитации. Боюсь даже представить, что случится, когда ты столкнешься с игроманами со стажем. Да они обманут тебя как ребенка! – молодой стражник покинул пост и направился к каменной лестнице, уходившей извивающейся змеей в подвалы. – Пойдем, – позвал мальчик Саломею, став вдруг серьезным. – У нас впереди долгий путь.

Глава вторая

Точка сборки игрового персонажа работала исправно, обостряя ощущения сырости и холода по мере того, как Саломея и молодой стражник по имени Джаво спускались все ниже и ниже в подвалы величественного королевского замка. От роскоши и убранств не осталось и следа. Факелы коптили. Вдоль стен по сточным канавам, вырубленным в камне, ползли казавшиеся живыми массы нечистот. Хмурые стражники-имитации меряли незваных гостей недовольными взглядами, но предпочитали молчать, воспринимая молодого стражника Джаво как одного из своих, а девушку… Девушка могла быть кем угодно…

– Не верю, что все стражники здесь имитации, – прошептала Саломея, когда они миновали пару высоких крепышей с плотоядным взглядом. – Обрати внимание, как они смотрят на меня. Думаешь, имитации способны на подобные мысли?

– Это не мысли. Это восприятия, – пожал плечами Джаво. – Ты актриса в театре Торсия. А актриса – это почти танцовщица, что подразумевает хищные взгляды противоположного пола. Имитации притворяются людьми, так что их поведение всегда возведено в абсолют.

– Почему же ты не смотришь на меня, как те стражники?

– Потому что у меня в точку сборки игрового персонажа внесены возрастные ограничения. Хотя сомневаюсь, что кто-то из других игроков станет так же пялиться на тебя. Как говорит старик Латуш, в жизни все относительно. А эти взгляды… В общем, имитации всегда прилагают слишком много усилий, чтобы казаться настоящими игроками.

– Не забывай, что старик Латуш тоже имитация, – напомнила Саломея. – Так что если он знает о подобных недостатках, то и адаптивные алгоритмы должны знать.

– Перестань называть его имитацией! – обиделся мальчик, игровой персонаж которого выглядел как закаленный в боях воин. – Я же говорил тебе, что Латуш особенный.

– Сомневаюсь, что создатели «Фив» допустили бы вмешательство в игровой процесс акеми, которые могли создать, по твоим словам, старика. Что касается системной ошибки – то в это верится еще меньше.

– Старик Латуш – не имитация! – надулся Джаво. – Подумай сама, если бы он был имитацией, то зачем ему учить меня, как отличать настоящих игроков от имитаций?

– Может быть, твои родители перечислили много единиц Влияния на счет «Фив», чтобы Ндора заботился о тебе… Иначе

как ты вообще смог познакомиться с Латушем?

– Это была случайность.

– Брось! Подобных случайностей не бывает в полностью сбалансированной и находящейся под контролем игре Подпространства. Будь это в Размерности, то я бы еще задумалась о вероятности, но не здесь.

– Квазар тоже находится в Подпространстве, и все говорят, что это самая свободная реальность из всех доступных.

– Игровая площадка «Фивы» – это не Квазар. Здесь не такой размах, плюс изначально отсутствовала спонтанность во время развития. Поверь мне, в подобных проектах каждый игровой участок продуман до мелочей…

Они миновали еще один пост хищных стражников с плотоядными взглядами, на которых Саломея на этот раз не обратила внимания.

– Если это имитации, то не значит, что они не могут причинить вред, – сказал Джаво, но Саломея сочла, что мальчик просто вредничает после недавнего спора.

– Зря ты не веришь, – пожал плечами молодой стражник. – Я здесь дольше тебя и видел много страшных вещей.

Саломея решила, что сейчас лучше всего будет молчать. Каменный коридор вывел их в темный лестничный проем, лихо нырнувший вниз.

– Мало кто спускается так глубоко, – продолжал Джаво, не обращая внимания на молчание новой знакомой. – Одних не пускают стражники, другие… В общем, о других говорят, что они редко возвращаются.

– И что – они все идут к старику Латушу? – спросила Саломея не столько для того, чтобы поддержать разговор, сколько чтобы услышать голос Джаво, потому что темнота вокруг стала абсолютной и только так можно было продвигаться вперед.

Молодой стражник не ответил, и Саломея успела подумать, что попала в ловушку, но неожиданно в руках Джаво вспыхнул факел.

– Такое здесь иногда случается, – извинился мальчик и посветил на край ступеней, за которыми разверзлась бездна. – Думаю, адаптивные алгоритмы специально тушат факелы, установленные на этом опасном участке. Одни смельчаки сорвутся в пропасть, заплутав в темноте, других сбросят тени…

– Тени?

– Ты слышала о колодце воспоминаний?

– Это где собран общий лог игры?

– Здесь это называют событиями игровых дней, – Джаво увидел одну из теней и поднял высоко над головой факел,

привлекая внимание Саломеи.

– Я ничего не вижу, – растерянно завертела она головой.

Восприятия обострились, проявляя интерес ко всему таинственному, следуя программе, заложенной в точку сборки игрока. Саломея вздрогнула, чувствуя, как сквозняк окутывает тело, с которого, казалось, содрали кожу. Осязание стало на мгновение абсолютным, но именно это спасло ее от неминуемого падения, когда она едва не рухнула в бездну, наступив на скользкую ступеньку.

– Осторожней! – крикнул Джаво, протягивая руку.

Саломея отказалась от помощи, потому что чувства все еще были обнажены и она не сомневалась, что прикосновение к другому игроку вызовет боль. Тень, за которой наблюдал Джаво, подкралась ближе, сочтя историю достойной того, чтобы проявить интерес.

– Вон там еще одна тень! – оживился молодой стражник, указывая факелом на другую стену.

Желтое пламя задрожало, породив дюжину призрачных бликов, среди которых Саломея так и не смогла разглядеть живую тень.

– Я думала, во внутреннем городе практически нет монстров из Аида, – сказала она, осторожно ступая на следующую скользкую ступень.

Извилистая каменная лестница вывела на очередной этаж подземной тюрьмы, где желтый свет редких факелов робко лизал тьму, не в силах победить эту густоту. В тишине было слышно, как где-то далеко монотонно капает вода. Эффект, судя по всему, был запланированным, потому что едва Саломея прислушалась, как к ударам падающих капель прибавилось бульканье сточных вод, чьи зловонные массы неспешно ползли по выдолбленным в камне желобам вдоль стен. Саломея понимала, что в мире энергии, где построена игровая площадка «Фив», все относительно и является частью фантазии разработчиков и анализа созданных хронографами реконструкций прошлого, но протоколы, прописанные в точку сборки, заставляли воспринимать окружающую обстановку как неоспоримую реальность. Программирование было настолько тонким, что не перекрывало реальные восприятия, а осторожно, ненавязчиво подменяло их, стоило лишь на мгновение отвлечься от собственных мыслей, уделяя внимание окружающей действительности.

– Думаю, если судить по тому, как грамотно созданы эти игровые уровни, то разработчики уделяли им большое значение, – сказала Саломея, прислушиваясь к далеким

нарастающим стонам узников.

– Не думаю, что это так, – решительно возразил Джаво.

– Как же тогда?

– Старик Латуш говорит, что миром правит случай. Мне кажется, он хочет этим сказать, что за многое в игре отвечают адаптивные алгоритмы развития. Разработчики не могут уследить за всем, что происходит, взяв под контроль весь мир. Так что многое находится во власти игровых систем, запрограммированных на развитие и улучшение.

– Так ты считаешь, что старик Латуш – часть этого развития?

– А ты снова будешь все отрицать?

– Не знаю… – протянула Саломея. – У меня в КвазаРазмерности был друг, который работал над проектом «Фивы». Он ничего не говорил о подобных персонажах.

– Если мы чего-то не знаем, то это не означает, что этого нет, – многозначительно подметил мальчик.

Саломея решила не спорить, да и звуки стонов усилились, перерастая в непрерывное завывание, перетекавшее в душераздирающие вопли мучеников и мольбы о пощаде. «Жуткое место, – подумала Саломея, убеждая себя, что все эти звуки не более чем звуковые эффекты. – На самом деле никто никого не пытает. Никто никого…»

Толстяк в кожаном фартуке вышел из ближайшей камеры, едва не столкнувшись с Саломеей. В правой руке толстяк держал щипцы с раскаленными углями. За незакрытой дверью в камеру для пыток был виден стол и прикованная жертва – полуобнаженный тощий мужчина с длинными грязными волосами и неестественно голубыми глазами, которые сверкнули, когда Саломея встретилась с жертвой взглядом.

– Твою мать! – не сдержалась она, сдобрив брань парой крепких выражений, свойственных только коренным жителям Размерности.

– Помоги мне, – произнес одними губами узник.

Почувствовав новую историю, голодные тени, стервятники Химеры из колодца воспоминаний в Аиде, проникшие на территорию закрытого города, потянулись к камере пыток, предвкушая сытную трапезу. Лысый толстяк в кожаном фартуке смерил Саломею внимательным взглядом, жадно втягивая широким носом воздух, пытаясь уловить запах потенциальной жертвы.

– Она со мной, – сказал молодой стражник.

Палач перевел взгляд на Джаво, оценивая уровень навыков игрового персонажа, дерзнувшего заговорить с ним. Мальчик выдержал тяжелый взгляд палача и положил правую руку на эфес

одного из кинжалов на поясе, давая понять, что не намерен отступать. Напряжение возросло, и Саломея снова почувствовала, как обостряется восприятие, обнажая заложенные в точку сборки протоколы функционирования нервной системы. Она даже почувствовала нестерпимый жар от раскаленных углей, зажатых в щипцах палача. Память четко нарисовала увиденные мгновения назад ожоги на груди голубоглазой жертвы в камере пыток. Собственная грудь начала зудеть, принося боль. Саломея поморщилась, чувствуя запах горелой плоти. Казалось, что кожа на груди действительно горит.

– Помоги мне, – произнесли ее губы помимо воли голосом пленника.

Живые тени, привлеченные действием, окружили странную троицу в каменном коридоре, но Саломея не заметила этих стервятников ночи. Она заставила себя отвести взгляд от раскаленных углей в щипцах палача и заглянула в глаза молодого стражника.

– Хочешь освободить узника? – понял он без слов.

Саломея кивнула. Немногочисленные факелы вздрогнули, реагируя на извлеченные клинки. Сталь призрачно блеснула, как минутой ранее блеснули голубые глаза жертвы. Тени вздыбились, боясь упустить детали поединка. Джаво сделал выпад, целясь в горло толстяку в залитом кровью кожаном фартуке, но палач увернулся от смертельного удара. Лезвие кинжала рассекло кожу на щетинистой щеке. Зажатые в щипцах угли полетели молодому стражнику в лицо. Джаво взмахнул вторым кинжалом, защищаясь. Угли рассыпались, окатив молодого стражника всполохом искр, лишая на пару секунд зрения. Палачу этого хватило, чтобы схватить щипцами противника за горло. Джаво захрипел, тщетно пытаясь дотянуться короткими кинжалами до толстяка.

Саломея видела, как под слоем жира напряглись мышцы на руках палача, заставляя противника опуститься на колени. Вены на лбу Джаво вздулись, глаза налились кровью.

– Отпусти его, это просто невинный мальчик! – закричала Саломея.

Вместо ответа толстяк попытался сдавить щипцы сильнее. Саломея подскочила к нему, нанесла несколько бесполезных ударов, которых палач даже не заметил, а когда попыталась дотянуться до его лица, чтобы выцарапать глаза, отлетела к стене, ударившись спиной о холодный камень, – толстяк отмахнулся от нападавшей женщины как от назойливой мухи. Обостренное восприятие взорвалось в сознании приступом нестерпимой боли, но Саломея заставила себя подняться, сорвала

со стены факел, замахнулась, не понимая, что импровизированное оружие рассыпается на тысячи переливающихся песчинок, которые подхватывает появившийся ветер, возвращая на прежнее место в стене.

– Что за… – растерялась Саломея.

Толстяк гортанно рассмеялся, затем неожиданно захрипел, забулькал, пытаясь вытащить застрявший в груди арбалетный болт, который успел выпустить молодой стражник, воспользовавшись тем, что палач отвлекся на Саломею. Щипцы еще сжимали горло Джаво, но силы противника кончались. Оставалось продержаться лишь пару мгновений. Понимая это, палач снова сдавил щипцы, пытаясь оторвать молодому стражнику голову. Болт выскочил из груди, оставив зияющую пустотой рану, из которой мгновение спустя хлынул фонтан темной, почти черной крови. Тени зашептались, обсуждая поражение местного злодея и победу молодого стражника. Палач пошатнулся и грузно упал на спину. Факелы вспыхнули на мгновение чуть ярче, затем тьма скрыла тучное тело, которое распалось так же, как чуть ранее факел в руках Саломеи – превратилось в песок, который унес едва ощутимый порыв ветра.

– Никогда не видела, как распадаются образы погибших игровых персонажей, – призналась Саломея, помогая Джаво подняться.

– Это не всегда происходит так, как сейчас, – хрипло сказал молодой стражник, потирая поврежденное в схватке горло.

Саломея кивнула, вошла в камеру пыток, чтобы освободить пленника. Железные оковы на руках и ногах голубоглазой жертвы были крепкими для рук актрисы театра Торсия, но пальцы-тиски молодого стражника справились с браслетами без проблем.

– Воды, – попросил узник.

– Воды? – опешила Саломея, так и не успев привыкнуть за время, проведенное в игре, к необходимости питаться.

«Почему нельзя было оставить все как в КвазаРазмерности?» – гневно думала Саломея, пытаясь отыскать в камере пыток сосуд с водой, добрым словом вспоминая нейронные сети, отвечающие за все жизненно важные процессы в организме человека. «Иначе не выжить. В борьбе с Великим ледником каждая единица энергии важна», – думала Саломея, смутно вспоминая, что пыталась скрыться от неприятностей в экспедиции к сердцу Великого ледника.

– Но вместо того, чтобы заниматься наукой, я превратилась в чокнутого игромана, – проворчала она.

– Поищи сосуды с водой рядом с печью, – посоветовал Джаво, подумав, что новая знакомая злится из-за того, что не может

решить простейшую задачу.

Саломея выдала порцию нелицеприятных проклятий, понятных лишь коренным жителям Размерности, и подошла к пылающим жаром печам, где сияли раскаленные угли. Алые, нагретые до синевы, они привлекли внимание Саломеи, приковали взгляд. Казалось, пройдет еще мгновение – и руки сами потянутся к этим источникам боли.

– Воды, – снова попросил обессиленный узник.

Саломея вздрогнула, очнулась. Жар от огня подобрался к ногам, вцепился в подол платья. Ткань начала дымиться.

– Не пытайся тушить ее, залей водой, – посоветовал Джаво.

– Водой? Я думала, вода нужна узнику.

– Все взаимосвязано.

– Чертовы квесты, – проворчала Саломея, добралась до корыта с водой, зачерпнула полный ушат, вылила часть на подол платья, другую отнесла узнику. Голубоглазый хиляк выпил, оживился, смог наконец-то подняться на ноги и покачиваясь стоял напротив Саломеи, пристально вглядываясь ей в глаза.

– Еще воды? – растерянно спросила она, услышала, как хохотнул Джаво, и устремила на молодого стражника гневный взгляд. – Что не так?

– Думаю, мы нашли старика Латуша, – пояснил мальчик.

– Думаешь? – Саломея смерила голубоглазого узника растерянным взглядом. – Это тот самый старик Латуш?

– Надеюсь, что да.

– Надеешься? – точка сборки начала сбоить, уступая закипавшему гневу. – Как это, черт возьми?! Ты говорил, что старик Латуш твой друг. А мы обычно знаем друзей в лицо.

– Старик Латуш для каждого свой. Он то, что мы хотим увидеть.

– Думаешь, я хотела увидеть голубоглазого хиляка?

– Думаю, ты меньше всего хотела сейчас кого-то спасать.

– Так это было испытание?

– Для меня это был старик, на которого напали гигантские крысы. Для тебя – голубоглазый узник.

– Мне больше нравилась идея увидеть мудреца в старике, чем в тощем пленнике, – призналась Саломея, увидела, как спутанные волосы узника посеребрила седина, и в очередной раз грязно выругалась.

Постаревший голубоглазый узник, доверчиво улыбаясь, смотрел на спасительницу.

– Черт! – шумно выдохнула Саломея. – Ну и как это работает?! Я спасла его. Значит, можно задать пару вопросов,

и он ответит? Или нужно выполнять еще какие-то задания?

– Я же говорил тебе, что старик Латуш – не имитация. Его поведение невозможно предсказать. Иногда он мудрец. Иногда безумец. Когда мы только познакомились, то он завел меня в заброшенную часть подземелий, где мне пришлось сразиться с великаном-дикарем, победив которого, я получил арбалет. Тогда я не понимал, зачем мне арбалет. А сегодня арбалет спас мне жизнь. Без него палач оторвал бы мне голову, и я покинул бы игровую площадку. Так что старик Латуш – может быть кем угодно, но в итоге, как мне кажется, он не может навредить игроку.

– Я бы не хотела ни с кем сражаться, – сказала Саломея молодому стражнику. – Меня устроит вопрос-ответ, – она повернулась к старику Латушу. – Скажи, как мне найти Афну?

Голубоглазый узник с ниспадающими на узкие плечи седыми волосами продолжал улыбаться.

– Что я делаю не так? – спросила Саломея молодого стражника.

– Для каждого свои правила, – пожал плечами Джаво. – Я, например, просто начинаю рассказывать ему историю своей жизни, а он делает замечания и дает редкие советы.

– Один из которых привел тебя в пещеру к великану-дикарю? – скривилась Саломея.

– Не забывай, что если бы я не победил дикаря, получив его арбалет, то не смог бы сегодня выжить в схватке с палачом, – напомнил Джаво.

– А говорил, что не нужно выполнять задания, – Саломея сдержалась, чтобы не выругаться в очередной раз. – И как мне заставить работать эту штуку? Рассказать историю своей жизни?

– Может быть, начнешь с того, что перестанешь относиться к нему как к примитивной имитации?

– Хорошо. Это не примитивная имитация.

– Я имел в виду, чтобы ты перестала вообще воспринимать старика Латуша как имитацию.

– Да знаю я, что ты имел в виду… – Саломея оборвалась на полуслове, растерянно уставившись на освобожденного пленника, который, сильно хромая на левую изуродованную палачом ногу, ковылял к выходу из камеры пыток. – Что теперь?!

– Думаю, нужно идти за ним, – сказал Джаво.

Саломея выругалась, покинула камеру пыток. Восприятия пространства, заложенные в точку сборки, и протоколы передвижения изменились. Старик Латуш шел впереди, едва переставляя ноги, но, чтобы не отстать от него, нужно было бежать.

– Куда он ведет меня? – спросила Саломея, когда они покинули освещенный факелами коридор и снова начали спускаться по винтовой лестнице.

– Не тебя, а нас, – поправил Джаво новую знакомую.

– Хорошо, куда он ведет нас? – решила не спорить Саломея.

Любопытные тени густым шлейфом тянулись за ними, перетекая по сырым ступеням, срывались в бездну и возвращались к преследованию, поднимаясь по стенам. Если бы не факел в руках старика Латуша, который он взял со стены перед тем, как ступить на винтовую лестницу, то тьму можно было бы считать абсолютной. Саломея и Джаво тоже пытались взять факелы, но те рассыпались у них в руках, превращаясь в прах.

– Чертовы игрушки, – ворчала Саломея.

Вопрос, заданный молодому стражнику, о том, куда их ведет старик Латуш, остался без ответа. Вместо этого Джаво обнажил клинки, услышав призрачный скрежет когтей, будто кто-то крадется по стенам, почуяв пищу. Даже тени – и те предпочли держаться лестницы и желтого света, ореолом окружавшего факел, высоко поднятый в руке старика Латуша.

– Только не смей говорить, что именно здесь ты встретил великана, – шепотом сказала Саломея молодому стражнику.

– Не здесь, – признался он. – Это было в королевских рудниках, но они, как мне кажется, расположены на пару ярусов выше…

– «Фивы» построены в Подпространстве, а в мире энергии нет понятий глубины, – сказала Саломея, однако легче от этого не стало.

Заложенные в точку сборки игрового персонажа восприятия исправно обостряли инстинкты. Страх усиливался с каждым шагом. Преследовавший непрошеных гостей монстр двигался слишком быстро, чтобы можно было успеть разглядеть его. Острые когти рассекали воздух. Иногда жалобно стонали зазевавшиеся тени, которых разрывал притаившийся в темноте хищник. На игроков он пока не нападал, но это было вопросом времени. Еще пара пролетов – и…

– Думаю, будет лучше, если ты возьмешь мой арбалет, – сказал Джаво, окончательно уверившись в том, что в конце спуска их ждет важная схватка.

– Я актриса театра Торсия, – скривилась Саломея. – Кажется, в комнате личных достижений говорится, что при необходимости могу стать танцовщицей. Но не воином. Помнишь, что было, когда я пыталась защитить тебя, взяв факел?

– Арбалет – это другое. К тому же когда начнется схватка, никто не спросит тебя об игровых навыках. Так что бери арбалет

и готовься к бою, если не собираешься затанцевать врагов до смерти.

Немногочисленные тени, которым удалось уцелеть по дороге, охраняемой монстром, зашептались, отмечая новое событие игрового дня. Арбалет сверкнул в руках Саломеи, позволив разглядеть преследовавшую их тварь: ничего выдающегося и сверхъестественного. Скорее наоборот – настолько простое, что просыпались забытые инстинкты, доставшиеся от предков. Крупный и крепкий, монстр был покрыт густой черной шерстью, а его клыки и когти поблескивали в полумраке. В налитых кровью глазах не было ничего, кроме смерти. Саломея понимала, что все это ход разработчиков игры, но не могла противиться основным протоколам. Дыхание перехватило, мысли спутались, крик застрял в горле… Вскинув арбалет, Саломея прицелилась и нажала на спуск. Оружие снова сверкнуло и превратилось в прах. В сгустившейся темноте лязгнули клыки монстра.

– Говорила же, что я актриса, а не воин, – отчитала Саломея молодого стражника.

– Зато разглядели монстра, – попытался найти положительную сторону в происшествии Джаво.

– И что это меняет?

– Монстром могла быть вся скважина, а так мы знаем, что у него нормальные размеры. Значит, с ним можно сражаться.

– Прости, но после схватки с палачом я не особенно верю в твои силы, – Саломея не могла видеть в темноте лицо Джаво, но, судя по тому, что он не ответил, слова попали в цель, обидев молодого игрока.

Где-то в темноте снова скрипнули о камень когти монстра, который, устав ждать, предпринял первую попытку атаки. Выбравшись на лестницу за спиной непрошеных гостей, он бросился на добычу, сметая в бездну попадавшиеся на дороге тени.

– Если со мной что-то случится, продолжай идти за стариком Латушем, – сказал молодой стражник Саломее. – Это просто игра, так что монстр, расправившись с одним врагом, обязательно возьмет паузу, – голос мальчика дрогнул, но Саломея притворилась, что не услышала этого.

Монстр зарычал и приготовился к прыжку. Но целью был не молодой стражник.

– Пригнись! – крикнул Джаво, решив, что монстр собирается атаковать Саломею.

Гибкое тело танцовщицы могло среагировать мгновенно, но в том не было необходимости – целью монстра был старик Латуш. Зверь ударил тщедушное тело, сбив с ног. Факел подлетел,

закрутился в воздухе и застыл, упав на скользкие каменные ступени спускавшейся в бездну лестницы. Старик Латуш не произнес ни слова. Упавший факел вспыхнул напоследок, позволяя увидеть детали кровавой трапезы монстра. Возрастной лимит точки сборки молодого стражника не позволял видеть большую часть происходящего, но ему хватило услышать проклятия Саломеи, чтобы понять, что это зрелище не для его глаз. Для Джаво кровь, вырванные внутренности и плоть, застрявшая в зубах монстра, были скрыты. Он видел только, как судорожно дергаются тощие ноги старика Латуша, да широкую спину монстра. Иногда зверь оборачивался, и тогда Джаво видел налитые кровью глаза монстра. Зверь тихо рычал, продолжая трапезу, заставляя чужаков держаться на расстоянии, а когда добрался до сердца старика Латуша, неожиданно завыл. Вой эхом разнесся по каменным тоннелям и вернулся ответным рыком.

– Что это было, черт возьми? – насторожилась Саломея.

– Может быть, сородичи монстра? – предположил Джаво.

Зверь затряс головой, отделяя плоть жертвы от костного скелета. Нанесенные острыми когтями разрезы были точными. Мясо с хлюпаньем отделилось от костей, которые с глухим стуком упали на каменные ступени.

– Да это его детеныши! – гневно прошептала Саломея, увидев крошечных монстров, ожидавших, когда родитель принесет пищу. – И после этого создатели «Фив» еще обвиняют руководителей «Голода» в жестокости?!

Зверь зарычал, взмахнул лапой, вспарывая когтями воздух, крепче ухватил зубами освежеванную плоть и прыгнул к детенышам. Пламя факела, лежавшего на ступенях, задрожало, вспыхнуло напоследок и погасло. В абсолютной темноте светились только глаза монстров да раздавалось жадное чавканье.

– Вот тебе и старик Латуш… – прошептала Саломея.

– Не переживай за Латуша, – сказал Джаво. – Я видел несколько раз, как он погибает, так что, думаю, этот не станет последним.

– Да я и не переживаю, просто не пойму: куда нам теперь идти?

Вместо ответа один из монстров подавился, зашелся лающим кашлем и отхаркнул вставший поперек горла кусок, который со звоном упал на холодные каменные ступени и покатился вниз, к ногам Саломеи и молодого стражника, источая призрачное рубиновое сияние.

– Думаю, это твоя награда за спасение старика Латуша,

как арбалет, который я получил, когда познакомился с ним, – сказал Джаво.

Рубиновый камень нетерпеливо сверкнул чуть ярче, а когда Саломея подняла его, засиял, прогоняя абсолютную ночь. Увлеченные трапезой монстры недовольно зарычали, давая понять, что идти можно только вперед.

Глава третья

Спуск закончился усеянным человеческими костями каменистым дном, в дальней части которого виднелся призрачный желтый свет. Извилистая лестница за спиной скрылась во мраке. Где-то там остался и грозный рык преследовавших монстров. Заметить перестроение игровой площадки было невозможно, но Саломея могла поклясться, что почувствовала, как изменились протоколы восприятия, заложенные в точку сборки персонажа. Страх уступил место любопытству и волнению.

– Думаешь, старик Латуш вел нас именно туда? – спросила Саломея молодого стражника.

– Давай посмотрим, – Джаво неловко улыбнулся. – К тому же, кажется, это единственный путь.

Сияние полученного в награду драгоценного камня, который Саломея держала в руке, начало тускнеть, заставляя игроков двигаться к единственно доступному источнику света. Человеческие кости под ногами сменились белым камнем, формировавшим узкую, идеально ровную дорогу. К затхлой духоте подземелий добавились запах горящего воска и благоухания ладана. Дрожащие языки пламени сотен свечей внутри созданной в скалах святыни рождали десятки вытянутых теней бродивших там служителей храма Иакха. Последняя информация пришла в голову Саломеи и молодого стражника спонтанно, будучи заложенной в точку сборки.

– А еще они последователи культа тушителей свечей, – шепотом добавил Джаво, озвучивая получаемую информацию.

– Да знаю я! – отмахнулась Саломея, стараясь блокировать заполнявшие сознание чужеродные знания. – Как думаешь, весь этот информационный хлам, становящийся доступным, когда мы открываем новые игровые уровни, загружен в точку сборки изначально или добавляется каждую ночь во время перезагрузки основных систем по мере необходимости?

– Думаю, был заложен изначально. Иначе выходит, что адаптивные алгоритмы контролируют процесс игры, а у игроков нет права выбора… – молодой стражник вспомнил старика Латуша, который привел их к храму древнего бога на дне усыпанного костями спуска… – Что говорил об этом твой друг Арк-Ми, который работал в «Фивах»?

– Почувствовал себя марионеткой? – Саломея криво улыбнулась, не сводя глаз с далеких силуэтов монахов в длинных рясах.

Сгорбленные и кроткие, с убранными под капюшоны седыми волосами служительницы храма бродили между казавшимися бесконечными рядами свечей, заменяя прогоревшие на новые. Монотонная процедура была превращена в ритуал.

– Кажется основные протоколы ТС не воспринимают это место как потенциально опасное, – подметил Джаво, не чувствуя запрограммированной тревоги или страха.

– Хватит с нас опасности за сегодня, – сказала Саломея, вспоминая встречу с монстрами на лестнице и смерть старика Латуша. – Надеюсь, новых приключений до ночной перезагрузки системы не будет.

– А я готов к бою! – сказал молодой стражник, демонстративно обнажив пару клинков.

– Спрячь оружие, или ты собрался сражаться с монашками?

– Думаешь, они могут обернуться монстрами? – оживился мальчик. – Интересно, какие трофеи мне дадут, если я смогу одолеть их? Может быть, двуручный меч? Или новые доспехи? Хотя – родители оплатили мне качественную броню… – молодой стражник помрачнел. – Я хотел стать воином, а они обманули меня и купили игровой ключ стражника. Здесь нет приключений. Только скука. Если бы не встреча со стариком Латушем, то я до сих пор караулил бы камеры с имитациями.

– Ты говоришь о поединке с великаном, когда получил за победу арбалет, или о сегодняшнем спуске?

– Я говорю обо всем… Хотя сегодняшний игровой день был классным… – Джаво смерил Саломею настороженным взглядом. – Или ты думаешь, что это было только твое приключение?

– Я вообще не отношусь к происходящему как к забавному приключению, – устало сказала Саломея. – Не забывай, ты – ребенок, а я… – она вспомнила, что мальчик нейропат и возвращение в Размерность послужит катализатором его способностей, так что, выходит, он так же застрял здесь, как и она.

Служительницы храма Иакха затушили несколько огарков свечей у входа, заменив новыми, и стали неспешно удаляться, дав Саломее возможность сменить тему разговора.

– Давай догоним жриц и расспросим о храме, – поторопила она мальчика. – Может быть, тогда станет ясно, зачем адаптивные алгоритмы привели нас сюда?

Не дожидаясь ответа, Саломея взяла молодого стражника за руку, заставив убрать кинжалы, и потянула к храму. Запах воска усилился. Тьма расступилась, съедаемая желтым светом. Живые тени, голодные стервятники, жадные до чужих историй, не посмели войти в храм, оставшись в спасительном мраке.

– Подождите! – крикнула Саломея служительницам храма, осторожно продвигаясь между рядами свечей, языки которых так и норовили облизать подол ее пышного платья.

Имитации проигнорировали просьбу. Вместо этого начали перемещаться невидимые прежде глазу платформы, из которых состоял пол, угрожая сжечь непрошеных гостей, если те не покинут храм. Старые служительницы продолжали уходить вглубь храма, но восприятие пространства изменилось, и казалось, что можно догнать жриц в любой момент, нужно лишь миновать калейдоскоп перемещающихся плит.

– А что если затушить свечи? – оживился молодой стражник, выхватил кинжал и попытался рассечь ближайшую свечу.

Сталь и желтый язык пламени встретились. Клинок вспыхнул, раскалился докрасна, обжигая Джаво ладонь, и неожиданно рассыпался, превратившись в прах.

– Ого! – растерялся мальчик, неуверенно начиная обнажать второй клинок.

– Подожди, – остановила его Саломея, подалась вперед и осторожно попыталась задуть пару свечей, но едва ее дыхание достигло желтых языков пламени, как они тут же вспыхнули ярче.

Саломея почувствовала, как лицо обдало нестерпимым жаром. Запахло палеными волосами. Игровые алгоритмы, заложенные в точку сборки, активировали в сознании понимание, что еще одна подобная попытка будет стоить Саломее кожи. Сначала вспыхнет дорогое платье, благодаря которому она попала в театр Торсия, затем начнет гореть плоть… Видения были настолько яркими, что Саломея оторопело замерла, заставляя себя не бежать прочь.

– Думаю, здесь есть определенная система, – услышала она далекий голос Джаво. – Эти платформы двигаются упорядоченно. Нужно лишь вычислить траекторию, и тогда мы сможем проскочить.

Саломея заставила себя сосредоточиться на решении новой проблемы. Жуткие видения растаяли. Появились азарт, волнение, желание разгадать тайну движения платформ быстрее молодого стражника.

– Ты тоже это чувствуешь? – спросила она.

– Что чувствую? – растерялся Джаво, нервно кусая губы, увлеченный соперничеством.

– Адреналин. Адаптивные алгоритмы не посягают на наше сознание, но направляют и контролируют посредством подмены восприятия.

Саломея вспомнила бесконечные споры, когда ученый по имени Пай-Мик смог впервые взломать базовые протоколы

восприятия ТС. Иерархия пыталась прикрыть разработки, ссылаясь на адептов террористической организации «Мункара и Накира», которые начнут использовать подмену протоколов восприятия, чтобы скрыть личность в Квазаре. Социологи вспомнили древние учения о божественном происхождении сознания, начав рассуждать о корректности вмешательства в то, что создано высшим провидением. Дом жизни. Плитка многоуровневости бытия…

Саломея не помнила, какие идеи и науки восстали после открытия Пай-Мика из пепла небытия, а какие родились заново, но взлом базисов восприятия точки сборки наделал много шума. Но все закончилось появлением в мире Подпространства игровых площадок, из которых «Фивы» обрели мощь и армию постоянных поклонников. Разработчики обещали незабываемые впечатления и новый игровой образ, тесно связанный с персональной точкой сборки игрока. Но о подмене восприятий, как правило, умалчивалось. «Интересно, знают ли клирики о том, что взлом базисных протоколов ТС зашел так далеко?» – подумала Саломея, невольно сравнивая «Фивы» с местом прошлой работы.

– В «Голоде» подобного не было, – сказала она молодому стражнику, увлеченному расчетом траектории площадок со свечами. – Там никто не лезет тебе в голову, заставляя чувствовать то, чего на самом деле нет.

– Хочешь сказать, что если бы ты оказалась в подобной ситуации в реальной жизни, то твои чувства были бы другими?

– Сомневаюсь, что подобная ситуация возможна в Размерности.

– Реальность не ограничивается Размерностью. В Квазаре происходит много интересного… – мальчик широко улыбнулся. – Кажется, я знаю, как мы сможем пройти здесь.

– «Кажется» или знаешь?

– Не цепляйся к словам, – отмахнулся он, сбивчиво пытаясь объяснить систему передвижения сотен крошечных площадок со свечами.

– Ну не знаю… – засомневалась Саломея, до боли в глазах вглядываясь в ставшие вдруг ослепительно яркими сотни свечей на перемещающихся платформах. – Мне кажется, что в их движении нет логики. Не вижу ничего из того, о чем ты говоришь.

– Не ищи логику, просто поверь, что она есть, – посоветовал Джаво. – Иначе адаптивные алгоритмы вцепятся в твои сомнения, подменяя базисы восприятия, – типичная ошибка новичка. На второй-третий месяц пребывания в игре появляется опыт и… – мальчик понизил голос. – Один знакомый мне вор, которого я спас от ареста в обмен на ключ от центральных ворот царского

дворца, говорил, что научился подменять восприятие своей игровой ТС настолько, что способен проходить сквозь стены.

– Если он мог проходить сквозь стены, почему тогда боялся ареста? – скептически спросила Саломея.

– Думаешь, ключ, который он мне дал, тоже фальшивка? – помрачнел молодой стражник.

– Думаю, настоящие игроки более лживые, чем имитации, – сказала Саломея, наконец-то начиная видеть цикличность в сложном движении платформ. – И как я не заметила этого раньше?!

Система перемещений была простой до неприличия, но стоило отвернуться, потеряв ритм, и все снова расплывалось, становилось хаотичным.

– Ничего сложного, – скривилась Саломея, начиная продвигаться вперед, маневрируя между парящими платформами со свечами.

Джаво шел рядом. Первая треть пути не вызвала затруднений, но затем Саломея краем глаза заметила, что жрицы культа тушителей свечей начинают удаляться и нужно торопиться, чтобы догнать их и получить информацию о том, что делать дальше. Подобные мысли отвлекли Саломею от парящих платформ, движение которых тут же утратило стройность. Огненное кольцо сомкнулось и начало сжиматься. Свечи вспыхнули ярче, заметив чужаков. Чувства обострились. Саломея испугалась, почти запаниковала, затем заставила себя признать, что все это уловки адаптивных алгоритмов, чтобы сделать игровой процесс интереснее и динамичней. «Нужно просто сосредоточиться», – сказала себе Саломея, пытаясь не думать о том, что жрицы могут уйти. Огненное кольцо вздрогнуло и начало распадаться.

– А ты быстро учишься, – похвалил молодой стражник, когда парящие в воздухе платформы со свечами остались за спиной. – Из тебя может получиться хороший игроман.

– Не знаю, как для тебя, а для меня подобное сравнение скорее не похвала, а оскорбление, – сказала Саломея, тщетно пытаясь отыскать взглядом растаявших в полумраке служительниц храма. Свет оставшихся за спиной свечей не проникал дальше отведенного им периметра, словно внутреннее пространство храма было разделено невидимыми стенами.

– Попробуй воспользоваться кристаллом, который получила за спасение старика Латуша, – посоветовал молодой стражник, но пользы это не принесло.

– Придется идти наугад, – решила Саломея, убирая кристалл

обратно в карман платья, где могли поместиться сотни подобных трофеев, преобразованные основными протоколами площадки в соответствии с игровыми базисами.

Сделав десяток шагов в полумраке, Саломея заметила, что начинает различать скрытые прежде детали: сводчатые потолки, алтари, усеянные потухшими свечами… То ли протоколы восприятия решили создать эффект, что глаза привыкли к темноте, то ли… Саломея увидела собственную тень, вытянувшуюся далеко вперед, во мрак, и резко обернулась, поняв, что источник света находится за спиной. Обернулся и Джаво, ловко обнажив уцелевший клинок, готовый отражать атаку. Но атаки не было. Их преследовала одна из усеянных свечами площадок, которая еще недавно угрожала сжечь игровых персонажей.

– Думаю, это тоже трофей. Как кристалл, – сказал Джаво.

– Боюсь, в кармане у меня такая штука не поместится, – неловко пошутила Саломея, потому что молодой стражник тут же оживился и начал рассказывать, как один его знакомый смог архивировать подобным образом боевого коня.

– Я просто хотела поднять нам настроение шуткой, – устало пояснила Саломея. – Наверное, ты слишком долго играешь и отвык воспринимать реальность Размерности, адаптировавшись к правилам и законам «Фив».

– Ты скоро станешь такой же, – сказал молодой стражник.

– Сомневаюсь.

– Значит, вылетишь из игры.

Они переглянулись, и мальчик примирительно улыбнулся, желая показать, что он тут ни при чем – просто таковы правила игры. Площадка со свечами парила в воздухе за спиной, ожидая, когда игроки продолжат движение.

– Кажется, я что-то слышу, – сказал Джаво, указывая вдаль темного коридора с низким сводчатым потолком.

– Думаю, тебе показалось, потому что я ничего… – Саломея не закончила фразу, отчетливо разобрав далекие песнопения.

Жрицы храма Иакха монотонно возносили молитву своему богу. Слова были непонятны, но информация, поступавшая в точку сборки игровых персонажей, позволяла представить историю Иакха – взлеты и падения мира, который никогда не существовал в реальности.

– Нам обязательно тратить на это время? – спросила Саломея.

Джаво пожал плечами. Возрастные ограничения восприятия скрывали от него сотни пикантных деталей, доступных Саломее. Ужас одной из игровых легенд звал ее, манил, демонстрируя отвратительные картины далекого прошлого, где люди больше

напоминали зверей, нежели разумных существ. Сначала это были едва различимые блики, силуэты, тени, сдобренные пониманием того, что нужно продвигаться вперед, к центру этой истории, чтобы получить ответы.

– Кажется, это задание только для тебя, – услышала она голос Джаво. – Возрастные ограничения блокируют для меня возможность продвижения.

– А если я не хочу идти? – с пренебрежением спросила Саломея, боясь даже представить, что еще придется увидеть, если начать продвижение к окруженному седовласыми жрицами алтарю забытого бога. – Я, конечно, не из брезгливых, но сейчас разработчики, кажется, перегнули палку в своей больной извращенности.

– Ну, раз так, то мы всегда можем попробовать вернуться, – пожал плечами молодой стражник. – Только это ведь игра. Здесь нужно двигаться вперед, иначе какой смысл вообще играть?

– Думаешь, дойдя до алтаря, я узнаю, где найти женщину, на поиски которой меня отправила богиня из храма Сфинкс?

– Игровой процесс сложный и запутанный. Мы оказались здесь, потому что ты хотела, чтобы старик Латуш помог тебе. Так что этот квест принадлежит тебе.

– Это значит, что возле алтаря мне откроется понимание, где найти Афну?

– Может быть так, а может быть, это задание станет частью пазла на пути к ответу.

– Всегда ненавидела игры, – процедила сквозь зубы Саломея, делая шаг вперед.

Свечи на парящей за спиной площадке вспыхнули, облизав желтыми языками пламени стены. Огонь за мгновение охватил сводчатые потолки и устремился к алтарю. Но вместо того, чтобы сжечь призрачные картины, он придал им сил, вдохнув жизнь. Блеклые силуэты вспыхнули россыпью цветов. Игровые протоколы точки сборки отреагировали мгновенно, обострив восприятия. Картины на стенах распустились, проникая в сознание видениями далекого прошлого, придуманного разработчиками.

Саломея увидела высокие горы, на пиках которых бушевали вулканы. Серый пепел скрывал солнце, а по склонам гор вместо магмы текли реки крови. Это были времена, когда человечество только зарождалось – дикое, жестокое, похожее на своих первородных богов. Саломея видела десятки войн: крошечных и безбрежных, захватывающих целые материки огнем безумия.

Смерть не знала пресыщения. Плач, крики и смех победителей сливались воедино, формируя песню жизни.

Все было хрупким, относительным, но в то же время нерушимым и ясным. Милость и кара. Боль и страдания, превращенные в желанные мгновения сладострастия. Смерть и безумие. Хаос, в котором рождался порядок, и порядок, где вновь зарождался хаос. Плоть. Мясо. Зубы. Страх и отчаяние, внутри которых зарождается свет и надежда, разгоняющая мрак.

Для Саломеи этим светом стал окруженный жрицами алтарь в храме – маяк, к которому она продвигалась подобно человечеству на пути от рассвета к зениту цивилизации. Последние мысли принадлежали программам, установленным в ТС Саломеи, но легче от этого не становилось. Восприятия, как и собственная личность, были готовы развалиться на части. Игровые протоколы деградировали, превращая игрока в животное. Больше всего хотелось встать на четвереньки и завыть, но где-то подсознательно жужжало назойливой мухой понимание, что сдаться уже нельзя: ты либо соберешь силы в кулак и доберешься до алтаря, либо вылетишь из игры.

«Ну уж нет! – разозлилась Саломея. – Только не так. Не в окружении глупых образов, рожденных больным воображением разработчиков, насмотревшихся древних реконструкций хронографов». Она попыталась представить, как один из братьев, по вине которых ей пришлось играть, будучи в прошлом одним из разработчиков «Фив», создает каркас храма Иакха, образы старых жриц, основные схемы взаимодействия с игроком…

– Иакх! – прошелестели жрицы полушепотом-полустоном.

Сняв капюшоны имитации, словно почувствовав свою уязвимость, впервые посмотрели на игрока. У старух не было зрачков – за веками извивались желтые языки пламени свечей.

– Мне не нужен ваш бог. Мне нужна Афна, – попыталась торговаться Саломея, решив поверить Джаво, что они оказались здесь неслучайно.

– Афна? – прошелестели имитации, и пламя свечей в их глазах вспыхнуло ярче, облизнув своды желтыми языками, подарив новые видения и образы.

Адаптивные схемы восприятия перенастроились на прием новой информации. Саломея увидела, как рождается древний бог храма, в который она осмелилась войти. Пламя на стенах и потолке создало детали жизни культа Сабазия – извращенного богохульника, который вместе с падшей жрицей Кибелой и ее верными нимфами устраивал дикие ночные мистерии. Саломея не хотела смотреть на бесчинства, но что-то не позволяло ей отвести взгляд, пока она не увидела среди нимф Афну – почти божественное создание в эпицентре разверзшегося земного ада. Разве может нимфа отказаться от того, чтобы следовать

за хозяйкой?

Саломея почувствовала, как игровые программы начинают загружать в системы восприятия сопереживание.

«Чертовы пазлы! – подумала она, вспоминая предоставленные минувшей ночью в комнате личных достижений сведения на Афну, где ни слова не говорилось о том, что она нимфа. – Сколько еще нужно разгадать глупых тайн, чтобы избавиться от поручения?»

Огненные картины, проникая в сознание, показали рождение Иакха – ребенок древних богов, подаренный Сабазию в благодарность за преданность бесчинствам и непокорность новым богам. Афна полюбила младенца с рождения. Саломея видела, как нимфа воркует возле непризнанного бога, которого Сабазий с рвением безумца пытался приобщить к своему культу, чтобы спасти от наследственной жестокости старых богов. Почившие родители маленького бога не знали пощады. Но в объятиях Кибелы и Сабазия окруженный заботой и покрытый поцелуями Иакх сохранял в себе силы бороться с тем, что уготовила ему природа. Порок исцелял лучше убеждений.

Но новые боги, пришедшие к власти, несли новые верования, побуждая Иакха покинуть объятия прекрасных нимф, создав собственный культ и объединив последователей, чтобы заслужить право встать на одну ступень с существующими богами.

Он не вернулся к Сабазию. Вместо него пришли слухи о его деяниях, ужаснув приемных родителей – чудовищное сочетание науки похоти, привитой с детства, и жестокости, которая текла в его крови с рождения. Порок и страдания. Вожделение и боль. Саломея видела, как обезумевшие женщины, которых он собирал возле себя, убивали в экстазе мужей, а мужья, склонив колени перед молодым богом, убивали жен.

Истории множились, продолжая заполнять сознание, и среди россыпи образов Саломея четко увидела Сабазия и Кибелу, которые отправляют Афну найти их приемного сына и положить конец его безумию.

– Почему я? – спросила Афна.

– Потому что ты любишь его. Потому что он любит тебя. Ты нужна ему, так же, как он нужен тебе.

Долгие странствия Афны пронеслись перед глазами Саломеи в одно мгновение. Вместе с Афной молодой бог возвел новый город, который был так же красив, как и бывшая нимфа. Информация стала смазанной. Любовь, дети, века мудрого правления – все осталось позади. Саломея вздрогнула, увидев крушение империи. Тени сгустились. Блики обрели плоть, являя четкую картину трагедии: крупные слезы на щеках Афны.

Ее любимый город был разрушен. Дети убиты.

– Как же так, Иакх? – застонала она, склоняясь над растерзанным телом непризнанного бога.

Его сердце еще билось. Афна подняла его, прижимая к своей груди.

– Ты не сможешь вернуть его к жизни, – сказала Кибела, когда Афна пришла за помощью в покинутый века назад культ Сабазия. – Но ты сможешь помочь ему исполнить его давнюю мечту. Стать истинным богом. Его сердце. В нем жизнь его родителей. Ты должна сохранить его. Настанет день – и твой возлюбленный возродится вновь и займет свое место среди богов.

– Но без меня.

– Ты нимфа. Тебе место здесь.

– Я понимаю.

Вспоров себе живот, Афна опустила в разверзшуюся полость сердце возлюбленного. Теперь оно всегда будет с ней – там, где заканчивается ее женское начало, будет начинаться его сердце.

История снова побежала вперед с чудовищной быстротой. Оргиастические мистерии, поклонение свергнутым богам, начало новой эпохи и ее крушение… Саломея увидела, как молодая правительница Сфинкс принимает решение переселить культ Сабазия и Кибелы в Новые Фивы, где бессмертная нимфа Афна покинет сородичей, выбрав собственный путь, притворившись обыкновенной женщиной, смешавшись с многоликой толпой на шумных улицах, изредка посещая театр Торсия, чтобы увидеть божественные постановки, которые так сильно напоминали бессмертной нимфе о канувших в небытие временах.

– Так она была все время рядом! – прошептала Саломея, отчетливо представляя лицо Афны в первых рядах рукоплещущей актерам публики.

– Рядом! – прошелестели старые жрицы, указывая на пустой алтарь, где должно находиться сердце их бога. – Верни нашу дочь, в теле которой живет наш бог.

– Вернуть? – Саломея только сейчас поняла, что добралась до алтаря. – Но я не могу вернуть Афну. Я пообещала богине из Аида, что приведу к ней Афну.

– Верни Афну, и мы подарим тебе бессмертие.

– Бессмертие? – Саломея злилась, что общается с имитациями, принимая правила игры, словно стала частью этого чокнутого мира.

«А может быть, и стала? – подумала она растерянно, вспоминая слова молодого стражника, что только так здесь можно продвигаться к цели. – Да как бы не так!» Она подняла

голову, собираясь рассмеяться над старыми жрицами.

– Не забывай: те, кто может подарить бессмертие, с легкостью способны оборвать жизнь, – предупредили имитации.

– Я…

– Верни Афну и бога в храм, или мы найдем и убьем тебя! – громыхнули старые жрицы, и подкравшееся со спины пламя, лизавшее стены и потолок, окутало Саломею, перенося из подземелий на шумные улицы Новых Фив к театру Торсия, откуда она должна начать поиски сбежавшей нимфы.

Глава четвертая

– Саломея! – закричал Джаво, тщетно пытаясь пробиться сквозь пламя к новому другу.

Жар обжег кожу. Схемы восприятия отозвались острой болью. Молодой стражник не знал, как долго броня сможет противостоять огню, но, судя по быстро нарастающему уровню боли, времени у него было немного. «Может быть, сила жриц и огня заключена в алтаре?» – подумал Джаво, обнажая кинжал, надеясь, что сможет добраться до цели прежде, чем пламя нанесет критический урон. Но стоило ему сделать несколько шагов, и огонь усилился, заставляя отступиться. Джаво обернулся, сравнивая пройденное расстояние и оставшееся. Дорога была преодолена примерно наполовину, так что разницы, в какую сторону идти, уже не было.

«Уничтожив алтарь я могу получить бонус, а что получу отступившись, признавая провал, кроме ожогов игрового персонажа?» – думал мальчик, продолжая приближаться к алтарю. Главное, чтобы хватило сил пустить в ход кинжал. Главное… Молодой стражник услышал, как лязгнула сталь об алтарь. Никаких повреждений. Джаво нанес десяток ударов, пока силы не покинули его. Ноги подогнулись. Броня перестала защищать тело. Вспыхнула плоть. Возрастные ограничения блокировали волну боли. Мальчик тщетно попытался вспомнить хотя бы одно ругательство, коими сыпала Саломея. Ничего не вышло. Восприятия распались в соответствии с алгоритмом смерти персонажа.

Какое-то время адаптивные алгоритмы пересчитывали набранные игроком бонусы, затем провели переформирование личного счета и вместо того, чтобы позволить Джаво пробудиться в капсуле терминала переходов, отправили в имитацию комнаты личных достижений, где мальчику сообщили, что личный счет позволяет оплатить возрождение, и предложили продолжить игру, исключая возвращение в КвазаРазмерность.

– И где произойдет мое возрождение? – спросил Джаво, обращаясь к созданным для общения богиням судьбы, которые в обычном варианте КЛД по обыкновению хранили молчание.

– Твоя игровая среда – Внутренний Город, – ответили вразнобой три богини.

Разрозненные голоса вызвали мимолетный сбой протоколов игровой точки сборки.

– А точнее сказать нельзя? – спросил Джаво. – Внутренний Город большой. Я бы хотел начать игру рядом с Саломеей… –

он запнулся. – Она… ведь жива?

– Мы не вправе разглашать информацию о других игроках, – сообщили вразнобой три богини, и протоколы игровой ТС вздрогнули, предупреждая, что следующий вопрос может оказаться последним, нарушив связь сознания игрока с персонажем. Оставалось либо принять предложение возрождения, либо покинуть игру.

– Возрождайте меня, – принял решение Джаво, хотя появись подобный выбор пару дней назад, то ответил бы с точностью до наоборот. Персонаж стражника порядком надоел мальчику: слишком скучно и никаких приключений, пока не появилась Саломея. «Вот она удивится!» – успел подумать Джаво, прежде чем система обработала запрос на возрождение и вернула его в проект, перенастроив временные колебания точки сборки на резонанс нового игрового дня.

Джаво очнулся в своей комнате, услышав голос имитации стражника, который барабанил в дверь, напоминая, что скоро смена караула.

– Да иду я. Иду! – прокричал Джаво, зная, что иначе имитация не отстанет.

Солнечный свет пробивался в комнату через грязные стекла, по которым ползали мухи. Молодой стражник часто слышал, как другие игроки с восхищением смакуют тонкости детализации игрового мира, но сам никогда не понимал подобных хвалебных песен. Возможно, он просто был молод, чтобы замечать такие тонкости, хотя часто встречались и другие игроки со стажем, не скрывавшие своего преклонного возраста, которых привлекал сам игровой процесс, а не поиск изживших себя в реальности детализированных рудиментов прошлого. Кому они нужны, когда мир скован Ледником, а человечество живет в гигантских жилых комплексах, не видя неба на протяжении тысячелетий?!

Что касается Джаво, то его семья, а следовательно, и он, жили в комплексе Isistius labialis, пострадавшем еще до его рождения так сильно, что Всемирная иерархия всерьез рассматривала возможность закрытия жилого комплекса. Джаво никогда не интересовался деталями трагедии, превратившей Isistius labialis в безжизненную груду металла, опутанную нейронными сетями, но слухов ходило так много, что невозможно было игнорировать их. К тому же уцелевшие жители комплекса, пострадавшего в результате теракта, совершенного адептами из организации «Мункара и Накира», казалось, гордились тем, что выжили, выстояли и смогли снова встать на ноги. Правда, встать на ноги смогли не все. Полученные от Всемирной иерархии в качестве компенсации единицы Влияния,

необходимые, чтобы выжить в полумертвом комплексе, быстро перетекли с одних счетов на другие. В результате в обществе Isistius labialis сформировался чудовищный социальный разрыв, продержавшийся не одно десятилетие, пока пустующими территориями жилого центра не заинтересовались исследовательские корпорации. Они заключали договора с местной элитой, которая скупала для будущих исследовательских центров пустующие территории, что привело к увеличению социального неравенства.

Родители Джаво происходили из зажиточных семей местной аристократии, сформировавшейся после трагедии, уничтожившей девяносто процентов жителей Isistius labialis. Впрочем, вторжение ученых и разработчиков в первые годы не принесло ничего хорошего в бедствующий жилой комплекс. Не появилось даже обещанных рабочих мест, так как на высокооплачиваемую работу нанимали профессионалов из жилых комплексов Galeus longirostris или Hexactinellida, а черновую работу оплачивали согласно местным расценкам, сохраняя требования центральных комплексов.

В духоте экономического застоя глотком свежего воздуха стали первые игровые площадки, появившиеся в результате глобального эксперимента, одобренного Иерархией, предполагавшей превратить жилой комплекс Isistius labialis в тестовую площадку нейронных сетей нового поколения. Мало кто думал, что ненадежные и в те времена подверженные частым сбоям нейронные сети седьмого поколения привлекут внимание разработчиков игровых площадок, но основную роль в этом вопросе сыграла существенная экономия единиц Влияния за использование нейронных сетей плюс пластичность новых систем, открывавших практически безграничные возможности для инженеров Размерности. Также не нужно забывать о недорогой арендной плате за территории игровых площадок, которая с лихвой покрывала дорогие терминалы переходов, посредством которых игрок мог попасть из двух главных жилых комплексов в тело игрового клона на площадке Isistius labialis.

Впервые игровые проекты Размерности приблизились к тому, чтобы составить конкуренцию живописным играм Квазара. Какое-то время представители игровых площадок Подпространства пытались не замечать конкурентов, надеясь, что экспериментальные сети седьмого поколения закроются на стадии бета-тестирования, но Великий ледник, сковавший планету, пробирался и в уцелевшие жилые комплексы, так что Всемирная иерархия понимала необходимость перемен. Да и старые нейронные сети уже давно не справлялись

с Ледником, требуя глобальной реконструкции и доработки. Так что новые нейронные сети рассматривались как панацея борьбы с Великим ледником, и вместо того, чтобы свернуть проект, Иерархия предпочитала закрывать глаза на ряд нарушений и сбоев, имевших место быть на первых этапах существования проекта.

Развитие игровой индустрии в Isistius labialis пустило одних местных богачей ко дну, а других вознесло на недосягаемый для соседей уровень. Единицы Влияния текли рекой. Строительство не прекращалось даже ночью, хотя вначале внешние координаторы из Galeus longirostris и Hexactinellida прерывались на сон вместе с основными системами КвазаРазмерности. Клоны, в которых находилось сознание внешних координаторов, лежали в капсулах терминалов переходов. Подобные остановки не радовали разработчиков, поэтому в конце концов они начали отдавать предпочтение местным координатором, которые, как правило, могли работать сутками, организуя ночные смены, да и второй уровень реальности в Isistius labialis не пользовался спросом после того, как адепты совершили теракт, нарушив связь находившихся в Квазаре сознаний людей с оставленными в Размерности телами. Так что заморочки двухуровневого дня построенного в подпространстве мира и перезагрузки временных резонансов не касались местных жителей Isistius labialis, которые предпочитали держаться в Размерности, ограничиваясь новшествами нейронных сетей седьмого поколения, которым, по правде говоря, было далеко до пластичной энергии Подпространства и эфемерных творений ученых акеми. Последних коренные жители Размерности называли алхимиками нового мира.

– Подпространство – это проклятый мир, где кишат адепты, беглые преступники, содомиты, жулики с неопределенным коэффициентом личности и просто невинные сознания, потерявшиеся в бесконечных временных колебаниях по вине случайных сбоев, – говорили родители Джаво, и для мальчика Квазар казался не миром света, коим был в реальности, а мрачным, кровавым и безумным отстойником жизни, где нет ничего кроме смерти, порока и отчаяния.

Отца Джаво звали Демир, и он, в отличие от своих предков, сколотивших состояние обслуживая игровые площадки, стремился перейти на новый уровень, подписав контракт с Иерархией на обслуживание центральных генераторов нейронных сетей жилого комплекса. Впрочем, от хорошего заработка на игровых площадках Демир не собирался

отказываться, брезгуя лишь молодыми проектами, работавшими по запутанным кредитным программам, с которыми в случае банкротства заказчиков было невозможно разобраться, получив причитавшиеся застройщикам единицы Влияния.

Нужно ли говорить, что Джаво знал не понаслышке обо всех крупных игровых площадках Isistius labialis? Времена, когда игровые проекты Квазара стояли вне конкуренции, давно прошли, и к моменту, когда в репродукционном центре на свет появился Джаво, игровая площадка «Голод», построенная в полупустом жилом комплексе, занимала десятки ярусов и соперничала с одним из самых популярных игровых проектов Квазара – «Фивами».

Родители оплачивали любые увлечения сына, и у Джаво не было проблем с тем, чтобы достать необходимое количество единиц Влияния на покупку ключа игрока, но правила официальных терминалов «Голода» не допускали в игру всех, кто не достиг установленного Иерархией возраста, допустимого для участия в играх категории «Голод» – да, название самой известной игры Размерности стало названием категории, где действовали самые строгие возрастные ограничения. «Голод» считался самым жестоким, кровавым и аморальным из всех официально разрешенных проектов. Были, конечно, площадки, рядом с которыми любая официальная игра «нервно курила в сторонке», но достать ключ игрока таких проектов было крайне сложно, к тому же, в случае если любитель острых ощущений попадется, Иерархия выписывала покупателю ключа порицание. А кто хотел набрать критическое число порицаний?

Часто, присутствуя на строительных площадках, Джаво слышал от рабочих и корректировщиков много жутких историй о Квазаре и преступниках, которые скрываются там, потому что не могут вернуться в Размерность из-за того, что набрали недопустимое количество порицаний. Большинство историй рассказывались только с одной целью – напугать избалованного мальчика, который ищет острых ощущений, но была среди них и доля правды.

Некоторым друзьям Джаво, таким же молодым и богатым, нравились истории об опасностях во время путешествий по безграничным территориям Квазара. Причем использование официально разрешенного и проверенного кольца переносов не рассматривалось. Избалованные мальчишки представляли себя героями, которые сражаются с созданными акеми монстрами и дикими ордами содомитов, перемещаясь по Квазару на собственном кубе переносов, от частого использования которого смещается точка сборки, нарушая связь с оставленным

в Размерности телом.

Ни один из мальчишек так и не воплотил свои мечты в жизнь, разменяв реальность приключений на иллюзию опасности в игровых порталах. Все они, согласно внушению родителей и веянию моды Isistius labialis, выбирали игровые проекты, расположенные в Размерности. Джаво был самым младшим в этой компании и для того, чтобы компенсировать разницу в возрасте, из кожи вон лез, поддерживая мнения и взгляды друзей. Беда была в том, что возрастные ограничения игровых площадок не позволяли ему принимать участие в играх более взрослых друзей. Чтобы решить эту проблему, Джаво планировал отправиться на местный черный рынок и расспросить торговцев о незаконных игровых терминалах, где можно было купить ключи игрока в обход основных правил. Джаво готовился к этому приключению не один месяц и, скорее всего, воплотил бы мечту в жизнь, если бы у него не выявили склонность к нейропатии.

Мальчик воспринял диагноз как смертный приговор. Рабочие и корректировщики часто травили байки о том, какие ужасы происходят в крупных жилых комплексах, делая акцент на большое количество нейропатов, которых Иерархия стала привлекать для работы с общественностью. Рабочие называли их мертвецами, потому что способность посредством взаимодействия с нейронными сетями читать мысли людей выжигала человеческие чувства, превращая нейропатов в машины. Местная элита тщательно фильтровала круг общения для своих детей, поэтому, несмотря на то что в Isistius labialis соотношение нейропатов к числу местных жителей превышало средний коэффициент двух других жилых комплексов, Джаво ни разу не видел тех, кем должен был в скором времени стать. Поэтому вместо реального нейропата он представлял примитивного синергика – комичного робота, встреченного в одной из официально доступных Джаво игр. Синергик притворялся человеком, а его фальшивая широкая улыбка напоминала хищный оскал.

Джаво поделился бедой с друзьями, но они, вместо того чтобы поддержать, в один голос заявили, что лучше умереть, чем стать нейропатом.

– Я не позволю тебе стать нейропатом, – заверил Джаво отец, когда нервное напряжение мальчика стало таким сильным, что он начал кричать во сне, нарушая работу медицинских нейронных систем, а жидкий чип, интегрированный от рождения, подвергся критическим перегрузкам и временному отторжению.

Несколько часов, пока чип не восстановился, Джаво жил в мире без прикрас, обеспечиваемых нейронными сетями.

Никогда прежде Джаво не видел жилой комплекс без нейронных образов. Разве что на строительных площадках отца, хотя там все было совершенно иначе. Наверное, не думай он о поставленном ему диагнозе, случившееся могло стать самым ярким приключением в его жизни, а так…

– Хочу посмотреть на улицы комплекса без нейронных образов! – фальшиво оживился Джаво.

Службы контроля передали его отцу предупреждение о том, что пожелание Джаво не одобрено, по крайней мере, пока не восстановится жидкий чип мальчика.

– Но почему нельзя? – обиделся Джаво.

Отец встретился с ним взглядом и смущенно пожал плечами.

– Когда я еще смогу увидеть жилой комплекс таким, какой он на самом деле? – решил не сдаваться Джаво. – Кто еще сможет похвастать подобным? Вспомни, когда ты сам был ребенком, разве не мечтал о чем-то выходящем за пределы обычного?

– Мир без нейронных сетей – это скучно, – сказал отец. – К тому же без жидкого чипа небезопасно передвигаться по комплексу. Не забывай, что у нас используют сети седьмого поколения, а это значит, что нейронные образы интегрированы в окружающий мир достаточно глубоко. Что если ты забудешься и выберешь нейронный лифт? Или провалишься сквозь нейронную стену?

– Я скоро стану бесчувственным нейропатом, а ты переживаешь, что я могу упасть и сломать пару костей, которые нейронные медицинские помощники вылечат за час? – начал давить на жалость Джаво.

Отец сдался, но поставил условие: идти на улицу они должны вместе.

– Без проблем, – улыбнулся Джаво.

– И я буду держать тебя за руку.

– Без проблем.

Нейронные службы контроля снова предупредили об опасности запланированной прогулки. «Порицание за это не выпишут, а штрафных выплат я не боюсь», – подумал отец Джаво, покидая с сыном безопасный монолит жилища.

– А ты знал, что в реальности здесь все ржавое и старое? – спросил Джаво, не скрывая разочарования. – Это скучно и печально.

– Иерархия и многие другие исследовательские центры работают над улучшением формул консервантов и восстановителей, – сказал отец. – К тому же сейчас на игровой площадке «Голод» тестируется новая методика реконструкции поврежденных поверхностей. Инженеры вернулись к закрытым

проектам по созданию крошечных ремонтных роботов, тела которых состоят из строительных материалов, что позволяет увеличить коэффициент полезности в несколько раз. Эти крошечные механические жуки будут передвигаться под нейронными образами по материальной поверхности жилых комплексов, исцеляя наш дом своими телами…

– И ты хочешь получить грант на разработку этих жуков? – спросил Джаво.

– Боюсь, на этот раз у нас слишком много влиятельных конкурентов из других жилых комплексов. А ты знаешь, кому Всемирная иерархия отдает предпочтение в подобных спорах…

– Разработчикам из крупных комплексов?

– Именно.

Они шли по неприглядной для Джаво улице, которая для его отца светилась, слепя глаза многочисленными нейронными рекламными вывесками. Была середина ночи, и дороги были закрыты, хотя Isistius labialis не мог похвастаться большим количеством частных средств передвижения и днем. После теракта использование старых магнитных дорог стало экономически невыгодным, а новые нейронные сети развивались не так быстро, чтобы заменить ими устаревшие магнитные поля автострад и изношенные нейронные генераторы. Впрочем, в тоннелях общественного транспорта, пронзавших Жилые комплексы, последняя зарекомендовала себя только с лучшей стороны. К тому же в Isistius labialis уже давно интегрировали нейронные сети в капсулы общественного транспорта, чтобы сделать поездку комфортной, исключив перегрузки на виражах.

– А давай воспользуемся сетями общественного транспорта, – предложил отцу Джаво, устав от однообразной серости окружающих пейзажей без нейронных прикрас.

– Думаешь найти себе новый аттракцион? – догадался отец.

– Еще одно приключение, – улыбнулся Джаво, зная, что отец не сможет отказать.

Нейронные службы контроля снова посоветовали вернуться в квартиру, предупреждая об опасности использования сетей общественного транспорта с неработающим жидким чипом.

– Уверен, что хочешь сделать это? – спросил отец, когда из пневмотоннеля вынырнула капсула общественного транспорта.

– Уверен, – сказал Джаво слишком беззаботно, чтобы обмануть отца.

– Если есть сомнения…

– Я должен!

Мальчик дождался, когда откроются двери капсулы общественного транспорта, и вошел, заставляя себя не смотреть,

последовал ли за ним отец. Несколько пассажиров даже не взглянули на полуночных попутчиков. Двери закрылись. Капсула вздрогнула и скользнула по вакуумным рельсам в пневмотоннель. Нейронные сети компенсировали перегрузки ускорения для тех, у кого жидкий чип работал исправно. Джаво взмахнул руками, пытаясь устоять. Отец схватил его за руку.

– Ух ты! – крикнул Джаво, выводя из полусонного ступора попутчиков.

– Осторожно! – забеспокоился отец.

– Да все нормально! – мальчик высвободил руку из отцовской ладони и приготовился к новому ускорению или крутому повороту. – Теперь я буду готов заранее и…

Резкое торможение и поворот швырнули Джаво вперед. Мальчик упал, разодрав ладони, поднялся, морщась от боли, но пытаясь улыбаться, зная, что отец наблюдает за ним, оценивает.

– Мне не больно, – соврал Джаво.

Отец кивнул, увидел, как кровь из разодранных ладоней сына тонкой струйкой стекает по пальцам, капая на пол, но притворился, что не придает этому значения. Правда, Джаво успел перехватить тревожный взгляд отца.

– Нейронный медицинский помощник все исправит, как только заработает мой жидкий чип, – сказал мальчик, глядя на ладони. – Пустяки.

Он сжал пальцы в кулак, чтобы остановить кровь, и приготовился к новому виражу капсулы общественного транспорта, за окном которой вместо привычных нейронных реклам, вгрызающихся в мозг, взаимодействуя с интегрированным жидким чипом, красовались обледеневшие стены.

– Еще не наигрался? – притворно небрежно спросил отецпосле десятка падений сына.

– Нет, но, кажется, я определил систему и теперь смогу… – Джаво не успел договорить, потому что пневмотоннель изогнулся, лихо уходя вверх, заставляя капсулу с пассажирами совершить жуткий пирует.

Мальчик устоял во время торможения, но потом начался резкий подъем, и Джаво, предвидя новое падение, едва не запаниковал, едва не попросил у отца помощи. Интегрированный жидкий чип активировался в тот самый момент, когда Джаво сдался и начал звать отца. Мир вспыхнул, распустился яркими образами. Серая унылость канула в небытие. Информационные и энергетические потоки зарегистрировали жидкий модуль Джаво, начав непосредственное взаимодействие

с ним. Мальчик машинально взмахнул руками, но интеграция в нейронные сети уже обеспечила ему прописанную в систему защиту от перегрузок во время пользования общественным пневмотранспортом. Перегрузки показались сущим пустяком по сравнению с тем, что было, когда жидкий чип не работал.

– А у тебя, кажется, действительно получается держаться на поворотах, – услышал Джаво голос отца, который продолжал изображать сонливое безразличие, хотя внутри сгорал от тревоги и желания оградить сына от получения ран. – Ты быстро учишься, – похвалил он.

– Вовсе нет, – отмахнулся Джаво, показывая затянувшиеся раны на ладонях. – Мой жидкий чип снова начал функционировать.

Подобное отклонение было настолько редким, что, услышав об этом, попутчики тут же перестали дремать и настороженно уставились на мальчика, который минуту назад разве что на голову не вставал, но не мог привлечь их внимания. Джаво буквально чувствовал их страх, который пульсировал в голове: «А что если мальчишка подхватил какой-то вирус, после чего его жидкий чип отключился, и как передается этот вирус?»

– Нет, это был не вирус, – сказал Джаво попутчикам.

Проснувшиеся люди растерянно переглянулись.

– Я говорю, не нужно бояться. Вам ничего не грозит, – мальчик повернулся к пожилой женщине, отсутствие волос на теле которой выдавало в ней коренного жителя Квазара. – Успокойтесь, такое случается крайне редко. И не нужно из-за этого единичного случая считать Размерность или жилой комплекс Isistius labialis опасными и ненадежными. Это не так. Ошибки и сбои случаются и в Квазаре. Так что… – Джаво запнулся, отчетливо увидев то, о чем думала женщина.

Картины были яркими и сочными, как если бы незаконная реклама прорвалась сквозь брандмауэр нейронных сетей, заполнив сознание информационными образами в самый неподходящий момент.

– Что это? – растерялся Джаво. – Ты тоже это видел? – спросил он отца.

– Видел что?

– Мысли женщины из Квазара… – мальчик вздрогнул, увидев, как нахмурился отец.

– Нейропат! Это нейропат! – зашептались попутчики. Или это были их мысли?

– Пожалуйста, замолчите! – взмолился Джаво, зажал уши руками, но это не помогло. Чужие мысли врывались в сознание, насиловали мозг.

«Я стал нейропатом!» – думал Джаво, представляя себя примитивным роботом, лишенным чувств и эмоций. Видение было четким и ясным. Вот капсула общественного транспорта. Вот отец и другие пассажиры. А вот примитивный робот, который широко улыбается, тщетно пытаясь стать человеком.

Капсула замедлила скорость, приближаясь к остановке. Джаво увидел, как открылись двери, и выскочил на перрон.

– Куда ты? – закричал отец, а следом за словами Джаво увидел его мысли.

– Я нейропат! Нейропат! Нейропааат! – истошно голосил мальчик, продолжая бежать не разбирая дороги, и отец не мог угнаться за ним. Никто бы, наверное, не смог.

Глава пятая

Джаво очнулся в незнакомом квартале. Жидкий модуль снова перегрелся и отключился, чтобы не сгореть. Мир стал тихим и серым. Жилой комплекс просыпался, оживал. Группа туристов в телах еще совсем свежих клонов пялилась на странного мальчика, спрашивая проводника, что не так с этим ребенком.

– Понятия не имею, – услышал Джаво ответ проводника. – Может быть, неудачный пример обмена телами в незаконном терминале?

– Мы совершали переход законно, – спешно загалдели туристы.

– Я знаю, – скривился проводник, сожалея, что не сможет потребовать с богатых простаков дополнительную плату за молчание.

«Придется заставить их раскошелиться, проведя на задворки строительных площадок игрового проекта «Мекка», – услышал Джаво мысли проводника. – Они ведь знают о «Мекке»? Обязаны знать, потому что в последнее время от рекламы этой никчемной игрушки спасу нет».

– Как насчет того, чтобы пробраться за кулисы центральных игровых площадок? – осторожно предложил проводник…

Джаво не слушал его дифирамбы новой игровой площадке, потому что в мыслях проводника отношение к проекту было абсолютно противоположным. «Еще один накачанный единицами Влияния мыльный пузырь, который скоро лопнет», – думал проводник. Джаво пытался закрыться от чужих мыслей, блокировать нежеланный поток, но ни одна плотина, возведенная им, не могла устоять.

– Да что не так с тем мальчишкой? – не мог успокоиться турист, озадаченный поведением Джаво.

Покрытый потом, зажимая ладонями уши и не замечая катившихся по щекам слез, Джаво смотрел на беспокойного туриста налитыми кровью глазами.

– Может быть, ему нужна помощь? – предположила высокая, болезненно бледная женщина с безволосым черепом. – Я слышала, что в Размерности прогрессируют жестокость и физические болезни, с которыми не могут справиться медицинские нейронные помощники.

Туристы оживились, потеряв интерес к историям проводника, и начали осторожно приближаться к Джаво, увидев в нем новый источник впечатлений на остаток дня. «Чертов мальчишка!» – услышал Джаво мысли проводника, правда гнева в них не было.

Скорее усталость и понимание, что хорошо заработать в этот день не удастся.

– Может быть, этот мальчик – клон, сбежавший из незаконного центра Энрофы? – продолжала строить теории безволосая высокая женщина.

Джаво отчетливо увидел, как она представляет себе эти центры и тех, кого там выращивают, – бракованные биологические сосуды, у которых в голове вместо мозга пустота.

– У меня не пустота вместо мозга! – обиделся мальчик.

– Ах, он умеет разговаривать! Какая прелесть! – всплеснула руками безволосая женщина. – Кажется, правду говорят, что центры Энрофы творят чудеса!

«Нет, этот мальчишка не клон», – подумал кто-то в толпе местных жителей, привлеченных галдящими туристами. Мысли были далекими, долетавшими до Джаво скорее призрачным шумом, нежели четкими образами, но то, что можно было разобрать, пугало не меньше, чем способность к нейропатии. Разрозненные истории, роившиеся в голове незнакомца, которого не мог разглядеть в толпе Джаво, мелькали перед глазами, заставляя вздрагивать, реагируя на каждый призрачный крик клона. В основном это были уродливые даже по меркам Размерности женщины, созданные по стандартам прошлого, когда детей вскармливали грудью, рожая естественным путем, – дикие времена и нрава, но Джаво видел в мыслях чужака, что среди некоторых богачей Galeus longirostris, а также среди адептов «Мункара и Накира» подобное рождение пользовалось спросом.

Джаво видел, как, выполняя подобные заказы, ученые Энрофы создают тела женщин из прошлого, способных к деторождению в отличие от женщин современности. Заказчикам нужны были только тела, поэтому мозг обычно выращивался измененным, исключая возможность присутствия интеллекта, и лишь когда требовалось послеродовое выкармливание рожденного ребенка, клона делали чуть более человечным, но примитивный мозг все равно исключал возможность переноса сознаний. Крайне редко заказчики, обычно женщины Размерности, негативно настроенные на развитие мира энергии и рассказы о том, что скоро появятся дети Квазара, которые будут свободны от бремени материальной оболочки, требовали создать для них полноценного клона, способного к деторождению, чтобы можно было совершить перенос сознаний и выносить ребенка лично. Подобных смельчаков было крайне мало, но человек в толпе, мысли которого видел Джаво, знал нескольких женщин лично. Именно их крики и слышал Джаво. Затем появились видения искаженных родовыми муками лиц…

– Хватит! – крикнул Джаво, вглядываясь в лица окруживших его людей.

Страх и отвращение смешивались, отъедая у детства беспечность. «Никогда больше я не стану таким, как был», – подумал Джаво с неожиданным хладнокровием. Страх отступил, утратил власть над разумом, став призрачным осколком чувств. Новая способность читать мысли других выжигала прежние способности чувствовать, переживать…

– Ну это мы еще посмотрим, – процедил сквозь зубы Джаво, ощупывая взглядом окружившую его толпу.

Он пытался отыскать человека, мысли которого продолжали показывать незаконных клонов. «Если я увижу этого монстра, то страх вернется», – думал мальчик, впервые не пытаясь блокировать новую способность заглядывать в мысли других. Пусть жуткие картины льются в сознание, возвращая страх. «Надеюсь, незнакомец окажется настоящим монстром и я испугаюсь так сильно, что вся нейропатия сгорит во мне», – молился Джаво, не замечая, как к толпе подходит хранитель.

Высокий и стройный для жителей Размерности, но тучный и коренастый для жителей Квазара, он вклинился в толпу, пытаясь понять, что привлекло внимание людей. Его безмолвный вопрос – «Что происходит?» – проник в сознание шумной толпы, распространившись посредством нейронных сетей. Люди замерли, обернулись. Джаво видел их мысли – растерянные, смущенные, настороженные, но не напуганные, если не считать одного… Мужчина с серым лицом и почти лысым черепом за спинами туристов, привлеченный разговорами о сбежавшем из центра Энрофы клоне, за которого приняли мальчика-нейропата.

– Никогда бы не подумала, что хранители в Isistius labialis похожи на хранителей из других жилых комплексов! – всплеснула руками высокая безволосая женщина.

Кто-то из зевак начал сбивчиво рассказывать о сбежавшем из незаконного центра Энрофы клоне. Любопытство и презрение в мыслях людей смешались – Джаво не хотел пропускать эти потоки сквозь себя, потому что кроме образов к ним добавлялись и чувства людей вокруг, заставляя презирать и жалеть самого себя.

– Я не клон! – заорал Джаво, и большинство чужих мыслей стихло.

Люди замолчали, растерянно уставившись на странного мальчика.

– Поразительно! – закудахтала высокая безволосая женщина. – Как далеко зашла наука – биологический репликант

без мозга может разговаривать! – она выступила из толпы, подходя к Джаво. – Как вы думаете, за речевую функцию в нем отвечает биологический процессор, выращенный вместо мозга, или используется обычная технология жидких чипов и контроля посредством нейронных сетей?

Джаво видел, как заметались мысли других туристов, воображение которых отреагировало на слова высокой безволосой женщины. Даже хранитель – и тот любопытно подался вперед, на мгновение поверив, что центры Энрофы совершили очередной прорыв в нейрогенетике и связи личности человека с биологической оболочкой. Джаво увидел мысли хранителя о схемах жизнеустройства, связывающих миры материи и энергии, и опасения, что когда-нибудь наука выйдет за дозволенные рамки, разрушив хрупкий дом жизни. Следом за этими мыслями шли воспоминания о ликвидированных хранителями незаконных центрах Энрофы, и вера, что это были праведные действия.

Джаво увидел, как работают утилизационные фабрики Всемирной иерархии, перерабатывая тела клонов, и вздрогнул, когда среди мыслей хранителя увидел воспоминание о том, что утилизации подвергаются не только лишенные сознания клоны, но и те, в чьих телах находятся личности, перенесенные посредством терминалов. Обычно нарушителями были адепты «Мункара и Накира» или авантюристы, заложившие свои тела в центрах Энрофы, но иногда встречались и богатые домохозяйки, решившие, не отставая от моды, испытать прелести материнства, выносив и родив своего будущего ребенка лично. В случае с преступниками хранители предлагали им добровольно сообщить координаты терминала, где хранится их подлинное тело, и если получали отказ, то проводили процедуру извлечения в принудительном порядке, отправляя сознание в произвольный временной набор Подпространства.

«Хуже чем смерть», – подумал Джаво, невольно переводя взгляд на мужчину с серым лицом и почти лысым черепом, мысли которого выдавали его причастность к незаконной деятельности терминалов Энрофы. Мысли хранителя проникли в мальчика, став его частью. Джаво хотел испугаться, и у него это получилось. И еще у него получилось перенаправить свой страх незнакомцу с серым лицом. Мужчина вздрогнул и растерянно уставился на Джаво, ставшего проводником, объединив чужака и хранителя, который, увидев мысли нарушителя, спешно попытался отыскать его в толпе, посчитав, что информация поступила по нейронной сети.

Туристы ахнули, услышав монотонный речитатив хранителя,

извещавший публику о начале задержания, в конце которого следовала просьба держаться как можно дальше от преступника. Следом за словами в сознание хлынули нейронные образы, которые не прекращались до тех пор, пока свидетели не отошли на безопасное расстояние. Невысокий коренастый мужчина остался один, понял, что его вычислили, и метнулся к толпе, пытаясь избежать задержания посредством нейронных сетей.

– Вот это представление! – обрадовалась высокая женщина-турист.

Нейронные сети попробовали блокировать нарушителя, обратившись непосредственно к интегрированному жидкому чипу, но незаконные модификации чипа перенаправили запрос на ближайших подключенных к сети жителей. Несколько туристов вскрикнули и забились в припадке, катаясь в ногах зашумевшей толпы. Другие, топча упавших, отхлынули от центра стычки хронографа и коренастого мужчины. Кто-то наступил катавшейся в припадке женщине на руку. Хрустнула сломанная кость, активировав нейронного медицинского помощника, образ которого появился в эпицентре хаоса, сообщая о полученном женщиной уроне, сроках восстановления и расценках за дополнительные услуги транспортировки и нейронного бандажа.

Выпучив глаза, Джаво испуганно смотрел на кости, торчавшие из раны на сломанной руке женщины. Острые края разорвали вены, и кровь толчками выбрасывалась в воздух. Нейронные сети, перераспределяя необходимую для восстановления энергию посредством интегрированного жидкого чипа, уже начинали исцелять руку. Плоть вокруг раны то воспалялась, то бледнела. Лицо женщины искажали мимики не то боли, не то гнева на медлительного медицинского помощника. Джаво спешно отвернулся, испугавшись, что мысли пострадавшей женщины хлынут ему в голову.

– Ты должен отойти на безопасное расстояние, мальчик, – услышал Джаво спокойный голос хранителя, неспешно приближавшегося к невысокому, почти лысому мужчине, мысли которого выдали в нем представителя незаконных центров Энрофы.

– Осторожно, у него есть оружие! – крикнул Джаво, увидев в мыслях невысокого мужчины спрятанный под одеждой дезинтегратор – уменьшенная копия ружья «Черная дыра», используемого на игровой площадке «Голод».

Сколько раз Джаво слышал восторженные истории друзей, возрастные ограничения которых позволяли принять участие в самой популярной игре, о том, как на площадках «Голода»

дезинтегратор превращает противников в пыль.

Изначально запланированный в качестве тарана и средства, способного помочь игроку пройти сквозь любую стену, нарушив молекулярные связи строительных материалов, дезинтегратор быстро был усовершенствован местными умельцами, а вскоре получил официальное разрешение совета разработчиков «Голода» для использования в качестве оружия во время бунтов. Так дезинтегратор превратился в «Черную дыру» – оружие, которое в силу неожиданной популярности стало использоваться не только на игровой площадке, но и попало на черные рынки Размерности, после того, как основные схемы устройства были переданы посредством незаконного канала Мейза из «Голода» находившимся вне игровой площадки инженерам.

Джаво смотрел на низкорослого, почти лысого мужчину и понимал, что может узнать касательно спрятанного у незнакомца оружия все что захочет. Тем более что мужчина, глядя на приближающегося хранителя, не мог думать ни о чем другом, кроме дезинтегратора. Где он его достал, когда, у кого, сколько заплатил единиц Влияния и какую услугу оказал, когда продавец дезинтегратора сказал, что кроме оружия может познакомить с инженером Размерности, которому под силу внести ряд существенных изменений в интегрированный жидкий чип, что позволит обходить ряд нейронных запретов. О том, что заказчик не сможет пользоваться нейронными лифтами, инженер Размерности умолчал, в результате чего последний едва не поплатился за это жизнью, когда ведомый любопытством хотел изучить работу новых технологий и возможностей нейронных сетей, испытав прелести скоростного подъема на первых экспериментальных лифтах.

Сейчас он снова стал жертвой любопытства – услышал разговоры о сбежавшем клоне и решил, что кто-то из центра Энрофы на этих уровнях жилого комплекса снова облажался, как это случилось два года назад, когда потеряли женщину-клона, предназначенную для рождения и вскармливания ребенка семьи адепта по имени Гахар… Ситуация была скверной, и вспоминать о последствиях совершенно не хотелось…

Джаво пытался игнорировать мысли преступника, но они лились в его сознание, словно река, прорвавшая плотину: заполняли сознание мальчика, служившее временной станцией, и устремлялись дальше, в мозг хранителя, который благодаря случаю и неумению молодого нейропата контролировать свои способности был втянут в этот противоестественный обмен мыслями, чувствами и воспоминаниями.

– Что ты делаешь? – спросил хранитель, уставившись

на Джаво.

Понять, кто виновник, происходящего было несложно, так как туристы и местные зеваки разбежались. Даже женщина со сломанной рукой, кости которой уже срастались, ковыляла прочь. Кроме нарушителя оставался только мальчик. Значит, он и был нейропатом. Хранитель никогда не видел ничего подобного, но слышал, что это возможно в случае, если дремлющая способность нейропатии достаточно сильна и заявляет о себе слишком внезапно. Нейропат не готов контролировать новые способности, и они заполняют его, льются через край.

Джаво увидел в мыслях хранителя исследовательский отдел Всемирной иерархии, где группа ученых пытается изучить особенности нейропатов и причины активации способностей, чтобы выяснить, возможно ли наделить даром нейропатии простого человека или создать благоприятную среду для развития способности. Джаво вздрогнул, увидев десяток добровольцев в камерах. Ему не нравилось то, что он видит, но не нравились эти воспоминания и хранителю, мысли которого он читал.

«Значит, хранитель лучше чужака из центра Энрофы», – решил Джаво, неосознанно сделав выбор, на чьей стороне хочет находиться в этом странном, объединенном мыслями и воспоминаниями противостоянии.

– Стреляйте в нарушителя! – заорал Джаво, надеясь, что хранитель успеет воспользоваться нейронным излучателем. – Стреляйте, иначе нарушитель выстрелит в вас!

Хранитель услышал крик мальчика и, вместо того чтобы начать действовать, замер. Предупреждение Джаво принесло совершенно противоположный результат, нежели планировал мальчик. Замешательство, вызванное объединением сознаний, оставило не хранителя, а невысокого, почти лысого мужчину, который выхватил скрытый под одеждой дезинтегратор. Сомнения нарушителя за мгновение до активации оружия заполнили сознание Джаво, став доступными и хранителю.

Никогда прежде хозяин дезинтегратора не забирал жизнь настоящего человека. Была однажды стычка с дельцом из Galeus longirostris, который находился в теле дешевого изношенного клона, воспользовавшись услугами незаконного терминала переходов, чтобы попасть в Isistius labialis, но тогда все закончилось благополучно для дельца, пытавшегося жульничать, потому что умирающего клона успели доставить в незаконный терминал и вернуть сознание в оставленное в Galeus longirostris тело дельца. Сейчас, если применить дезинтегратор, второго шанса у пострадавшего не будет. Молекулярный распад сожрет

тело жертвы, ничего не оставив.

– Ты не посмеешь, – сказал хранитель, когда мысли нарушителя, используя промежуточной базой мальчика-нейропата, достигли его сознания.

Взаимодействие сознаний помогло без слов определить степень наказания за совокупность правонарушений, совершенных сотрудником незаконного центра Энрофы.

– Я не хочу подвергнуться корректировке, – прошептал нарушитель, на что хранитель подумал о ссылке в произвольный резонанс Подпространства. – И это тоже не выход, – сказал сотрудник незаконного центра Энрофы.

Его мысли донесли до хранителя понимание неизбежности сложившейся ситуации: один не может позволить себя арестовать, другой не может отпустить нарушителя.

– Ничего личного, – сказал невысокий, почти лысый мужчина, повторяя слова, произнесенные адептом по имени Рэкш, когда «Мункара и Накира» вынесла приговор одному из ненадежных сотрудников центра Энрофы, который пытался выторговать у Иерархии списание критического количества набранных порицаний, приводившее к коррекции сознания или высылке в Подпространство, в обмен на сведения о семьях адептов, обращавшихся в центры, чтобы приобрести пригодных для деторождения клонов.

– Ничего личного, – произнес в тот день Рэкш, глядя предателю в глаза, хотя все знали, что слова эти – ложь, потому что среди общих заказчиков пригодных для деторождения клонов фигурировала и семья адепта.

– Ничего личного, – прошептал, вспоминая оставшуюся в прошлом историю, невысокий, почти лысый мужчина, заставляя себя смотреть хранителю в глаза, активируя дезинтегратор.

Джаво вздрогнул за мгновение до выстрела, прочитав смирение в мыслях нарушителя. Чужак не ликовал, готовясь убить человека, но и страх ушел. Осталось лишь что-то холодное и липкое, словно пот, который давно научились контролировать, перерабатывая в энергию с помощью жидких чипов, но Джаво мог поклясться, что чувствует, как по спине скатываются холодные капли.

– Ничего личного, – услышал он слова нарушителя.

С едва различимым хлопком из дезинтегратора вырвался пучок яркого света. Нейронные сети попытались защитить хранителя, но протоколы блокировки атаки оказались неэффективными в борьбе против неофициальных видов оружия. Сгусток света ударил хранителя в грудь. Распад начался мгновенно: сожрал одежду, добрался до плоти. Джаво видел,

как на груди хранителя разрастается сквозная дыра. Нейронные медицинские помощники блокировали боль, пытаясь бороться с повреждениями, но процесс невозможно было обратить. Хранитель исчезал на глазах.

Джаво не знал почему, но последними мыслями служителя Всемирной иерархии стало осознанное обращение к мальчику-нейропату.

– Беги, Джаво, – сказал хранитель. – Спасайся. Теперь ты главный свидетель.

– Откуда вы знаете мое имя? – спросил, задыхаясь, Джаво, но тут же понял, что и сам знает, как зовут хранителя – Власт. И знает имя нарушителя – Верак.

Джаво отвернулся, чтобы не видеть, как разрушается тело хранителя. Невысокий, почти лысый мужчина смотрел на мальчика-нейропата, продолжая сжимать в руке активированный дезинтегратор. Джаво слышал размеренный гул заряженного оружия. «Беги! Спасайся!» – прозвучали в голове слова погибшего хранителя. «Беги! Спасайся!» – подхватили их мысли невысокого, почти лысого мужчины с активированным дезинтегратором в правой руке.

Верак! Джаво не хотел помнить это имя, но оно вертелось в голове помимо воли. «Убийцу зовут Верак, и он работает в незаконном центре Энрофы, тайно расположенном где-то поблизости», – думал Джаво, зная, что убийца может видеть его мысли.

– Беги, черт тебя дери! – заскрипел зубами мужчина, показывая мальчику-нейропату, что не собирается убивать ребенка. – Беги так далеко, чтобы хранители не нашли тебя и не расспросили обо мне. Иначе я доберусь до тебя и заберу твою никчемную жизнь!

Джаво смотрел в глаза убийце и боялся пошевелиться. Разбежавшиеся зеваки набрались смелости и начали выбираться из укрытий, желая узнать, что происходит.

– Он убил хранителя! – шептались они, указывая на невысокого мужчину.

– Не подходите ко мне! – заорал он, переводя прицел дезинтегратора с Джаво на осмелевших туристов. – Убирайтесь, если не готовы умереть во имя своего любопытства! – его горящий безумием взгляд снова устремился к Джаво. – Ты еще здесь, мальчишка?

Джаво видел, как в мыслях убийцы желание забрать еще одну жизнь борется с остатками человеческого, но сложнее всего переступить черту, потом последствия катятся как снежный ком с крутой горы.

– Ну как знаешь, – мужчина скрипнул зубами и снова прицелился в мальчика-нейропата.

Джаво зажмурился, не в силах пошевелиться. Страх стал абсолютным. Страх, который еще недавно Джаво отчаянно искал, не желая превращаться в нейропата. Связь с убийцей прервалась. Река чужеродных мыслей обмелела. От неожиданной тишины закружилась голова, и Джаво подумал, что оглох. Он робко приоткрыл один глаз, желая убедиться, что мир вокруг не исчез, не лопнул. Пара подоспевших к месту происшествия хранителей целилась в нарушителя из нейронных излучателей.

Странно, но, несмотря на напряженный момент, Джаво подумал, что именно такое оружие распространено на игровой площадке «Голод». Вот только силовикам в игре запрещено им пользоваться, пока не начнутся регулярные бунты… Готовясь, когда возрастной лимит позволит присоединиться к игре, Джаво изучил правила вдоль и поперек. «Интересно, а нейропатам продают ключи игроков или нет?» – отрешенно думал Джаво, позволяя своим противоестественным мыслям плыть в голове… Хотя, наверное, ничего противоестественного в этом не было – когда вокруг хаос и смерть, а инстинкт самосохранения и пробуждающий его страх равны нулю, то сложно сохранить связь со свихнувшейся вдруг реальностью.

Продолжая размышлять о новых способностях и деталях игровой площадки «Голод», Джаво отрешенно наблюдал за происходящим, словно это была интерактивная реконструкция хронографов, повествующая о канувших в небытие событиях, частью которых ты временно становишься. Обычно реконструкции устроены так, что ты либо принимаешь участие в происходящих событиях, либо наблюдаешь в качестве стороннего зрителя – система сама адаптируется в соответствии с твоими действиями.

Джаво смотрел то на дезинтегратор работника местного центра Энрофы, то на нейронные излучатели в руках хранителей, спешно вспоминая все виды оружия, применяемого на игровой площадке «Голод». Он успел дойти до второго десятка, когда независимые адаптивные алгоритмы правопорядка, интегрированные в нейронные сети местного уровня жилого комплекса, сочли затянувшуюся перебранку хранителей и нарушителя слишком долгой и открыли огонь. Ближайший генератор находился достаточно далеко от места стычки, поэтому энергию для пары импульсов пришлось выкачивать напрямую из нейронных сетей, перенаправляя потоки, питавшие затянувшие квартал образы. Зеваки ахнули, увидев обнажившиеся стены, местами покрытые льдом, местами тысячелетней ржавчиной,

подвергшейся консервации и неудачному восстановлению века назад.

Туристы, не привыкшие к подобным провалам нейронных сетей в центральных жилых комплексах, ахнули и растерянно завертели головами. Их мысли призрачным эхом долетели до Джаво. Высокая безволосая женщина, которая ранее приняла его за клона, сейчас думала, что наступил обещанный пессимистично настроенными социологами конец света. «Иначе как объяснить эти ужасные образы?!» – думала женщина, глазея на покрытые инеем ржавые стены.

Продлившийся всего несколько секунд провал нейронных образов позволил основным сетям собрать необходимую для ликвидации нарушителя энергию плюс отвлечь внимание толпы от центральной сцены действия, где находились сотрудник незаконного центра Энрофы, мальчик-нейропат и два хранителя, тщетно пытавшихся уговорить нарушителя сдаться.

– Смотрите! – закричал кто-то из толпы, увидев образовавшийся светящийся шар.

Крик привлек внимание нарушителя, который обернулся и машинально попытался прикрыться рукой от нацеленного в спину нейронного импульса – глупый жест, если не считать, что в правой руке находился дезинтегратор. Яркая вспышка, возникшая в момент столкновения импульса и незаконного оружия, ослепила глаза свидетелей. Дезинтегратор взорвался, издав гулкий хлопок, от которого у всех, кто стоял рядом с эпицентром, заложило уши. Светящийся шар нейронного импульса увеличился, проглотив нарушителя. Пространство вздулось, выворачиваясь наизнанку. В образовавшемся искрящемся коконе беззвучно кричал хозяин дезинтегратора, внутренности которого выворачивались вместе с пространством. Пораженные туристы загалдели – зеваки, волна которых отхлынула от эпицентра сразу, как только появилась опасность.

Джаво видел хаотичные мысли туристов, большинство из которых, не особенно понимая, какая опасность им грозит, воображали, как вернутся в родной жилой комплекс героями, которым удалось пережить жуткие теракты славящегося дурной славой Isistius labialis. Лишь несколько из них по-настоящему испугались, увидев смерть нарушителя, для других происходящее представлялось элементом шоу, и отступали они от эпицентра только потому, что не хотели попасть под кровавый дождь, если вдруг нейронный кокон не удержит внутренности взорвавшегося нарушителя.

«Мальчишка! – услышал Джаво мысли одного из хранителей, получившего указания по нейронной сети. – Нужно задержать

мальчишку. Он свидетель».

Пульсирующий кокон неожиданно замер, ярко сверкнул, вздулся, увеличившись почти вдвое, и начал сворачиваться, втягиваясь в невидимую точку в центре. Один из хранителей, выполняя полученное от клириков указание задержать свидетеля, шагнул к Джаво. Свернувшийся кокон превратился в крохотную точку, сверкнувшую напоследок. Вспышка ослепила глаза собравшихся. Точка исчезла, оставив блики сбоивших нейронных сетей, которые спешно восстанавливались после инцидента. Призрачные всполохи света и крошечные электрические разряды появлялись то тут, то там, вызывая у туристов восторженные вздохи, словно микросбои интересовали их больше, чем смерть человека минутой ранее.

– Я здесь ни при чем! – сказал Джаво, когда к нему подошел хранитель. – Я не виноват.

– Не виноват в чем? – спросил служитель Иерархии, параллельно делая запрос в информационный центр, чтобы получить реконструкцию недавних событий, в результате которых погиб сослуживец.

Ответ пришел с задержкой в минуту с подробным отчетом нейронных служб контроля, определивших Джаво главным виновником инцидента. Его странное поведение привлекло внимание туристов и местных зевак, среди которых оказался нарушитель. Личность последнего не смогли определить до сих пор, но проведенный незадолго до взрыва дезинтегратора анализ жидкого чипа неизвестного подтвердил, что он не клон. Снятые с модернизированного чипа данные были отправлены в архив и должны были утилизироваться спустя сутки. Сейчас информация проведенного анализа была восстановлена и передана в исследовательский центр Иерархии для подробного изучения и взлома блокировок и сторонних модификаций в будущем.

– Тебе придется пойти с нами, – сказал хранитель, положив руку на плечо Джаво, хотя адаптивные службы контроля предлагали использовать нейронные фиксаторы, способные в случае попытки к бегству заблокировать посредством интегрированного жидкого чипа моторные функция главного свидетеля и подозреваемого в одном лице.

– Но я ничего не сделал, – сказал Джаво, читая мысли хранителя о том, что происходит, когда задержанные пытаются сбежать.

– Давай не будем привлекать ненужное внимание, – пришло по нейронному каналу предложение хранителя, но Джаво и так уже прочитал в его мыслях страх, что туристы увидят,

как происходит арест ребенка. Да и нейронные службы контроля не отличаются избирательностью: для них что адепт из «Мункара и Накира», что напуганный мальчишка – разницы нет.

– Они уже так думают, – тихо сказал Джаво.

– Что? – не понял хранитель.

– Туристы. Вы боитесь, что они обвинят вас в жестокости, и не хотите у всех на глазах задерживать ребенка, но они и так считают, что местные системы защиты убили человека.

– Откуда ты знаешь? – спросил хранитель, делая параллельно еще один запрос.

На этот раз анализ занял чуть меньше десяти секунд. Нейронные службы контроля объединили свежую информацию с той, что была детально разобрана, сделав единственно верный вывод.

– Ты нейропат? – очень тихо спросил хранитель.

Джаво не ответил. Хранитель кивнул и, не убирая руку с плеча мальчика, начал выводить его сквозь толпу к служебному транспорту. Нейронные службы контроля активировали двадцатипроцентный барьер, создав коридор для хранителя и свидетеля. Перераспределение энергии местных сетей не самого благополучного квартала вызвало искажения и рябь скрывавших стены нейронных образов. Толпа туристов загудела, решив, что последуют выстрелы. Службы контроля усилили мощность барьера, из-за чего искажений стало больше. Недалеко от барьера провал нейронной сети вспыхнул яркой точкой.

– Они хотят убить нас всех! – закричала высокая безволосая женщина в толпе туристов, указывая на появившуюся белую точку.

Расценив людские волнение как признак несогласия, адаптивные службы контроля перевели в максимальный режим барьер, ограждавший хранителя и арестованного мальчика от толпы. Перенаправленная для защиты энергия вызвала новые провалы в местных сетях. К висевшей над головами людей первой точке добавился еще десяток. Искрясь крошечными электрическими разрядами, они продолжали расти, пока скрывавший старый свод комплекса нейронный образ не отключился, позволив упасть на головы людей мусору, скопившемуся на нем в результате естественного распада древних конструкций и ремонтных работ по их восстановлению. Приняв случившееся за обстрел нейронными импульсами, толпа обезумела, превратившись в бурную реку, внезапно вышедшую из берегов.

Нейронный барьер выгнулся, пытаясь удержать людей, но устоять не смог. Бурный поток вышедших из-под контроля

масс подхватил Джаво. Какое-то время хранитель продолжал держать мальчика, но противостоять стихии было невозможно. В память о хранителе осталась лишь боль в ключице, которую тот сжал мальчику-нейропату так сильно, что едва не сломал.

Джаво не знал, куда несет его толпа: главным было устоять на ногах, иначе обезумевшие люди, спасая свою жизнь, затопчут упавшего, не заметив этого. О помощи можно было и не мечтать. Джаво видел мысли напуганных людей. Казалось, в сознаниях не осталось ничего, кроме инстинктов и подавленного гнева, который копился. Что будет, когда чаша гнева заполнится и страх, превратившись в злость, хлынет через край, Джаво не знал. Десятки чужих мыслей путались в голове дикими образами чинимых расправ над представителями власти, создавшей нейронные службы контроля. Одни, зная принципы работы сетей, мечтали добраться до генераторов, чтобы уничтожить источник опасности, другие винили во всем инженеров, допустивших просчет в работе адаптивных алгоритмов, третьи слепо ненавидели хранителей и Всемирную иерархию, которая еще час назад воспринималась образчиком закона и порядка в мире КвазаРазмерности.

Джаво вздрогнул, разглядев среди общего хаоса мыслей встревоженное, но не подверженное всеобщей истерии сознание человека, появившегося на сцене действий уже после того, как погибли хранитель и работник незаконного центра Энрофы. Незнакомца, как и прочих зевак, вело любопытство – Джаво видел это в его мыслях, – но в отличие от других незнакомца не интересовали убийства и аресты. Он оказался здесь из-за мальчика-нейропата. «Он оказался здесь из-за меня», – понял Джаво и снова вздрогнул, потому что мысли других стихли. Восприятие сосредоточилось на странном мужчине, который находился где-то рядом, позволяя мальчику-нейропату видеть своими глазами.

– Кто ты? – не выдержал Джаво, тщетно пытаясь отыскать взглядом незнакомца.

«Меня зовут Рахаб», – прозвучал в голове мужской голос, щедро приправленный сохранившимися воспоминаниями о его детстве и юношестве, словно доказать подлинность своего имени было для незнакомца крайне важно.

– Но я не знаю никого по имени Рахаб! – прокричал Джаво. – Ты тоже нейропат?

– Ты можешь доверять мне, – прозвучал в голове голос чужака. – Это все, что тебе нужно знать прямо сейчас. Потому что если я не уведу тебя в безопасное место в ближайшую пару минут, пока хранители и нейронные службы правопорядка

не взяли ситуацию под контроль, то ты окажешься на допросе в Иерархии. Ты хочешь попасть на допрос к клирикам?

Джаво увидел жуткие образы машин для извлечения и коррекции сознания, но так и не смог понять, показал ему эти картинки Рахаб или он запомнил их, когда увидел мысли недавно погибшего работника незаконного терминала Энрофы.

– Я не должен быть здесь! – шмыгнул носом Джаво, и пузырь чужих мыслей в голове лопнул, оставив звенящую тишину.

Толпа людей продолжала уносить мальчика все дальше от места, где погибли нарушитель и служитель Иерархии. Высокая безволосая женщина, бежавшая позади Джаво, споткнулась и, падая, навалилась ему на плечи. Ноги мальчика подогнулись. Он вскрикнул, решив, что сейчас безумная толпа раздавит его, переломает кости, как это случилось недавно с упавшей женщиной.

– Осторожней, – сказал незнакомец, придержав мальчика за локоть.

Джаво узнал голос спасителя. Рахаб – так, мужчина сказал, что его зовут.

– Хочу домой, – подумал мальчик, и Рахаб, прочитав его мысли, сказал, что сейчас есть только два пути: либо довериться незнакомцу, либо отправиться в камеру для допросов Всемирной иерархии.

Глава шестая

– Не понимаю, зачем я вам, – сказал Джаво, когда похититель привел его на станцию общественного транспорта.

– Ты телепат, – пожал плечами Рахаб. – А телепаты должны держаться вместе.

– Я не хочу ни с кем держаться вместе, – мальчик поморщился и потер плечо, зудевшее после сделанной новым знакомым инъекции, подменяющей на несколько часов основные идентификационные данные интегрированного жидкого чипа, что позволяло избавиться от преследования, исчезнув для нейронных служб контроля. – Я просто хочу домой, – Джаво увидел подошедшую капсулу общественного транспорта и покосился на Рахаба.

– Не сейчас, – качнул головой новый знакомый.

Джаво не знал, боится этого человека или нет. Наверное, за сегодняшний день он уже устал бояться, устал бежать. Хотелось закрыть глаза и уснуть, отыскав на перроне свободную нейронную скамейку, которая подстроится под любое тело, приняв лучшую форму и положение.

Пассажиры высыпали из капсулы на станцию и, не замечая никого вокруг, засеменили прочь. Станция снова опустела. Была середина дня – точнее Джаво определить не мог, так как инъекция микросистем блокировки, которую ему сделал Рахаб, ограничила доступ почти ко всем функциям общественных нейронных сетей, оставив лишь восприятие образов, созданных, чтобы прикрыть неприглядность жилого комплекса.

– Перед тем, как я начал видеть мысли других, у меня отключился жидкий чип, – сказал Джаво, глядя, как закрываются двери капсулы общественного транспорта. – Я был вне системы. У всех нейропатов так?

– Нет.

– А у тебя так было?

– Нет.

– Это не страшно. Я уговорил отца, и мы пошли кататься в капсуле общественного транспорта. Там большие перегрузки, и если ты не подключен к нейронным сетям, то выходит очень забавно. Я буквально летал по капсуле, пытаясь удержаться на ногах.

– Я знаю, – Рахаб едва заметно улыбнулся. – Мы наблюдаем за тобой с того дня, когда у тебя обнаружили склонность к нейропатии.

– Но это незаконно!

– Быть нейропатом и не сообщить об этом Иерархии – незаконно.

– А мой отец не сообщил обо мне?

– Нет.

– Я не знал, но догадывался, – Джаво тяжело вздохнул. – Думаю, он надеялся вылечить меня.

– Это не болезнь.

– Но и не дар! – сверкнул глазами мальчик, догадавшись, не используя способности нейропата, о чем думает новый знакомый.

– Я хотел сказать, что это неизбежность, – соврал Рахаб. – Как дети Квазара. Понимаешь?

– Дети Квазара – миф!

– Но когда-нибудь он станет реальностью, – Рахаб заставил себя улыбнуться. – Ты знал, что о нейропатах говорили задолго до нашего появления?

– Как о детях Квазара?

– Да. Если изучать реконструкции хронографов, то корни истории нейропатов уходят в далекое прошлое. Нас называли по-разному, но суть оставалась одна – инженеры давно рассматривали возможность эволюции человеческого сознания в соответствии с изменениями окружающей среды.

– А если я не хочу эволюционировать?

– А если я скажу, что не хочу жить в мире, где Великий ледник сжимает в своих объятьях три жилых комплекса, заставляя человечество пользоваться нейронными сетями и жидкими чипами, интегрируемыми с рождения, чтобы можно было более экономично перераспределять энергию, необходимую для борьбы с вечным холодом?

– То есть от меня ничего не зависит? – спросил мальчик, хмуря брови. – Во всем виноваты нейронные сети?

– Выходит, что так.

– Тогда я их ненавижу.

– Это ничего не изменит.

– Я знаю, но… – Джаво отвернулся. Интегрированный ему от рождения жидкий чип переработал слезы, прежде чем они успели навернуться на глаза, превратив в энергию, не позволяя мальчику заплакать. – А если я не буду пользоваться нейронными сетями? – спросил Джаво, не поворачиваясь к новому знакомому. – Я не люблю Квазар, но… У моего отца много единиц Влияния, он может устроить меня в Квазаре, и я никогда больше не вернусь в Размерность.

– Твое сознание никогда не вернется в Размерность, – поправил мальчика Рахаб. – А тело придется держать в местных

терминалах, так что…

– Когда я вернусь из Квазара, то чувств во мне станет меньше? – догадался Джаво.

– Для коренных жителей Квазара это ничего не значит, но для тех, кто вырос в Размерности…

– Думаю, я смогу приспособиться жить там.

– Ты можешь приспособиться жить здесь.

– Без чувств? Как робот?

– Всемирная Иерархии отмалчивается касательно нейропатов, но неофициально существуют науки, позволяющие контролировать развитие сверхспособностей, выбирая, какими чувствами ты готов пожертвовать, а какими нет… – Рахаб тронул мальчика, заставляя обернуться. – Сегодня, когда нейронные службы контроля допустили ошибку, уничтожив нарушителя, ты заблокировал свой страх, верно?

– Я не хотел этого делать, – сказал Джаво, глядя новому знакомому в темные глаза коренного жителя Размерности. – Просто когда я начал видеть чужие мысли… – он замолчал, вспомнив, что беды начались, когда у него восстановился после сбоя жидкий чип. – А что если я попрошу отца и он найдет для меня хорошего инженера, который согласится за достойное вознаграждение удалить или заблокировать интегрированный мне при рождении жидкий чип? Без него я не смогу связаться с нейронными сетями, а значит и мысли других людей не смогу читать, верно? Это ведь так работает?

– А еще без нейронного чипа ты не сможешь получать и перерабатывать жизненно важную энергию. Тебе придется принимать пищу, очищать тело от переработанных продуктов питания. Тебе придется мыться, потому что ты начнешь потеть. Нейронный медицинский помощник не сможет наблюдать за состоянием твоего тела двадцать четыре часа в сутки. Ты не сможешь пользоваться современными технологиями, которые повсюду внедряются в нашем жилом комплексе после того, как нейронные сети седьмого поколения получили от Всемирной иерархии официальное разрешение на интеграцию и замещение старых сетей в Isistius labialis.

– Это как перегрузки в капсуле общественного транспорта? – прищурился Джаво. – Думаю, с такими трудностями я смогу справиться. Можно сделать специальные крепления, чтобы пристегиваться к сиденьям…

– А как ты поступишь с нейронными лифтами? Сейчас их начинают внедрять повсюду в нашем комплексе. Плюс не забывай о том, что ты лишишься возможности пользоваться терминалом переходов. Доступ в другие жилые комплексы будет закрыт

для тебя, если только твой отец не организует Великую экспедицию, чтобы переправить тебя в Galeus longirostris или Hexactinellida по ледяной поверхности. Да и как ты собираешься бороться с вечным холодом? Независимые нейронные генераторы, выделенные для этого, лишь частично справляются с задачей, контролируя пробирающийся в жилые комплексы Ледник по периметру. Остальное перераспределение тепла и выравнивание температур в соответствии с установленными Всемирной иерархией нормами осуществляют обычные общественные сети.

– Отец сможет построить для меня отдельный дом, где будет свой нейронный генератор, который борется с холодом в обход персональных жидких чипов, как это происходит на окраинах жилых комплексов.

– И ты готов провести свою жизнь взаперти? Повзрослеть, возмужать и состариться в четырех стенах индивидуального дома?

– Это лучше, чем лишиться чувств, став роботом, – сказал мальчик, сверкнув не менее темными, чем у нового знакомого, глазами.

– И какая разница: лишишься ты чувств, оставшись полноценным членом двухуровневого общества КвазаРазмерности, или сохранишь чувства, став изгоем, проведя жизнь в изоляции? – Рахаб едва заметно улыбнулся, отметив промелькнувшие в глазах мальчика сомнения. – Позволь, перед тем как примешь окончательное решение, показать тебе, как в действительности живут нейропаты. Не забывай, что мы коренные жители Isistias labialis, а здесь как ни в одном другом жилом комплексе сильна связь с Размерностью. Плюс повсеместное использование нейронных сетей седьмого поколения усиливает способности нейропатов, которые, если верить неофициальным исследованиям, в разы превосходят способности нейропатов других жилых комплексов. Последние исследования показывают, что местные нейропаты принципиально отличаются от нейропатов других комплексов. Мы тратим меньше сил, следовательно, плата за чтение чужих мыслей становится ниже. Последние исследования показывают, что при грамотном обучении взрослый нейропат Isistias labialis может сохранить до тридцати процентов чувств, а это не так мало, если учитывать, что процент этот можно распределять неравномерно. Так что, уменьшив практически до минимума чувство страха, можно сохранить почти полностью чувство эмпатии.

– Сохранить чувство эмпатии – это хорошо, – шмыгнул носом Джаво.

Нейронные образы возле пневмотоннеля активировали сообщение о прибытии новой капсулы общественного транспорта. Пространство вспыхнуло яркими переливами, но так и не сформировалось в ясное сообщение. Даже информационный нейронный поток, доступный для всех, кто находился в зоне действия новостной рассылки станции, не дал вразумительных объяснений касательно предстоящего прибытия.

– Что происходит? – насторожился Джаво, когда понял, что происходящее видят только он и Рахаб.

– Инъекция, которую я тебе сделал, не только блокирует некоторые функции твоего жидкого чипа, но и открывает доступ к недоступным прежде, – сказал новый знакомый, поднимаясь на ноги.

Нейронная скамейка для пассажиров, ожидающих своей капсулы, приняла нейтральную форму, сбросив настройки характеристик последнего пользователя. Блокировавший доступ к пневмотоннелю образ распался, являя взору пустоту – недопустимая ошибка служб контроля. Джаво растерянно вертел головой, не веря, что подобные нарушения возможны в современном мире. Где хранители, которым надлежит изучить ситуацию и найти виновных? Где нейронные предупреждения об опасности?

– Доверься мне, – сказал Рахаб, когда у перрона появилась старая капсула общественного транспорта.

– Ты хочешь, чтобы мы ехали в этом? – растерялся Джаво, тщетно пытаясь получить ответ из нейронной сети о дате производства капсулы. – Ее нет в основной базе данных, – сдался мальчик.

Двери капсулы открылись. Джаво неуверенно посмотрел на нового знакомого, дождался, когда тот войдет первым, и только после этого вошел сам.

– Ионизаторов для ежедневной дезинфекции здесь, конечно, тоже нет, – скривился мальчик, смахивая с сиденья толстый слой пыли.

Двери закрылись. Загудели вакуумные рельсы, швырнув капсулу в темноту тоннеля, который выглядел крайне зловеще с учетом, что нейронные рекламы оставались деактивированными, потому что основные системы не регистрировали старую пневмокапсулу.

– Если система нас не видит, то мы можем столкнуться с другой капсулой? – пришел к выводу Джаво.

– Можем, но не столкнемся, – сказал Рахаб.

– У вас здесь своя система учета транспортных потоков?

– Можно и так сказать.

Старая капсула лихо рванула вверх, заставляя Джаво спешно пристегнуться – пережиток прошлого, которым до сих пор снабжались современные средства транспорта на случай сбоя нейронных компенсаторов, хотя официально подобного никогда не случалось. Джаво попытался заглянуть в мысли Рахаба, но то ли нейронные сети не работали здесь, то ли инъекция блокировала способность. «Интересно, можно ли сделать, чтобы так осталось навсегда?» – подумал Джаво, решив, что избавиться от нейропатии, сохранив пятидесятипроцентный доступ к нейронным сетям, не так уж и плохо. Он уже собирался спросить об этом нового знакомого, когда старая капсула, лихо взяв в сторону, устремилась в тупик, проткнув нейронный образ стены прежде, чем Джаво успел закричать.

– Это ремонтные полости, – пояснил Рахаб.

Джаво кивнул, тщетно пытаясь отдышаться. Крик застрял в горле удушьем. Капсула снизила скорость, перестроившись на дополнительные пути. От гула активировавшихся старых вакуумных рельсов заложило уши. Остатки нейронных образов рассыпались на части, сжались, пытаясь компенсировать недостатки энергии уменьшением площади покрытия, и снова рассыпались, растаяв в воздухе гаснущими призрачными бликами. Похолодало. Температура упала так резко, что Джаво испугался, увидев, как дыхание паром вырывается изо рта. За окнами были видны обледеневшие стены тоннеля.

– Я всегда думал, что за исправностью пневмотоннелей следят биоавтоматы, – сказал Джаво. – Не такие, конечно, как те, что были отправлены давно на другие планеты, но…

– О, не думал, что ты разбираешься в истории! – удивился Рахаб, лицо которого в молочно-белом освещении казалось серым и рыхлым, как грязный лед на стенах тоннеля за окном или иней, покрывавший до основания проржавевшие конструкции старой капсулы. – Ты увлекался реконструкциями хронографов или просто отец любил рассказывать о проектах и капиталовложениях?

– Друзья любят ужастики… – смутился Джаво, сбивчиво пытаясь пересказать страшные истории о туристах, пневмокапсула которых сбилась с пути, оказавшись в ремонтных полостях жилого комплекса.

– И что с ними стало? – подыграл мальчику Рахаб.

– Сначала они пытались остановить капсулу и вернуться, пока не стало слишком поздно, потом на них напали ремонтные жуки, пытаясь превратить в материал для реконструкции тоннелей, а под конец, когда все думали, что самое страшное уже позади и капсула достигла ремонтных площадок, туристов

пленили модифицированные биологические автоматы, разобрав их на органы! – воодушевленно подытожил Джаво, решив, что чем бы ни закончилась эта поездка по закрытым для использования тоннелям, он все равно давно уже перещеголял друзей и приключений за один день у него было столько, что хватит на всю жизнь. Вот только все прежние ценности теперь ничего не значат.

– А эта история о туристах… – попытался отвлечь мальчика от мрачных мыслей Рахаб. – Ты просто слышал ее от друзей или пользовался развлекательной интерактивной реконструкцией?

– Слышал от друзей. Родители никогда не разрешали мне пользоваться подобными продуктами… – на губах Джаво появилась несвойственная ребенку ироничная улыбка. – А теперь я не просто участвую в интерактивных путешествиях по закрытым для людей территориям жилого комплекса, а нахожусь здесь на самом деле, сбежав от хранителей и став причиной смерти двух человек… Думаю, знай моя мать, что я натворил за последние несколько часов, то у нее пошла бы изо рта пена, – он тщетно попытался притвориться, что его все это веселит. – Мне ведь, если честно, никогда ничего не разрешали, а тут такое! Наверное, родители верили, что я всегда буду оставаться ребенком. Даже когда тесты показали, что у меня есть склонность к нейропатии, родители убедили себя, что вероятность мала и ничего страшного не случится. Уверен, они прямо сейчас обвиняют меня в потере контроля и бегстве, планируя, какое наказание лучше всего пойдет мне на пользу: либо ограничить общение с друзьями, либо доступ к детским интерактивным нейронным каналам…

Старая капсула вздрогнула, перестраиваясь на дополнительный путь, заставив мальчика замолчать. Ремонтная платформа была пуста, но едва зажимы зафиксировали капсулу, двери в мастерские открылись и оттуда вышли три робота.

– Это синергики? – шепотом, почти благоговейно спросил Джаво.

– Еще одна история, рассказанная друзьями? – снисходительно улыбнулся Рахаб.

– Все знают, что боевые синергики запрещены Иерархией.

– С чего ты взял, что видишь боевых синергиков?

– А разве есть другие?

– Конечно.

– Я слышал обратное. Каждый синергик сильнее любого человека. Он может обойти нейронные блокировки и способен

действовать как в одиночку, так и пользуясь коллективным разумом… – Джаво попятился, увидев подошедших к капсуле синергиков. – Чего они ждут? – шепотом спросил мальчик.

– Пытаются получить доступ к архивным базам данных, чтобы понять, нужен ремонт нашей капсуле или нет.

– А почему бы им просто не отправить нашу капсулу в утиль?

– Потому что информация о капсуле занесена в их первичный код, подменяя основные системы анализа.

– Выходит, информация о капсуле для синергиков – это вирус?

– Выходит, да.

– Круто! – мальчик осторожно выглянул из капсулы, но тут же обернулся, недоверчиво уставившись на нового знакомого. – А разве можно изменить первичный код после активации основной нейронной цепочки алгоритмов машины?

– Твой отец занимается и этим? – удивился Рахаб.

– Пытался, – нахмурился мальчик. – Последнее время все кому не лень болтают об экспедиции к центру Великого ледника. Всемирная иерархия готова тратить на проект колоссальные суммы единиц Влияния. Отец говорит, что все, у кого есть мозги, пытаются пристроиться к этой кормушке. Одни работают над коммерческими перевалочными базами, другие над передвижными исследовательскими платформами, третьи пытаются предложить нейронные варианты связи, что даст возможность работать удаленно… В общем, отец тоже хотел стать частью этого шабаша, пытаясь возродить закрытый проект синергиков. Он планировал усовершенствовать старый биоэлектронный мозг, внедрив в основные ядра искусственно выращенные чипы, способные напрямую взаимодействовать с нейронными сетями последнего поколения. Проект считался перспективным, так как в случае провала с синергиками мог трансформироваться в разработку принципиально новых жидких чипов, интегрируемых от рождения людям, но клирики выкупили у отца разработки и заморозили исследования прежде, чем его ученые смогли добиться серьезных успехов. Отец счел это удачей, потому что не верил в успех затеи – нейронные сети восьмого поколения вряд ли появятся в ближайшие несколько веков, а что касается биоэлектронного мозга, то взлом основных ядер оказался сложнее, чем планировалось вначале, так что… – Джаво покосился на застывших возле капсулы синергиков. – Отец, конечно, следил, чтобы я не совал нос в его дела, но и того, что мне удалось пронюхать, хватает, чтобы знать – после того, как биоэлектронный мозг активирован, невозможно внести изменения ни в одно из миллиардов ядер, не разрушив основные

связи, что приведет к отключению основных систем биомашины.

– А ты не думал, что первичный код мог быть изменен до активации биоэлектронных систем? – улыбнулся Рахаб без намека на снисхождение.

– Я ребенок, но не глупец! – обиделся Джаво. – Этим синергикам не одна сотня лет. Никто не мог знать, что появятся нейропаты и будут скрываться в ремонтных полостях пневмотоннелей, добираясь сюда из Размерности на старой, давно списанной с обслуживания капсуле общественного транспорта.

– А если мог?

– Что?

– Прежде чем отрицать, попробуй найти объяснение.

– Говорите как чокнутые акеми.

– Говорю как обыкновенный нейропат, который видел достаточно людских мыслей, чтобы разучиться делать поспешные выводы.

– И что это значит? – скривился Джаво. – Кто-то научился заглядывать не только в прошлое, но и в будущее? Но как? Новое понимание дома жизни? Взлом схем жизнеустройства и полный доступ к плитке многоуровневости бытия?

– Не так сложно, – Рахаб улыбнулся, увидев, как мальчик нетерпеливо всплеснул руками. – Ты слышал о разработанном Иерархией специально для нейропатов модуле блокировки?

– Совсем чуть-чуть, когда мне сказали о новых способностях.

– Думаю, доктора официального центра не сообщили о множестве сторонних программ, разработанных независимыми инженерами для основных базисов модуля блокировки, кроме классического теста эмпатии, который проверяет процент развития способностей нейропата и отмирание основных чувств?

– Если честно, то я не помню даже о модуле блокировки, – признался Джаво.

– Понимаю. Когда я узнал, что мой тест на нейропатию дал положительный результат, то с трудом мог вспомнить, как меня зовут.

– Нет, я помнил, – натянуто улыбнулся Джаво. – Вот отец мой, наверное, забыл в тот момент обо всем.

– Да, мой тоже забыл.

– А мать, наоборот, была сильной и притворилась, что ничего страшного не случилось.

– Думаю, матери в подобных случаях просто запрещают себе думать о плохом, – сказал Рахаб.

Джаво нахмурился, затем осторожно кивнул, соглашаясь. Воспоминания нахлынули, заставляя интегрированный

нейронный чип активировать системы взаимодействия со слезными железами, перерабатывая выделяемый секрет прежде, чем он успеет миновать выводные протоки, превращая его в энергию, перераспределяемую на жизненно важные функции и процессы.

– Так что там со сторонними программами для модуля блокировки? – спросил Джаво, шмыгнув носом. – Еще один тест или что-то интерактивное?

– Большинство сторонних программ использует подмену воспоминаний последних минут жизни, гарантируя вернуть реальность, после того как игровая программа закончится.

– Когда-то давно нечто подобное использовали в игровых порталах, – оживился мальчик, услышав что-то знакомое. – Старая, изжившая себя практика. Отец говорит, что эффект погружения не нужен современному обществу. Люди научились отличать реальность от вымысла и не желают стирать границы… Хотя мне иногда хотелось бы попробовать нечто подобное…

– Боюсь, здесь речь немного о другом.

– Так это не игрушка для модуля блокировки?

– Нет. Ты слышал историю об азиатской девочке-призраке?

– Я не верю в призраков! – гордо заявил Джаво.

– Никто не верит, – согласился Рахаб. – В мире двухуровневой реальности призракам нет места, но вот что касается системных ошибок, резонансных отклонений, подпространственных аномалий и неучтенных разработок, которые продолжают существование после смерти создателей, превращаясь в белый шум КвазаРазмерности, то здесь, пожалуй, так много реальных примеров, что спорить не имеет смысла.

– Так азиатская девочка, о которой ты говоришь, один из проектов прошлого, продолжающий существовать в настоящем? – задумчиво спросил Джаво, пытаясь понять, нравится ему подобный поворот или нет.

– Ты разочарован? Зря. В прошлом было очень много перспективных проектов, опережавших время, которые закрылись, не найдя финансовой и технологической поддержки. Взять хотя бы космические программы…

– Мне не нравятся космические программы, – скривился мальчик. – Отец говорит, что глупо тянуться к звездам, живя в комплексах, где не видно неба. Да и Великий ледник не позволит потратить необходимую для пробных запусков энергию. КвазаРазмерность сбалансирована, и в ней нет места космическим программам. Они выглядят нереальной мечтой, понимание несбыточности которой ранит… – Джаво задумался на мгновение и тяжело вздохнул. – Не помню, что говорил

об этом отец дальше. Наверное, дело в том, что здесь не работают социальные функции нейронных сетей и я не могу получить доступ к большинству реконструкций разговоров с отцом.

– Сомневаюсь, что нейропатам есть дело до космических программ. Мы ведь тесно связаны с нейронными сетями и без них наши способности равны нулю, так что…

– Забытые разработки, о которых ты говоришь, связаны с запрещенными модуляторами и нейронными наркотиками? – оживился мальчик. – У меня был друг, который клялся, что пробовал нечто подобное, но я думаю, что он врал… А мне тоже придется принимать нейронные наркотики?

– Нет, – Рахаб заставил себя не улыбаться, чтобы не обидеть Джаво. – Если говорить о времени, когда существовали нейронные сети, пусть и в примитивном их виде, то последний всплеск популярности нейронных модуляторов пришелся на период, предшествующий Великому леднику, а то, о чем хочу рассказать тебя я, намного старше современного периода истории.

– Неужели Третья мировая война? – вздрогнул мальчик, и глаза его предательски сверкнули, выдавая интерес.

– Если верить Юмико, то немного раньше.

– Раньше Третьей мировой войны?! – Джаво раскрыл рот, затем подозрительно прищурился. – Кто такая Юмико? Звучит как имя девчонки.

– У тебя нет среди друзей девчонок?

– Фу!

– Ну ради тебя, думаю, Юмико примет другой образ. Хотя ей нравится быть девчонкой. Таким был создан ее основной алгоритм.

– Алгоритм? Так она всего лишь сложный протокол?

– Она гениальная разработка тек-инженера из далекого прошлого. Юмико называет его мастер Ючи. Ты знаешь, кто такие тек-инженеры?

– Инженеры – всегда инженеры, – пожал плечами Джаво.

– Верно. Но Ючи, пожалуй, можно назвать гением. Если верить Юмико, то он создал базу основных нейронных протоколов восприятия Размерности еще до того, как появились необходимые для этого сети и само понимание Размерности.

– Если верить Юмико? – зацепился за слова мальчик.

– В свободном доступе нет реконструкций периода, предшествующего Третьей мировой войне.

– Можно проникнуть в официальные архивы Иерархии, – предложил Джаво.

– Мы нейропаты, а не банда «Двухголовых драконов»

из игрового проекта «Голод».

– Но… – мальчик помрачнел.

– Зато Юмико может предвидеть будущее, – поспешил обнадежить его Рахаб.

– Чушь! – вытаращил глаза Джаво.

– А как, ты думаешь, я смог найти тебя?

– Ну, для тех, кто может взломать защитные системы пневмотоннелей общественного транспорта, написать алгоритм слежения, подключившись к нейронным службам контроля, не составит труда.

– А то, что нас не трогают ремонтные синергики? Ты же сам сказал, что невозможно внести изменения в активированные ядра биоэлектронного мозга.

– Можно придумать новый протокол восприятия, который сделает нас для синергиков невидимыми.

– И ты слышал, что такое возможно?

– Нет, но и о том, что можно предсказывать будущее, я тоже не слышал… Тем более странно, что это может делать какая-та девчонка из прошлого.

– Это не девчонка, – не смог сдержать улыбки Рахаб. – Ее создали во времена, когда люди ничего не знали о Подпространстве и терминалах. Учению Энрофы только предстояло зародиться. По всему миру функционировали коррекционные тюрьмы класса «Тиктоника». Планета была разделена на технократические и корпократические державы. Правительства стран-лидеров готовились к войне, втайне начиная возводить гигантские военные базы, которые позднее превратятся в жилые комплексы, став основой современного мира. Если верить находящимся в общем доступе немногочисленным реконструкциям, созданным хронографами, то центром столкновения противодействующих держав оказались азиатские страны. Большинство аналитиков сходятся, что название Свободный Токио больше подчеркивает весь период того времени, нежели название одного города, который, по мнению многих, играет важную роль в начале Третьей мировой войны, не вписываясь в устройство мира той эпохи.

– Это как сейчас не вписывается наш жилой комплекс? – подметил Джаво и гордо вздернул нос, когда новый знакомый похвалил его за сообразительность.

– Думаю, о коррекционных тюрьмах класса «Тиктоника» тебе не нужно рассказывать? – спросил Рахаб.

Мальчик энергично тряхнул головой, выдвинув предположение, что тек-инженер, создавший первичный алгоритм Юмико, работал в одной из таких тюрем, и смутился, когда Рахаб

дал отрицательный ответ.

– Но ведь это же логично! – заупрямился мальчик. – Коррекционные тюрьмы работают с сознанием. Где, как не там, создавать революционный первичный алгоритм личности?!

– Это же не игра, – пожал плечами Рахаб. – В жизни часто все наперекосяк. Взять хотя бы коррекционный тюрьмы времен Свободного Токио. Правительство искренне верило, что способно извлечь из человека сознание, корректировать личность и вернуть обратно в тело. В действительности технологии тех времен позволяли только копировать алгоритмы личности, нарушая основные связи сознания, в результате чего появлялась возможность вернуть копию воспоминаний в тело, которое превращалось в тюрьму для подлинника. Люди думали, что совершили прорыв, научившись извлекать и корректировать сознания, но в действительности разработали новую пытку для каждого заключенного, проходившего корректировку. В защиту ученых можно лишь сказать, что любые открытия достигаются методом проб и ошибок.

– Как радиация, исходившая от реакторов древних источников питания?

– Ты очень образованный мальчик, – похвалил Рахаб, отдавая должное, что и без доступа к информационным базам данных нейронных сетей Джаво продолжает давать правильные ответы и находить уместные сравнения.

– Но кем тогда был тек-инженер по имени Ючи? – спросил мальчик, пропустив похвалу мимо ушей. – На кого он работал? Тогда ведь не было акеми, Энрофы и адептов «Мункара и Накира».

– Ты что-нибудь слышал о кланах якудзы? – спросил Рахаб, увидел, как вспыхнули темные глаза Джаво, и понял, что долгие объяснения о природе и важности клана не потребуются.

– Думаю, что якудзы – это самая лучшая раса на игровой площадке «Голода», – сказал мальчик, заставляя Рахаба признать, что игры иногда приносят пользу. – Ты знал, что наномечи и нейронные татуировки, которые используются в «Голоде», являются прототипом настоящего оружия прошлого? – Джаво увидел улыбку нового знакомого и смущенно поджал губы.

– Тек-инженер Ючи работал на клан большой тройки, – пояснил Рахаб, боясь, как бы мальчик не начал развивать идеи и домыслы игровых площадок, где задействованы персонажи прошлого. – Проверяя правдивость истории Юмико, я изучил много реконструкций того времени, но расхождений не нашел… Впрочем, не нашел я и подтверждения этих историй… – Рахаб осознанно выдержал долгую паузу, подогревая интерес Джаво. –

Юмико говорит, что первые ядра протоколов ее программы были созданы в коррекционной тюрьме – копия сознания девочки, отец которой, пытаясь спасти дочь, использовал тело одного из заключенных…

– Так Юмико все-таки девчонка! – всплеснул руками мальчик.

– Спасая дочь, отец не знал, что не извлекает ее сознание, а всего лишь делает копию, – терпеливо продолжил Рахаб. – Таким образом, личность заключенного оказалась плененной в собственном теле, взаимодействуя с новым ядром сознания.

– Алгоритм внутри алгоритма! – восхищенно воскликнул Джаво.

– Биоэнергетическое сознание внутри искусственного алгоритма, – уточнил Рахаб. – В те времена ученые еще не открыли мир Подпространства, поэтому и о связи энергетической части сознания с биологической оболочкой ничего не знали. То, что случилось с Юмико, можно назвать ошибкой коррекционных систем. Отцу умирающей девочки пришлось работать в экстремальных условиях – одна из реконструкций, изученных мной, подтверждает, что на «Тиктонику» было совершенно нападение одним из кланов якудзы. Событие вызвало резонанс в мировой политике и повлекло за собой ряд радикальных мер, включивших в состав охраны коррекционных тюрем предоставленных корпократами боевых синергиков. В числе жертв действительно были один из главных врачей коррекционного центра и его дочь. О пропавших заключенных не сообщалось, но в те времена о многом замалчивалось, чтобы не обострять и без того накаленную обстановку. Так что мы склонны верить Юмико, которая рассказывает, что, покинув «Тиктонику», попала к тек-инженеру по имени Ючи, который занимался программированием синергиков для клана «Тэкия». Незаконченная коррекционная программа, сохранившая остаточные связи сознания заключенного с мозгом собственного тела, позволила заключенному вступить в симбиоз с копированным сознанием девочки – ядро внутри ядра, как ты уже подметил. Подобное отклонение превратило мозг девочки в мощнейшую аналитическую систему, которая, усиленная нейронными модулями для лучшей интеграции в существующие в то время информационные сети, могла просчитывать развитие мировых событий на десятки шагов вперед. Тек-инженер, отметив эту особенность, провел исследования и усовершенствовал систему, восстановив незавершенный процесс корректировки заключенного, тело которого использовала Юмико, чтобы создать сеть из подобных аномалий. На свет появилась дюжина оракулов,

способных анализировать триллионы вариантов развития событий, отметая малозначимые и тупиковые, оставляя единственно верные.

– Почему они не предотвратили войну? – подозрительно прищурился мальчик, решив, что обнаружил важную нестыковку.

– Некоторые войны должны случиться, – пожал плечами Рахаб. – Юмико говорит, что так устроен мир людей – катастрофы и трагедии должны происходить, иначе человечество разучится ценить то, что у него есть. Меньшее зло предотвращает большее. Это сложно понять, когда ты не можешь планировать на тысячи ходов вперед, но Юмико уверяет, что не случись Третья мировая война, то энергетический кризис привел бы к созданию новых источников энергии, из которых впоследствии создали бы оружие, способное уничтожить планету. Только на этот раз управлять им стали бы не люди, рука которых может дрогнуть в последний момент, а машины… Развитие адаптивных алгоритмов неизбежно. Вопрос лишь в том, какими будут создавать их люди. К тому же без Третьей мировой войны человечество не смогло бы объединиться. Военные базы получили статус жилых комплексов. Затянувшаяся на несколько веков война сошла на нет. Не было ни победителей, ни побежденных. Сначала люди привыкли, что мир находится в состоянии войны, забыли, что значит жить в мирное время, а затем сочли это нормой. Так что Третья мировая война так официально и не закончилась. Человечество изолировало себя в гигантских жилых комплексах, дожидаясь, когда измученная боевыми действиями планета начнет оживать, восстанавливая себя, подготавливая тихоокеанские пляжи и Пиренейский полуостров для зарождения Размерности и науки, посвященной изучению Подпространства, пусть вначале это и воспринимали миром бога. Именно на тихоокеанских пляжах Юмико впервые и осознала себя как личность. Это случилось много веков спустя после смерти ее создателя – тек-инженера по имени Ючи, жившего в эпоху Свободного Токио. Юмико не многое помнит о последних годах своего существования в тот период – коллективный разум, собранный из множества ядер биоэнергетического сознания, включавшего в себя искусственные алгоритмы, работал исключительно как машина, собирая и анализируя необходимую информацию. Созданная Ючи система продолжала работать и в первые годы войны, но перегрузки были такими частыми, что тот период стерся из памяти Юмико. Да и тек-инженер, пытаясь освободить биоэнергетические сознания оракулов, заменив их ядрами усовершенствованных искусственных алгоритмов, провел ряд неудачных экспериментов, взяв за основу первые знания

о мире Подпространства. Нет официальных свидетельств, но возможно, именно тек-инженер Ючи провел первый успешный эксперимент по извлечению сознания из биологической оболочки посредством переноса в Подпространство и последующего возвращения. Правда, вторая стадия эксперимента не удалась и вместо того, чтобы извлечь ядра биоэнергетического сознания из ядер искусственных алгоритмов, Ючи уравновесил их, нарушив иерархию первичных связей. Оракулы утратили тела и личности, став случайным нейронным всплеском, который существовал в первое время только благодаря дополнительным адаптивным протоколам, действовавшим независимо от нового ядра сознания, оберегая его, защищая от внешних атак примитивной нейронной сети того времени, считавшей Юмико вирусом. На протяжении нескольких лет Ючи продолжал работать над внешними протоколами взаимодействия для нового ядра, занимаясь этим в основном в свободное время, – военное положение накладывало свои обязанности. Последнее упоминание о мастере Ючи, которое мне удалось отыскать в архивах хронографов, датировано периодом ожесточенных сражений на территории нейтральных государств, оказавшихся волею судьбы между воюющими державами. Интерактивные реконструкции тех событий позволяют отыскать след тек-инженера Ючи в военном комплексе Isistius labialis, в отделе, разрабатывающем новые модели боевых синергиков. Прямых сведений о Ючи нет, но его персонаж четко прослеживается как в реконструкциях, так и в непосредственном изучении сохранившегося в Подпространстве эха прошлого. Можно предположить, что он пытался возродить идеи, культивируемые им еще в Свободном Токио – использовать тела синергиков для ядер биоэлектронного сознания…

– А почему мастер Ючи не остался в Свободном Токио? – спросил Джаво, обрывая нового знакомого на полуслове.

– К тому времени Свободный Токио находился на грани гибели. Заговоры и коррупция разрывали город изнутри. Окружающая среда становилась непригодной для жизни, не в силах вынести технологические войны корпократических заокеанских стран и технократического Севера.

– Может быть, если бы такие как тек-инженер Ючи не бежали из родных городов в военные комплексы, то и война не продлилась бы так долго?

– Думаешь, они смогли бы придумать решение, как прекратить неизбежный конфликт?

– По крайней мере, не стали бы изобретать новые виды оружия, питая конкуренцию и иллюзию победы.

– Боюсь, эта теория неприменима для тех времен. Не забывай, это была одноуровневая реальность и видение мира строилось иначе.

– Неизбежная война?

– Да, именно так, – Рахаб выдержал паузу и снова вернулся к истории Юмико, которая долгое время находилась в плену созданных тек-инженером Ючи защитных протоколов, продолжавших улучшать себя и после смерти создателя. – Первую попытку освободиться Юмико предприняла, когда на тихоокеанских пляжах восстановившегося после Третьей мировой войны побережья начали создавать аналог современной Размерности. Нейронные сети действовали ограниченно, и это едва не погубило Юмико, попытавшуюся связаться с людьми, упрощая структуру ядер своего сознания, подгоняя его под примитивные алгоритмы восприятия.

– И сколько было всего таких попыток?

– Согласно Юмико, пять, но только когда появились нейронные сети седьмого поколения, а у некоторых из нас – способности нейропатов, она смогла вступить в контакт – после четырех с половиной тысяч лет одиночества.

Глава седьмая

– А можно мне прикоснуться к ним? – спросил Джаво, когда они с Рахабом проходили мимо синергиков, застывших возле прибывшей в ремонтный сектор старой капсулы общественного транспорта.

– Думаешь, сможешь потом хвастаться этим перед друзьями?

– Почему бы и нет? Кто еще сможет похвастаться подобным?

– Тебе не поверят.

– Почему?

– А ты бы поверил, что кто-то смог проникнуть в ремонтные полости пневмотоннелей, прикоснуться к синергикам, запрограммированным не замечать доставившую тебя сюда капсулу, а затем встретился с нейронно-биологическим алгоритмом по имени Юмико, которому четыре с половиной тысячи лет?

– Наверное, нет, – вздохнул мальчик. – Но я бы все равно хотел прикоснуться к синергику. Хотя бы для себя.

– Ну, если для себя… – Рахаб кивнул, давая разрешение.

Джаво подбоченился, подошел к синергикам, но прикоснуться так и не решился.

– Сделаю это на обратном пути, – сказал он, помялся и добавил, что не испугался. – Просто… – нужные слова так и не пришли в голову. – А можно мне на обратном пути взять на себя управление старой пневмокапсулой? – решил сменить тему разговора мальчик, когда они покидали ремонтную площадку.

Герметичные двери закрылись за спиной, отрезав сотни последовавших за чужаками потоков холодного ветра, гулявшего в пневмотоннеле.

– А здесь ничуть не теплее, – поежился Джаво, начиная замерзать без дополнительной поддержки нейронных сетей, взаимодействующих с интегрированным жидким чипом.

По широкому коридору, огибавшему змеей помещения с репликаторами для создания запчастей и мастерскими, промаршировала группа модифицированных синергиков.

– А вот эти уже точно похожи на боевых! – оживился Джаво.

Рахаб промолчал. Синергики прошли мимо, не обращая на чужаков внимания. Кроме биоэлектронного мозга машинам были добавлены органические глаза. Одежда скрывала остальные модификации, но сомнений не было – глаза не единственная доработка.

– Их что, хотят превратить в людей? – растерялся Джаво, переводя взгляд с наномечей синергиков на органические глаза

и обратно.

– Протоколы восприятия органических механизмов сложнее подменить, – пояснил Рахаб.

– Подменить? Кому нужно подменять протоколы восприятия синергиков в ремонтных полостях? – мальчик задумался, затем просиял, беззаботно обвинив нового знакомого в обмане. – Вот, значит, как вы контролируете синергиков! – оживился он. – Подменяете протоколы восприятия, устанавливая модифицированные детали! А я чуть не поверил, что изменения действительно вносились в ядра основных протоколов!

– Я тебя не обманывал.

– Зачем тогда органическая кодировка?

– Затем, что в Размерности намного больше неучтенных программ и адаптивных алгоритмов, чем заявляют современные аналитики.

– Еще одна Юмико?

– Не настолько сложные, но… – дверь в одну из мастерских открылась, заставив Рахаба замолчать.

– Ух ты! – оживился Джаво, увидев камеры, где выращивались органические основы биоэлектронных мозгов будущих синергиков.

Группа синергиков деактивировала две камеры, слив содержимое в утилизационную емкость вместе с забракованным системой биологическим материалом.

– Что они теперь сделают с этим? – шепотом спросил мальчик, когда синергики провезли мимо него утилизационную емкость вверх по изгибающемуся коридору. – Они ведь не съедят это? – мальчик не моргая смотрел на утилизационную емкость, парящую в воздухе благодаря магнитным опорам.

– Съедят? – опешил на мгновение Рахаб, затем заставил себя улыбнуться. – Они везут забракованный материал в утилизационный сектор для переработки.

– А можно увидеть, как выращивают синтетические скелеты синергиков?

– Это не так интересно, как кажется.

– Позволь мне судить самому, к тому же… – мальчик хитро прищурился. – Я вообще не верю, что ты видел, как выращивают скелеты синергиков. Это ведь то же самое, что пробраться в репродукционный центр и подсмотреть, как выращивают новых людей.

– Люди – это не синергики, к тому же… – Рахаб прервался, невольно заглядывая вместе с мальчиком в открывшуюся дверь, ведущую на ремонтную площадку, куда прибыла для обслуживания капсула общественного транспорта. –

К тому же коридор спиралью огибает мастерские и помещения с репликаторами, – продолжил Рахаб, – и с другой стороны радиус нейронных сетей жилого комплекса захватывает часть местных помещений, так что наши жидкие чипы смогут подключиться и я позволю тебе заглянуть в мои воспоминания, чтобы ты увидел, как выращивают синтетические скелеты синергиков на нижних уровнях ремонтной базы.

– А синергики могут подключаться к внешним нейронным сетям?

– Нет, у них другие коммуникативные протоколы.

– Как же тогда с ними общается Юмико?

– Никак. Базовые правила и алгоритмы заданы до активации основных ядер.

– Сотни, а возможно, и тысячи лет назад, когда человечество вернулось в жилые комплексы, вытесненное с материков Великим ледником?

– Выходит, так.

– Почему же тогда, если Юмико могла предвидеть будущее и создать для себя эту обитель, она не придумала, как создать себе нормальное тело?

– Потому что ядра сознания Юмико слишком сложны для использования в биоэлектронном мозге синергика.

– А люди?

– Что люди? Хочешь, чтобы Юмико использовала биоэнергетическое сознание человека?

– Почему бы и нет?

– Тек-инженер Ючи потратил всю жизнь, чтобы извлечь созданный им набор ядер из человеческих тел, а ты хочешь обратить этот процесс?

– Сейчас не хочу, но если бы провел в одиночестве четыре с половиной тысячи лет, то хотел бы.

– И кто бы стал добровольцем? Ты бы согласился отдать свое тело?

– Нет, но это, думаю, уже детали.

– Вот как? – на губах Рахаба появилась раздраженная улыбка, которая не ускользнула от глаз Джаво.

– Я слишком много болтаю? – доверчиво спросил мальчик.

– Немного, – признался Рахаб, проходя ту часть коридора, где зона покрытия нейронных сетей могла подключиться к интегрированным жидким чипам.

– Ты обещал мне показать свои воспоминания о том, как выращиваются скелеты синергиков, – робко напомнил Джаво.

– Да, обещал… – Рахаб сосредоточился на воспоминаниях о камерах, где выращиваются скелеты синергиков. – Видишь? –

спросил он мальчика.

– Скорее помню, – скривился Джаво, пытаясь привыкнуть к новым способностям восприятия информации. – У нейропатов всегда так? Все размыто и нечетко, словно сон, когда воспринимаешь отдельные отголоски прошлого, отраженного в Подпространстве, но все они искажены, не позволяют разобрать ничего конкретного, потому что сознание остается в биологическом теле, не в силах без терминала установить связь с миром энергии.

– А чего ты хотел? Воспоминания – это не интерактивная реконструкция событий.

– А нет возможности сделать апгрейд жидкого чипа, чтобы он позволял мне изучать чужие воспоминания, а не воспринимать как часть собственных прожитых моментов жизни?

– А вдруг тебе не понравится то, что ты увидишь в чужих воспоминаниях? Здесь ведь нет предварительного анонса, что тебя ждет в голове того или иного человека.

– Тогда можно встроить протокол, который будет обрабатывать чужие воспоминания, превращая в интерактивные реконструкции, которые, если мне понравится то, что увижу в чужой голове, можно будет потом активировать.

– Слишком сложная технология даже для современного мира. Не забывай, способности нейропатии до сих пор мало изучены. Все, что смогли установить ученые, – базовые процессы способности уходят в биоэнергетические ядра сознания, доступ к которым возможен только в Подпространстве, где акеми смогли взломать начальный уровень блокировок точки сборки личности, добравшись до алгоритмов, отвечающих за формирование внешнего образа в Квазаре, но дальше продвинуться в расшифровке преобразованных ядер биоэнергетического сознания человека не удалось.

– Получается, мы такие же сложные, как Юмико?

– Не мы, а наша способность нейропатии. Мы – самые обыкновенные.

– А Юмико тоже умеет читать мысли?

– Возможно.

– Ты не спрашивал ее?

– Мне достаточно того, что она может предсказывать будущее.

– А я бы спросил, – Джаво попытался заглянуть в воспоминания Рахаба, хранившие информацию о его первой встрече с Юмико.

– Что ты делаешь? – насторожился Рахаб.

– Ничего… – испуганно тряхнул головой мальчик, словно его

застали за непристойным занятием.

Связь с сознанием нового знакомого прервалась в тот самый момент, когда Джаво попытался найти воспоминания о том, как Рахаб впервые понял, что он нейропат.

– Тогда расскажи мне об этом сам, – попросил мальчик.

– Рассказать о чем?

– О том, как ты стал нейропатом и познакомился с Юмико. Ты сразу стал читать чужие мысли или учился этому? А быть посредником, как это было у меня с хранителем и работником запрещенного центра Энрофы… – Джаво вспомнил то, что видел в воспоминаниях хранителя, и поежился. – Как ты думаешь, почему Иерархия не закрывает незаконные центры Энрофы? Нет, я, конечно, понимаю, что это не так просто… – мальчик замолчал, увидев открытые двери на ремонтную площадку, где вместо пневмотоннеля и вакуумных рельсов пульсировала искрящаяся тьма.

– Ученые Энрофы называют это место временным провалом, – сказала пожилая женщина, выскользнув из черноты дверного проема.

Ее окружали нейронные и энергетические завихрения, напоминая призрачную ауру, которая тянулась к Джаво и Рахабу, пульсируя искрящейся тьмой позади. Энергетическое поле было настолько мощным, что его можно было ощутить физически – легкие покалывания, от которых Джаво невольно вздрагивал. Странное место находилось вне зоны покрытия нейронных сетей, но мальчик чувствовал, что при желании сможет заглянуть в мысли пожилой женщины.

– Меня зовут Турелла, – промурлыкала она, заглядывая Джаво в глаза. – И нет, тебе не нужно бояться темноты за моей спиной.

– Вы можете читать мои мысли? – растерялся мальчик.

– Ты удивлен?

– Но как?! Здесь ведь нет нейронных сетей!

– А ты думаешь, нейропатия – продукт нейронных сетей? Нет, – губы женщины растянулись в ироничной улыбке. – Этот дар у нас в крови. Когда-нибудь, возможно несколько поколений спустя, он сможет взаимодействовать непосредственно с энергией Подпространства, став абсолютно самодостаточным. До тех пор мы зависимы от современных технологий, позволяющих нам подключаться к фону мира. Комната, которую ты видишь за моей спиной – это одна из таких технологий. Мир внутри мира, где правят собственные временные колебания. Невозможно объединить мир материи и мир энергии, но здесь ученые предприняли смелую попытку сделать невозможное. Считай это

новым этапом в понимании терминалов переходов, где не будет больше грязных и неудобных капсул, проблем с подключением к нейронным идентификаторам и неизбежного контроля со стороны Всемирной иерархии, если, конечно, не пользоваться незаконными терминалами, которые еще более грязные и убогие, чем зарегистрированные официально.

– Я туда не пойду, – качнул головой Джаво, и без способности нейропата понимая, что его вели именно сюда.

– Люди смогут устанавливать новые терминалы в своих квартирах, – продолжила Турелла, не замечая слов Джаво. – Представляешь, каким спросом будут пользоваться новые терминалы в кругах коренных жителей Квазара?

– Я бы лучше воспользовался старой доброй капсулой, какой бы грязной она ни была.

– Тебя пугает черный цвет? Скоро это исправят. Просто когда ученые начинали проект, о цветовой схеме вообще не думали, поэтому за базу было взято отсутствие цвета. Проект находится в стадии альфа-тестирования, так что… – Турелла окинула мальчика внимательным взглядом, и взгляд этот не понравился Джаво. – Тебе страшно?

– Немного.

– Если будешь сотрудничать, то, обещаю, с тобой ничего не случится.

– Не случится? – Джаво показалось, что обещание звучит как угроза, но он решил, что виной всему внезапный страх перед странной черной комнатой.

– Процесс перехода и контроль временных подпространственных колебаний пока не решен, поэтому терминал работает исключительно как временной и материальный провал Размерности. Это новая технология, закрытая для Всемирной иерархии. Проследить вошедшего в терминал невозможно. Некоторые приближенные к проекту инженеры говорят, что это первый шаг к смещению границ Размерности и Квазара и к более тесной интеграции линейного мира времени и материи с трехмерным временем и энергией мира Подпространства. Все меняется. Технологии и восприятия становятся более сложными, многоуровневыми. Природа человека слишком долго сохраняла неизменную целостность, чтобы угнаться за развитием технологий. Все ученые, включая акеми, в один голос заявляют, что появление нейропатов – это явный прорыв. Природа человека адаптировалась к существующим технологиям и начала подстраиваться под установленные правила и нормы. Сейчас местные центры Энрофы работают над тем, чтобы создать клона, наделенного

способностями нейропата, но пока все, чего им удалось добиться, – это усиление способностей посредством внесения принудительных изменений в структуру ДНК уже рожденных нейропатов. Но прорыв близок. Если бы исследовательские центры Энрофы могли сбросить с плеч груз гонений, чинимых Всемирной иерархией, да бремя финансовых вопросов, то появление нового искусственно выведенного вида нейропатов могло бы стать реальностью в ближайшие годы. Можешь ли ты представить себе общество, где нейропатия не воспринимается как проказа, а считается нормой, естественным состоянием? – спросила Турелла, вглядываясь Джаво в глаза. – Никаких секретов, тайн, заговоров. Никакой лжи. Люди откроются друг другу. Это будет новый этап восприятия. Человечество сможет оставить в прошлом распри и всецело посвятить себя науке и новым открытиям, исследуя схемы жизнеустройства, приоткрывая занавес тысяч тайн, разгадки которых сейчас остаются недосягаемыми в связи с устаревшим и требующим перемен устройством мира, – женщина протянула Джаво морщинистую руку. – Ты сможешь стать частью нового восприятия. Ученые Энрофы постоянно работают над возможностью усилить способности нейропатов. Сейчас им удалось добиться успеха в корректировке и усилении сверхспособностей на ранних этапах проявления нейропатии, как это случилось с тобой.

– Со мной? – Джаво оторвал взгляд от морщинистой руки женщины и уставился ей в глаза.

– Ты не сказал ему? – спросила она Рахаба.

– Нет, – качнул тот головой.

– Ну не беда, – Турелла фальшиво улыбнулась и снова протянула Джаво руку, предлагая войти вместе с ней в черную комнату. – Обещаю, там ты сможешь все увидеть сам. Твоя способность, усовершенствованная учеными Энрофы, быстро адаптируется к новой среде, в отличие от нас.

– Усовершенствованная? – Джаво с трудом сдерживался, чтобы не сбежать. Да и куда бежать, он не знал. В памяти остался лишь извилистый коридор да множество закрытых дверей. И если даже удастся найти выход, то как заставить работать старую пневмокапсулу? – О каких усовершенствованиях вы говорите? – спросил мальчик.

– Возьми меня за руку, и все узнаешь, – предложила Турелла.

Джаво бросил короткий взгляд на Рахаба, которого уже начал воспринимать как друга.

– Хочешь, чтобы он пошел с нами? – прочитала мысли мальчика Турелла. – Это не проблема. Нейропаты всегда

держатся вместе. Мы – новое общество в старом мире. И скоро нас станет намного больше.

Тьма за спиной Туреллы заискрилась сильнее и потянулась к людям щупальцами-вспышками. Джаво представил, как, вернувшись домой, рассказывает друзьям о сегодняшнем приключении, услышал их звонкий смех и решил, что сбегать точно нельзя. Да и черная комната не только пугала, но и вызывала интерес, подогреваемый мыслями Туреллы, показывавшими, что ничего страшного за порогом нет.

– Ты – новое поколение нейропатов, Джаво, – услышал мальчик в своей голове слова неизвестного, скрытого тьмой экспериментального терминала.

– Как много там людей? – спросил Джаво, до боли в глазах вглядываясь в черноту за дверным проемом.

– Тебя интересуют только нейропаты или люди вообще?

– Только нейропаты.

– Тогда никого кроме нас.

– Чей же голос я слышу? Кто-то говорит со мной из этой комнаты.

– Может быть, это Юмико?

– Юмико?

– Рахаб не рассказал тебе о Юмико?

– Рассказал, просто я думал, что она может общаться с нейропатами, только когда соблюдены определенные условия.

– Если ты присоединишься к нам и убедишь отца взять под опеку основные разработки новых терминалов, то нам станут не нужны подобные формальности. Нейропаты превратятся в новую расу сверхлюдей, которые в совокупности с современными технологиями придут на смену устаревшим проектам, вытеснив рано или поздно обыкновенных жителей КвазаРазмерности.

– Я не хочу никого вытеснять, – насторожился Джаво, вспоминая отца. – Мои родители самые обыкновенные. И друзья… Если честно, то я совсем не хочу быть нейропатом. Лучше вернуть все как было… – мальчик вздрогнул, услышав в своей голове смех Туреллы.

Следом за Туреллой смеяться начал Рахаб и… Джаво понимал, что этого не может быть, но мог поклясться, что слышит свой собственный смех. Кто-то внутри него хотел быть сверхчеловеком и высмеивал собственные слабости, которыми обладал до того, как у него обнаружился дар нейропатии.

– Ничего не изменилось! – крикнул Джаво и попытался высвободить руку из ладони Туреллы.

Женщина оказалась сильной, и чем настойчивее Джаво

пытался освободиться, тем громче становился его собственный смех. Затем чернота нового терминала разверзлась и проглотила его. Или же это он сам сделал шаг в открытую дверь? Он – другой, высмеивающий человеческие слабости и привязанности.

– Пусти меня! – крикнул Джаво не столько Турелле, сколько своей второй половине, вцепившейся в сознание мертвой хваткой, продолжая истерично хохотать, сводя с ума. – Пусти… – он захлебнулся хлынувшей в рот густой чернотой, которая заполнила его без остатка, лишила тела, оставив обнаженное сознание, которое сжималось, не зная, куда спрятаться и как вернуть утраченное тело.

Холод стал абсолютным. Ничего не осталось. Мир замерзал, и вместе с ним замерзало попавшее в ловушку сознание. Или же не в ловушку?

– Хватит хныкать, мальчишка! – услышал Джаво детский голос, звучавший, казалось, отовсюду.

– Кто здесь? – Джаво тщетно пытался понять, как устроен мир, в котором он оказался.

Какими были законы, правила, основные протоколы? Если это Подпространство, то почему точка сборки не адаптировалась к новой среде, почему отсутствуют алгоритмы восприятия?

– Где я? – закричал Джаво, исторгая вместо слов тьму, из которой состояло его тело, и можно было кричать бесконечно долго, выдыхая тьму самого себя, которая снова становится тобой.

«Где я?» – подумал Джаво, заставляя себя успокоиться.

Тишина.

– Кто я? – спросил мальчик.

– Вот так уже лучше, – похвалил его за сообразительность старческий надтреснутый голос.

– Кем я стал?

– Кем стали мы все, – поправил голос женщины, который почему-то напомнил ему голос матери.

– Или кто стал нами, – добавил мужской голос, напомнив голос отца.

– Я – это вы? Или вы – это я?

В ответ раздался детский плач, сменившийся старческим хрипом, возможно последним, изданным за мгновение до смерти.

– Всегда и никогда, – прошептал хор голосов. – Везде и нигде – ты… Повсеместно… Ежесекундно и длинною в вечность… – шепот хора голосов усилился до невыносимых вибраций, от которых, казалось, могла распасться личность. – Все и ничто, – громыхал едва различимый шепот тысяч голосов, включавших в себя всего один голос, но в разные временные

промежутки.

Бесконечные вибрации пронзали сознание Джаво, уносясь в недосягаемую даль пустоты, чтобы вернуться, отразившись от еще одной содрогающейся личности.

– Рахаб! – догадался мальчик. – Рахаб и Турелла!

Невозможно было сопротивляться вибрациям и невозможно отдаться во власть их накатывавших беспощадных волн.

– Ты – ничто. И ты – это все, – услышал Джаво шепот себя самого.

Шептали младенец и старик, юноша и мужчина. Шептали, обливаясь слезами и радуясь, печалясь и гогоча до слез, ненавидя и любя, готовясь умереть и принести себя в жертву. Все это был один человек, но в разные промежутки времени, словно жизнь сжалась до абсолютной единицы в планковской системе исчисления и одновременно растянулась до кальпы, вобравшей в себя больше четырех миллиардов лет, за которые можно произнести тысячи триллионов слов, но теперь все они звучат в одно мгновение, разрывая мир бесконечными вибрациями.

– Ты – ничто. И ты – это все.

– Я – ничто. И я – это все, – согласился Джаво, распадаясь на мельчайшие частицы, превращаясь в бесконечные вибрации, способные существовать как в материальном мире, так и в мире энергии.

– Рахаб! – позвали вибрация, признавая себя всем и одновременно никем.

– Я здесь, – родилась родственная вибрация где-то в бесконечном море колебаний.

– Это потрясающе, Рахаб! – признался мальчик. – Это лучше самой невероятной истории, доступной в мире КвазаРазмерности.

– Я знаю.

– А эти колебания… Ты знаешь, что это за место?

– Ученые Энрофы называют это исходным кодом схем жизнеустройства, отвечающих за работу нашего двухуровневого мира КвазаРазмерности.

– Нашего? Есть и другие? Как много?

– Это называется плиткой многоуровневости бытия, мой мальчик, – обозначила свое присутствие Турелла. – Некоторые акеми считают, что все это создано для поддержания более сложного состояния мира, понимаемого как дом жизни.

– Почему клирики не расскажут об этих открытиях миру?

– Потому что клирики Всемирной иерархии объявили учение акеми ересью, а центры Энрофы, способные построить подобные машины, придали анафеме.

– Но если подобная машина построена, то теперь можно

рассказать о ней людям! Пусть они сами все увидят!

– Обычные люди не смогут ничего увидеть. Они либо не вынесут перехода на новый уровень сознания, либо навсегда застрянут на базовых этапах распада личности. Доступ к исходному коду схем жизнеустройства открыт только нейропатам. Только нейропат мог разработать подобную машину, и только нейропат способен создавать необходимые для правильного функционирования протоколы переносов на столь глубоком уровне. Для остальных людей это станет либо прокрустовым ложем, либо удачным способом попасть в Квазар, в обход устаревших терминалов. Понимаешь теперь, почему мы привели тебя сюда?

– Я должен был увидеть это своими глазами и рассказать отцу, чтобы он помог вам продолжить исследования?

– Ты должен был стать частью этого.

– Как сейчас? Превратившись в вибрации, утратив личность и снова осознав себя личностью?

– Да.

– А если отец не послушает меня?

– Обязан послушать. Ты сильный нейропат. Покажи ему то, что сможешь запомнить об исходном коде схем жизнеустройства, когда вернешься в Размерность.

– Показать? Не думаю, что у меня получится.

– Не нужно думать. Просто сделай. Твоим способностям под силу многое.

– А можно тогда Рахаб пойдет со мной и поможет, если я сделаю что-то не так?

– Тебе не нужны ни Рахаб, ни я. Ты сильнее нас. Мы встретились с учеными Энрофы уже после того, как стали нейропатами. О твоих способностях нам сообщили прежде, чем ты активировал их, и в исследовательском центре, где ты проходил обследование, тебе сделали инъекцию, разработанную учеными Энрофы. Это помогло сконцентрировать твои способности на начальных стадиях, ограничив утечки, сбои и отмирания важных участков мозга, отвечающих за восприятие. Отмирания неизбежны в процессе становления способности, нанося вред каждому обычному нейропату вроде меня и Рахаба. Но не считай себя особенным. Процедуре усовершенствования подвергся еще ряд дремлющих нейропатов как в нашем жилом комплексе, так и в других двух. Твоей исключительностью является лишь твое происхождение. Не будь твой отец богат, ты бы жил как обычный нейропат второй волны, за которым тайно приглядывают нейропаты первой волны. Но кроме природы у ученых есть и другие препятствия в виде необходимого

финансирования и столкновений с клириками Всемирной иерархии. Так что…

– Я все понимаю.

– Это хорошо.

– А можно задать еще вопрос?

– Конечно.

– Мои чувства. Если я принадлежу к нейропатам второй волны, означает ли это, что проблема с выжиганием чувств по мере развития способности решена?

– Ты увидел исходный код схем жизнеустройства, но все еще печешься о присущих примитивному материальному миру чувствах?

– Немного.

– Тогда вынуждена тебя расстроить – ученые Энрофы не работали над сохранением чувств. Им было важно устранить утечки способности во время ее формирования. Пока это все. Возможно, если ты уговоришь своего отца помогать нам, в третьей волне нейропатов учтут проблему выжигания чувств. Не раньше.

Глава восьмая

– Где ты был?! – не поверил отец, когда Джаво вернулся домой, рассказав о встрече с нейропатами.

Одним из главных доказательств правоты сына был старый ремонтный синергик, которого Рахаб послал с мальчиком, проводив до капсулы общественного транспорта, доставившей их в тайное убежище. Прощание вышло сухим и коротким.

– Я обязательно вернусь, – пообещал Джаво. – Поговорю с отцом и вернусь.

Рахаб кивнул. Он стоял на ремонтной платформе, пока пневмокапсула с мальчиком и синергиком не скрылась из виду.

– Эти люди похитили тебя, – сказал отец, выслушав историю сына. – Они не могут быть твоими друзьями.

– Рахаб не похищал меня, – насупился Джаво. – Он спас меня от ареста. Я заблудился, запаниковал. Группа туристов решила, что я клон, сбежавший из незаконного центра Энрофы. Их галдеж привлек внимание мужчины, который действительно имел отношение к производству клонов. Я видел его мысли о запрещенных Всемирной иерархией центрах.

– Ты слышал? – не то растерялся, не то разозлился отец.

– Я нейропат, забыл?

– Не говори…

– Если я не буду говорить о том, какие способности развиваются во мне, то это ничего не изменит! – топнул ногой Джаво.

Повисла неловкая пауза.

– Работника незаконного центра Энрофы звали Верак, – решил продолжить мальчик. – Я увидел это имя так же, как увидел процесс выращивания клонов. Увидел, как адепты «Мункара и Накира» используют клонов для рождения детей естественным путем. И не только адепты… Богатые люди тоже иногда предпочитают покупать клона, в теле которого вырастет их ребенок…

– Я никогда не хотел так поступить и не знаю никого, кто пользовался подобными услугами, – процедил сквозь зубы отец, меряя сына гневным взглядом.

– Я знаю… Вижу в твоих мыслях, что ты не врешь, но тогда… – Джаво старался не замечать, не воспринимать буквально пульсирующую вокруг отца ауру гнева. – Тогда я запаниковал, испугавшись своих способностей. А потом подошел хранитель, и я… Не знаю, как это вышло, но… Туристы галдели, считая меня сбежавшим клоном, и хранитель, желая выяснить,

что происходит, продирался в центр толпы. Разговоры о клонах заставляли его вспоминать незаконные центры Энрофы. Я видел процесс ликвидации и переработки клонов. И… не знаю, как это вышло, но… я стал проводником, объединив мысли работника незаконного центра Энрофы и хранителя, который попытался задержать нарушителя. В результате заварушки хранитель погиб, а затем, когда прибыли другие служители Иерархии, нейронные службы контроля допустили ошибку и уничтожили нарушителя. Меня посчитали виновником случившегося и хотели арестовать, но я сбежал, воспользовавшись тем, что среди туристов началась паника, потому что они решили, что следом за нарушителем свихнувшиеся нейронные службы контроля начнут уничтожать простых людей… Тогда меня и встретил Рахаб.

– Ты хочешь сказать, похитил, – поправил отец.

– Нет, встретил, – настырно качнул головой Джаво. – Он помог мне, сделав инъекцию дополнительных жидких чипов, протоколы которых помогли мне скрыться от слежения нейронных сетей.

– Скрыться – это значит сбежать на старой пневмокапсуле, века назад списанной в утиль? – уточнил отец, увидел кивок сына и едва не вышел из себя. – О чем ты думал?! Ты понимаешь, что передвигаться на подобном транспорте опасно?!

– Я нейропат! – закричал Джаво, потеряв терпение. – Что может быть опаснее?

– Не смей…

– Кричать на тебя?

– Ты испытываешь…

– Твое терпение? – мальчик смотрел на отца безумными глазами, пугая родителя. – Я могу увидеть все, о чем ты думаешь сейчас. Каждую твою мысль. Я – ренегат, которого боятся люди. Хранители считают меня виновником гибели двух людей, и возможно, они в чем-то правы. Я побывал в ремонтных полостях пневмотоннелей, вошел в экспериментальный терминал, находящийся в стадии глубокого тестирования, вернулся с настоящим ремонтным синергиком, но после всего этого ты отчитываешь меня за то, что я пользовался старой пневмокапсулой?!

Отец не ответил. Обернувшись, он окинул ремонтного синергика недобрым взглядом и признался, что не понимает, как нейронные службы контроля позволили этой машине передвигаться в жилом комплексе.

– У него установлен модуль подмены личности, который взаимодействует исключительно с биологической частью системы, позволяя нейронным службам контроля видеть в нем

не машину, а обыкновенного человека, – наигранно устало пояснил Джаво.

– И кто установил ремонтному синергику модуль подмены? – спросил отец, пытаясь найти нестыковки в рассказе сына. – К тому же, если меня не обманывает получаемая сейчас по нейронной сети информация, ремонтные синергики изначально программировались исключительно для обслуживания пневмотоннелей и личного развития в соответствии с нормами безопасности, предъявляемыми к общественному транспорту. Ни о каком взаимодействии с чужаками, присутствие которых не предусмотрено проектировщиками, речи не идет. Больше – при обнаружении посторонних в пневмотоннелях системы обслуживания обязаны расценивать неустановленные объекты как брак и поломку, пытаясь устранить дефект. Так что ни ты, ни похитивший тебя нейропат по имени Рахаб не могли находиться в ремонтных полостях пневмотоннелей.

– Ты не слушаешь меня! – закричал мальчик, едва не затопав ногами. – Почему, прежде чем отрицать, ты не хочешь попытаться найти объяснение?

– Именно этим я и занимаюсь.

– Пытаясь доказать, что я все придумал?

– Ну не все… – отец нахмурился, заставляя себя не смотреть на старого синергика. – Но вот в возможность предсказывать будущее, программируя основные ядра биоэлектронного мозга ремонтных синергиков с учетом встречи много лет спустя с нейропатами… – он тяжело вздохнул и качнул головой. – Как, ты говорил, называется тот вышедший из-под контроля адаптивный алгоритм?

– Юмико… И это не адаптивный алгоритм.

– Ты инженер Размерности, чтобы делать подобные выводы?

– Нет.

– Ученый Энрофы?

– Нет.

– Ты хотя бы видел Юмико?

– Нет, но Рахаб сказал, что я смогу подключиться к ней в любой момент, если приобрету стороннюю программу для разработанного Иерархией модуля блокировки, способного проверить уровень эмпатии нейропата.

– И что это за программа?

– Ее создали местные инженеры Размерности.

– Это понятно, но ты знаешь, сколько всего на рынке программ для модуля блокировки, учитывая, что их дюжинами портируют, используя исходники других интерактивных

платформ, благо возрастных ограничений у последних нет. Так что либо ты говоришь мне название конторы разработчиков или имя инженера, создавшего стороннюю программу, либо… – отец демонстративно развел руками. – Либо я бессилен и придется признать, что Юмико – это миф.

– Юмико не миф! Она повсюду, понимаешь? Может быть, даже сейчас она где-то здесь, наблюдает за нами.

– Пусть тогда покажется.

– Это не так просто. Ее могут видеть только нейропаты.

– Значит, ты ее видишь?

– Нет… – Джаво насупился и, опустив голову, уставился себе под ноги. – Рахаб не мог обмануть меня.

– Думаю, Рахаб использовал твою болезнь, чтобы подобраться ко мне.

– Ты не видел новый терминал, не знаешь что такое стать частью вибраций исходного кода схем жизнеустройства. Это другой мир, другие истины и восприятия. Рахаб говорит, что нейропатов становится все больше и больше. Ученые Энрофы работают над усилением врожденных способностей.

– Об этом я уже сообщил своим людям в Иерархии, – отец поджал губы, сдерживая гнев. – Думаю, такое вмешательство заинтересует многих хранителей, которые проведут тщательное расследование совместно с коллегами из других жилых комплексов, чтобы предотвратить подобные происшествия в будущем.

– Так ты веришь, что я принадлежу к нейропатам второй волны, но не веришь, что когда-то люди изменятся?

– Я верю, что ты болен, Джаво.

– Но…

– И если твои слова о том, что дремлющие в тебе способности к нейропатии были усилены кем-то извне, окажутся правдой, то клянусь, что сделаю все возможное, чтобы наказать виновных.

– Я не обижаюсь на них.

– Ты еще ребенок и многого не понимаешь.

– Но у тебя ведь много единиц Влияния. Что изменится, если ты потратишь часть на разработки нового терминала?

– Официально проект закрыт. Ты хочешь, чтобы я нарушал установленные катехизисы, спонсируя разработки, касающиеся изучения схем жизнеустройства?

– Разве ты не говорил, что если бы слепо исполнял каждое предписание Всемирной иерархии, то давно бы разорился?

– Верно. Говорил. А теперь вспомни, что я говорил о жуликах, которые вертятся возле таких как я? Они узнали о нашей беде и решили провернуть аферу.

– А как же вибрации исходного кода схем жизнеустройства, которые я видел?

– Ты знаком с работами резонансных инженеров или с наукой акеми, чтобы узнать базовые вибрации исходного кода?

– Ты знаешь, что нет.

– Тогда как ты отличил исходный код от подпространственной интерактивной площадки, построенной специально для того, чтобы обмануть тебя?

– Мы не пользовались терминалом. Я просто вошел в ту черную комнату – и все.

– Значит, это была сложная нейронная реконструкция.

– Черта с два!

– Не выражайся.

– А ты не держи меня за дурака. Думаешь, я не смогу отличить нейронную реконструкцию от вибраций исходного кода схем жизнеустройства?

– Разве ты только что не признался, что не можешь определить исходный код схем жизнеустройства?

– Ты знаешь, о чем я!

– Я знаю лишь то, что тебе нужно успокоиться, – отец положил тяжелую руку сыну на плечо. – Доверься мне, Джаво. Позволь решить эту проблему.

– Какую проблему? – мальчик тяжело вздохнул. – Ты сможешь сделать так, чтобы я перестал быть нейропатом, или что?

– Я готов потратить все единицы Влияния, что у меня есть, лишь бы избавить тебя от этого недуга.

– И ты думаешь, у тебя получится?

– Я сделаю все, что в моих силах, найму лучших специалистов, арендую новейшие лаборатории…

– И сколько потребуется на это времени? Как много во мне останется чувств, когда лекарство будет найдено?

– Об этом я уже подумал. Мы отправим тебя в Квазар.

– Ненавижу Квазар. У меня там нет ни одного родственника.

– Я не говорю о мире Квазар. Речь идет о любом игровом проекте, который ты выберешь.

– Ты хочешь, чтобы я спрятался от своих способностей в Подпространстве? – прищурился Джаво.

– Пока не найдется решение проблемы. Любая игра. И не волнуйся о возрастных ограничениях. Я разберусь с этим.

– А если я откажусь?

– Откажешься?

– Что если я захочу присоединиться к другим нейропатам? Что если я больше не презираю себя за свою способность, а горжусь этим?

– Не говори так.

– А ты попытайся представить, что Рахаб прав и природа действительно обновляет наш вид. Люди меняются, и оставаться прежним – это не спасение, а проклятие.

– Я не хочу это слушать! – разозлился отец, повышая голос.

Он ушел, оставив сына одного, активировав нейронные системы защиты дома. Сколько раз доброжелатели советовали ему усилить контроль, признав, что Джаво может оказаться под ударом? Но нет, он хотел, чтобы сын рос не чувствуя давление богатства. Что ж, выходит, это было ошибкой.

Демир связался с личным консультантом и велел ему провести повторный анализ медицинских исследований Джаво. «Если повезет, то склонность к нейропатии может оказаться фальсификацией, сфабрикованной исключительно для того, чтобы подобраться ко мне», – думал беспокойный отец, делая одновременно с этим по закрытому каналу нейронной связи запрос на поиск агентства «Ксанет», предлагавшего ему услуги год назад, обещая решить любую проблему. Тогда богатый арендодатель послал их к черту и забыл о предложении, но не прошло и месяца, как услышал о «Ксанет» от знакомых, которым агентство помогло разобраться с коррупцией на строительных площадках. Сейчас Демир надеялся, что «Ксанет» поможет ему разобраться с проблемами сына.

Ответ на оставленный запрос пришел четверть часа спустя. «Ксанет» принимал извинения крупного арендодателя, но отказывался вести переговоры посредством нейронных сетей, предлагая личную встречу.

– Вы считаете, что проблемы вашего сына не стоят труда прийти к нам в офис? – спросил представитель «Ксанет», когда Демир попробовал торговаться.

– Откуда вы знаете о моем сыне? – не столько растерялся, сколько насторожился делец.

– Вы рассматриваете возможность фальсификации данных медицинских тестов сына группой нейропатов, пытающихся вытянуть из вас крупную сумму единиц Влияния, но считаете, что об этом никто не узнает?

– Могу я узнать ваше имя? – решил сменить тему отец Джаво, относясь к разговору как к очередной торговой сделке, где каждый ведет переговоры как умеет.

– Окс.

– Просто Окс? И никаких координат перемещений по карте КвазаРазмерности или отчета активации ключей резонанса? – спросил Демир, пытаясь выиграть время. – Кто вас учил общаться с клиентами?

Связь прервалась, оставив нейронное послание с координатами дочернего офиса «Ксанет».

– Вот ведь… – делец выругался на языке коренного жителя Размерности.

Отключив привилегированные системы нейронной защиты, обеспечиваемые Всемирной Иерархией, Демир отправился на станцию общественного транспорта. Интерактивный помощник долго выпытывал координаты места назначения, чтобы проложить оптимальный маршрут с минимальным количеством пересадок, но делец решил, что лучше будет сделать все самому. «И так уже слишком много случайных свидетелей», – думал он, проходя в пневмокапсулу, остановившуюся у перрона. Маршрут был выбран спонтанно, с целью запутать интерактивных помощников. «Давно я не делал ничего подобного», – думал Демир, не без удовольствия вспоминая годы забытой молодости, когда, желая переплюнуть отца, заключал десятки незаконных сделок за спиной семейного бизнеса.

На второй пересадке делец выбрал нужный маршрут, придерживался его на протяжении трех остановок, затем снова выбрал случайную пневмокапсулу. Система была проверенной и редко давала сбой. Конечно, если кто-то очень захочет, то сможет «сесть на хвост» и лично проследить до конечного пункта, но к этому Демир тоже был готов. В годы молодости за ним не могли угнаться ни нейронный службы контроля, ни нанятые конкурентами шпионы, ни представители хранителей. Последние, впрочем, пересекались с молодым отцом Джаво лишь косвенно, преследуя, как правило, его недобросовестных подельников, у которых не было за плечами внушительного состояния, и приходилось рисковать, втягиваясь в крупные авантюры. Что касается Демира, то он всегда был осторожен и предусмотрителен, продолжая семейный бизнес и надеясь, что настанет день, его место займет Джаво – и круг не будет разорван. Но у Джаво обнаружилась склонность к нейропатии, а затем мальчика похитила группа отступников и промыла ему мозги.

– Как думаете, сможете разобраться с этим? – спросил напрямую делец, когда наконец добрался в «Ксанет».

Его лично встретил глава агентства по имени Лиор, провел в отдельную комнату, ограниченную защитным полем независимого нейронного генератора, и спросил:

– Разобраться с чем?

Взгляд у Лиора был цепким. Маленькие черные глазки выглядели застывшими на рыхлом лице. Тело главы агентства «Ксанет» было тучным, если не сказать толстым, что являлось

крайне редким для человека с интегрированным от рождения жидким чипом, контролировавшим большинство биологических процессов в организме.

– Как я понимаю, – продолжил Лиор, поскольку клиент молчал, ожидая, когда оппонент приоткроет свои карты, выдав часть известной ему информации, – вы хотите, чтобы я навел справки о людях, похитивших вашего сына?

– Не только.

– Вам нужны сведения о незаконных разработках ученых Энрофы, к которым вас пытались привлечь через вашего сына?

– Мне нужно знать все, что связано с историей, которую рассказал мне сын, – произнес Демир, решив проверить, как много знает «Ксанет».

«Если он выдаст, что ему известно о деталях моего разговора с сыном, значит, давно следит за мной и может оказаться заодно с людьми, похитившими Джаво», – решил делец.

– У вас есть нейронная реконструкция разговора с сыном или вы хотите, чтобы мы сами пообщались с мальчиком? – спросил Лиор.

– У меня есть нейронная реконструкция, – сказал Демир, меряя пристальным взглядом главу агентства «Ксанет».

– А если я замечу детали в разговоре, которые не освещены в реконструкции?

– Вам придется пользоваться тем, что есть.

– То есть на разговор с вашим сыном можно не надеяться?

– Нет.

– Что-нибудь еще? Какие-нибудь особенные пожелания?

– Разве что… – делец замялся, понимая, что показывать сомнения не самый удачный способ ведения переговоров. – Вы знаете, что такое разработанные для нейропатов модули блокировки, которые проверяют процент развития способностей нейропата и отмирание основных чувств?

– Сейчас все говорят о нейропатах, – пожал плечами Лиор.

– А о сторонних программах восприятия и общения, разработанных для модулей блокировки вместо классического теста эмпатии знаете?

– Немного.

– Мой сын говорил о той программе, где происходит подмена воспоминаний и присутствует азиатская девочка из прошлого.

– Есть еще что-то или нам работать с ограниченной информацией?

– Мой сын считает, что эту девочку видят только нейропаты… – Демир смущенно пожал плечами. – Ему так сказали похитители.

– Считаете, что это может оказаться заговор нейропатов?

– Заговор?

– Многие сейчас боятся новой силы.

– Я не считаю нейропатию силой. Скорее проказой. А вы?

– Я считаю, что мы ушли от основной темы разговора, – сказал Лиор.

– Да, – согласился делец, но вместо того, чтобы уточнить задание, продолжил смотреть главе агентства «Ксанет» в глаза, заставляя строить догадки.

– Вам нужна эта программа или информация о том, как она в действительности воздействует на нейропатов?

– Я хочу, чтобы вы узнали все что сможете об этой программе. Кто был ее создателем? Что будет, если обыкновенной человек воспользуется модулем блокировки, активировав программу? Что он увидит? Каким будет воздействие на мозг, на интегрированный жидкий чип…

– То есть нам нужно нанять группу ученых, которые проведут независимое расследование сторонней программы, использующей интерактивную основу в виде общения с девочкой из прошлого?

– Вам нужен совет, как вести дела?

– Мне нужно знать, что от меня требуется. Это исключает холостой ход расследования и тупиковые направления.

– В моем случае от вас требуется узнать все, что мне нужно. И неважно, холостой это будет ход или нет. Вас не должно подобное волновать. Это относится и к расходам.

Теперь молчал Лиор, позволяя клиенту говорить, высказываться, пускать пыль в глаза…

– Думаешь, перед тобой очередной богатый встревоженный отец? – потерял самообладание Демир.

– Нет, – качнул головой Лиор, и делец вдруг понял, что глава агентства общается с кем-то по закрытому нейронному каналу. – Если хотите получить полный доступ к необходимой вам информации, то не обращайтесь в агентство «Ксанет», а напрямую свяжитесь с представителями скандального монополиста по имени Лок-Кли, у которого одна из самых больших личных информационных баз Размерности, и договоритесь о встрече. Что касается моего агентства, то мы не собираем информацию, а помогаем людям решать проблемы. Я спрашиваю: у вас есть проблемы? – взгляд невысокого толстяка с жидким волосяным покровом на голове коренного жителя Размерности стал колким, недружелюбным.

Демир молчал, зная, что без труда сможет выдержать этот взгляд. «И почему все считают богачей хлюпиками?» – гневно думал он, но не мог не признать, что стиль Лиора ему нравится.

С такими людьми проще вести дела, нежели с лицемерными неудачниками с раздутым самомнением, которые тщетно пытаются завысить свои способности. В последние годы Демир общался в основном с крупными дельцами, взгляд которых не имел и десятой доли от твердости взгляда Лиора.

– Мне нравится, что вы местный и не пытаетесь скрывать этого, – сказал Демир главе агентства, не расценивая эти слова как похвалу. – И… да, у меня проблемы.

Лиор никак не отреагировал на услышанное.

– Кто-то подобрался к моему сыну, и я хочу пресечь это на корню, – решил делец начать переговоры заново.

– Вы хотите принимать участие в этом лично или будет достаточно точной нейронной реконструкции? – спросил Лиор нейтральным тоном, подчеркивая, что согласен обнулить предыдущий разговор.

– Я готов принять личное участие, если на то будет необходимость.

– То есть вы оставляете этот вопрос на наше усмотрение?

– Да.

– Есть какие-либо приоритеты выполнения задания или это снова решать нам?

– С нейропатами, похитившими моего сына, можете разбираться в удобном вам порядке, что касается сторонней программы для модуля блокировки, то этот вопрос нужно решить в кротчайшие сроки, предоставив мне подробный отчет и рабочий образец программы.

– Хотите убедить сына, что похитившие его нейропаты врали о девочке из прошлого?

Демир хотел сказать, что это уже его личное дело, но затем решил просто кивнуть.

– А если программа будет рабочей? – спросил Лиор.

– Что?

– Я спросил вас, как вы планируете применить программу, чтобы понять, какой конечный результат от нас необходим.

– Но я думал… – Демир невольно активировал личную реконструкцию воспоминаний о разговоре с сыном. Восприятия разделились на работу с интерактивным нейронным потоком и реальностью. Жидкий чип справлялся с функцией замечательно, но вот мозг, отвыкший за последние годы от подобного буйства информации, начинал подтормаживать. – Вы что, всерьез рассматриваете возможность, что история о девочке из прошлого, которую видят только нейропаты, может оказаться правдой?

– Да, – просто сказал глава агентства «Ксанет», добавив, что уже просмотрел нейронную реконструкцию разговора Демира

с сыном. – Возможно, для более оперативной работы нам придется воспользоваться сторонними информационными базами, чтобы получить часть второстепенных ответов на главные вопросы, – предупредил Лиор, упомянув имя скандального монополиста Лок-Кли.

– Я никак не связан с Лок-Кли, так что можете не беспокоиться об осложнениях.

– Я думал о вашей репутации.

– Репутация крупного арендодателя никогда не бывает идеальной.

Глава агентства кивнул. Демир хотел задать еще пару вопросов о программе для модуля блокировки, но решил, что это будет лишним и непрофессиональным, выдаст встревоженного родителя, а не расчетливого дельца, коим нужно казаться в общении с посторонними людьми.

Глава девятая

Когда отец Джаво ушел, Лиор деактивировал нейронные образы, созданные поверх официальных образов Размерности с помощью независимого генератора, и вызвал к себе единственного сотрудника отдела по имени Окс, который уже разговаривал с Демиром ранее. Агентство «Ксанет» не было фикцией, но когда помогаешь одним людям решать проблемы, прибавляя проблемы людям другим, лучше отказаться от постоянного офиса. В Квазаре Лиор и Окс пользовались универсальным коэффициентом восприятия, подменявшим базисные протоколы точки сборки – лучшая защита от преследования. Оставалось скрыть свою личность в Размерности жилого комплекса Isistius labialis, воспользовавшись услугами терминала переходов, чтобы попасть в жилой комплекс Galeus longirostris или Hexactinellida, где снова обратиться в терминал переходов, но на этот раз незаконный, и вернуться в родной жилой комплекс в теле клона.

– Хочешь, чтобы я встретился с Недом? – спросил Окс, глядя на компаньона ничего не выражающим взглядом.

– Связаться с представителями Лок-Кли мы всегда успеем, – протянул Лиор, с трудом удерживая связь с реальностью, запустив в два потока нейронный информационный поиск. – Делец хочет вернуть доверие своего сына, разоблачив обман промывших сыну мозги нейропатов.

– Так мы ищем любительскую программу для модуля блокировки? – голос Окса был пресным, как и взгляд.

– Разберемся с девочкой из прошлого, а там увидим, что делать дальше, – сказал Лиор.

Окс кивнул и закрыл глаза.

– Ты бы не мог вернуть мне контроль хотя бы над половиной мозга, – попросил он компаньона, который увлекся, активировав третий поток нейронного поиска. – Я, конечно, понимаю, что ты у нас голова, а я мускулы, но какой от меня будет прок, если я не смогу думать вообще?

– Извини, – примирительно улыбнулся Лиор, спешно деактивировав два поисковых потока из трех. – Иногда возможность использовать дополнительно чужие способности затягивает.

– Да, я знаю, – хмуро согласился Окс, вспоминая, как сам недавно допустил подобную оплошность, используя во время потасовки дополнительную энергию, предназначенную для жидкого чипа Лиора.

Технология замещения была экспериментальной и не одобрялась Всемирной Иерархией, хотя официального запрета до сих пор не вышло. Интегрировать апгрейд жидкого чипа предложил Окс, хотя со стороны генератором идей казался Лиор. Впрочем, до того, как им интегрировали дополнения к жидким чипам, все было с точностью до наоборот.

Несколько лет агентство «Ксанет» было крохотной конторой, едва сводившей концы с концами, готовой взяться за любую работу, какой бы грязной та ни была, но и этого было мало, чтобы держаться на плаву. Бесконечные мелкие правонарушения, долги и просто ряд случайностей тянули «Ксанет» ко дну, заставляя учредителей всерьез начать задумываться о том, чтобы вернуться к прежнему способу заработка – Окс перебивался мелкими подрядами на строительных площадках, где услуги третьесортного координатора оплачивались до смешного низко, а Лиор сотрудничал с незаконными терминалами Энрофы, сдавая в аренду свое тело для желающих совершить временный переход в прославившийся игровыми площадками жилой комплекс. Последний способ заработка обещал внушительные премиальные, но большинство прибылей уходило на лечение собственного тела после обмена – мало кто заботился о теле донора, относясь к нему почти так же расточительно, как к телу клона, а иногда и хуже, считая, что если человек решил заработать, заложив собственное тело, то ниже падать уже некуда.

Ко дню, когда Окс и Лиор встретились, решив организовать небольшую контору, обещавшую местным жителям помочь разобраться с любой проблемой, часть тела Лиора уже была заменена дешевыми имплантатами. Окс прогуливал заработанные гроши в квартале, славившемся скандальными салонами, предоставлявшими интимные услуги, преданные анафеме Всемирной Иерархией да и большей частью современного общества в целом. Но после того, как игровые площадки начали реконструировать канувшие в небытие эпохи до становления КвазаРазмерности и повсеместной интеграции жидких чипов, спрос на забытые, отмирающие инстинкты и образы жизни снова начал появляться в узких кругах. Сначала это были игроманы, собиравшиеся вместе вне игровых площадок, предпочитая продолжать поддерживать атмосферу игры, затем к ним начали присоединяться туристы, решившие, что побывать в прославленном игровыми площадками жилом комплексе и не посетить незаконные салоны – непростительный грех.

Турист из жилого комплекса Galeus longirostris, арендовавший тело Лиора, решил попробовать нейронный наркотик, но вместо незабываемых впечатлений коллапсирующей реальности получил

нож под ребра, когда торговец нейронным счастьем оказался простым воришкой. Ранение оказалось легким, и решивший продолжить приключения турист бросился в погоню за воришкой, который скрылся в ветхой, давно заблокированной ветке пневмотоннелей. Впрочем, о том, что это пневмотоннель, помнили разве что местные. Для других это были просто обледеневшие трущобы, от которых держались подальше даже скрывавшиеся от хранителей нарушители.

– Думаешь, сможешь напугать меня? – крикнул турист, арендовавший тело Лиора.

Воришка ответил громким смехом, который раззадорил туриста сильнее.

– Я найду тебя и задушу! – пообещал он, пытаясь представить, как сожмет горло вора и будет смотреть в угасающие, налитые кровью глаза. Нечто подобное турист видел в игровом проекте «Голод», когда покупал ключ банды «Двухголовых драконов». С тех пор пристрастие к играм давно кануло в небытие, но воспоминания о драйве и пережитых эмоциях остались. – Ты знаешь, что перед тем как умереть, человек может обмочиться? – спросил турист, осторожно, почти наощупь продвигаясь по обледеневшему пневмотоннелю. – Надеюсь, твой жидкий чип работает исправно, потому что я не хочу, чтобы твой мочевой пузырь опорожнился, когда я буду душить тебя.

Он еще что-то говорил, но вор не слушал его – выставил несколько старых, разработанных местным умельцем капканов и затаился. Турист чудом миновал первый капкан и наступил правой ногой во второй. Щелкнул зажим. Стальные зубья сомкнулись на лодыжке, разрывая плоть и дробя кости.

– Получи, чертов игроман! – заверещал, ликуя, воришка. Выскочил из убежища и начал пританцовывать вокруг пойманного олуха, пока сам не угодил в еще один капкан.

Теперь настало время смеяться туристу – тело воришки было его собственным, тогда как турист использовал чужое. Воришка взвыл, завертевшись на месте. Боль была такой сильной, что казалось, став материальной, брызжет на обледеневшие стены вместе с кровью из разорванных артерий.

– И все-таки я тебя придушу, – сказал турист.

Дополнительные модули блокировали семьдесят процентов боли чужого тела, давая преимущество перед верещавшим воришкой. Турист попытался разжать усеянные острыми зубьями дуги капкана, понял, что это не удастся, и стиснув зубы начал отрывать искалеченную ногу, державшуюся практические на одних сухожилиях. Во времена увлечения игрой «Голод»

турист уже проделывал нечто подобное, когда начались бунты и прогремевший рядом взрыв повредил его игрового клона, разорвав туловище надвое. После этого турист продолжал набирать очки еще три дня: притворился мертвым и убивал всех, кто имел неосторожность подойти на расстояние удара ножом. Но прежде этим ножом ему пришлось отрезать клону нижнюю часть туловища, безнадежно застрявшую под рухнувшей после взрыва стеной. Так что с ногой справиться он сможет.

Увидев, как турист отрывает свою ногу, воришка, обливаясь потом и слезами, начал просить пощады, возвращая не только украденные у туриста наркотики, но и весь свой улов за долгий вечер. Турист в теле Лиора смеялся, продолжая ползти к своей жертве. Возможно, если бы воришка не запаниковал, а попытался защищаться, то у него был бы шанс, а так… Турист вскарабкался на него и повалил с ног, прижав к обледеневшим конструкциями заброшенной ветке пневмотоннелей. Вместо левой руки, которую потерял после того, как богатый делец на спор решил отрубить ее, выплатив после неплохие отступные, Лиор установил недорогой, но качественный органический имплантат, превосходивший по силе обычную руку в несколько раз. Турист воспользовался этим, сдавив имплантатом горло жертвы. Воришка захрипел.

Несмотря на заброшенность в бывшем тоннеле продолжали работать утилизационные службы жилого комплекса. Пролитая кровь активировала системы тонкой очистки. Нейронные сети преобразовывали плазму и форменные элементы крови, выделяя едва заметное свечение, которое усилилось, когда процесс затронул переработку оторванной конечности, застрявшей в капкане. Сдавливая горло жертвы, турист ждал, когда глаза воришки начнут наливаться кровью, но вместо этого услышал хруст ломающихся хрящей голосовой коробки, а следом за этим в лицо ударила кровь из раздавленного горла воришки.

Турист растерянно отпрянул назад, отрешенно наблюдая, как светится в процессе утилизации мертвое тело воришки. Тонкая очистка коснулась и туриста, избавляя его от чужой крови. Доступ нейронных сетей к жидкому чипу был частично блокирован, поэтому о повреждениях и активации нейронного медицинского помощника не могло быть и речи. Кровь хлестала из раны, заливая обледенелый пол тоннеля. Туристу было плевать на тело, в котором он находился, но если умереть сейчас, не добравшись до терминала переносов, то вернуться в свое тело не получится. Это не игра «Голод», где невозможно пострадать. Здесь, потеряв ключ резонанса, ты затеряешься в бесконечных колебаниях Подпространства. Так что смерть чужого тела,

в котором ты находишься, будет означать не только смерть добровольца, решившего заработать, предоставив незаконному терминалу свое тело на время, но и смерть находящегося в этом теле постороннего сознания.

Турист активировал протокол первой помощи, получив прямой доступ к интегрированному жидкому чипу. Процесс был крайне опасным, но после нескольких лет в «Голоде» на многие вещи смотришь иначе, хотя большинство людей считало, что пользоваться протоколом экстренной помощи – это все равно что пытаться сделать себе операцию на жизненно важном органе не имея возможности блокировать боль.

– Ну, не все так страшно, – проворчал турист, пытаясь разобраться в нейронном анатомическом образе собственного тела, чтобы интегрированный жидкий чип заблокировал кровоток в поврежденных артериях и венах оторванной капканом ноги.

Следом за кровотоком он деактивировал чувствительность нервных окончаний и попытался подняться. С третьего раза ему это удалось. Раздробленная кость хрустнула, продавив корку льда, покрывавшего стены и пол заброшенного пневмотоннеля. Наступать на оторванную ногу было неудобно, и турист несколько раз чуть не упал, прежде чем выбрался в жилые районы уровня. Утилизационные службы продолжали перерабатывать попавшую на него кровь воришки, и поэтому лицо туриста слабо люминесцировало.

Именно это призрачное свечение и привлекло к нему внимание Окса, покидавшего местный салон. Затем координатор заметил, что у человека оторвана ступня, и предложил помощь.

– Активируй своего медицинского помощника и оплати нейронный экзоскелет для меня, – сказал турист.

– Боюсь, у меня не хватит единиц Влияния, чтобы сделать это, – растерялся Окс.

– Если я не попаду в терминал переходов, то мне кранты, – сказал турист.

– Так ты не местный, – протянул разочарованно Окс, собираясь уйти.

– Если умру я, то умрет и тот, чье тело я взял в аренду, – закричал турист. – Не хочешь помогать мне – помоги своему соседу.

Окс остановился, спросил туриста, откуда он, и снова хотел уйти.

– Пожалуйста, – снизошел до просьбы гордый житель центрального жилого комплекса Galeus longirostris.

– Ненавижу, когда такое происходит, – признался Окс и велел туристу обнять его за шею, чтобы они смогли доковылять

до местного инженера, у которого найдется функционирующий медицинский модуль прошлого поколения, который сможет обработать рану, игнорируя блокировки жидкого чипа.

– Просто доставь меня в терминал, – попытался торговаться турист. – Этого будет достаточно.

– Для тебя, может, и достаточно, а вот для парня, тело которого ты сейчас убиваешь… – Окс опустил глаза к луже крови, скопившейся под обрубком ноги. – Не знаю, как ты смог перекрыть кровообращение основных поврежденных артерий, но рана продолжает убивать тебя, а в районе, где находится твой терминал перехода, я не знаю ни одной конторы, где могут оказать медицинскую помощь.

– Найдешь, – пожал плечами турист.

– Найду? – Окс растерянно хлопнул глазами, борясь с желанием дать наглецу в зубы. Одно дело не беречь тела клонов – он видел подобное довольно часто на строительных площадках, но вот наплевательски относиться к телу настоящего человека… – Надеюсь, хозяин тела отнесется с пониманием, – проворчал Окс, от души приложившись в ухо заносчивому туристу, заранее зная, что блокировки боли меньше всего распространяются на область головы – как у клонов, так и у сданных в аренду тел настоящих людей.

Турист не потрудился сдержать проклятия, но стал намного сговорчивее. Позднее, уже в терминале переходов, когда сознание Лиора вернули в пострадавшее тело, Окс рассказал ему ту часть истории, которую смог вытянуть из туриста, извинившись за удар в ухо.

– Думаю, это меньшее из приключившихся со мной в эту ночь зол, – отмахнулся Лиор, снова и снова поглядывая на обрубок, красовавшийся вместо ступни.

– Инженер, который залатал твою рану, сказал, что может сделать качественный недорогой имплантат, – предложил Окс.

– Было бы неплохо, – согласился Лиор.

Так началась их дружба, результатом которой стало создание агентство «Ксанет» – очередная авантюра отчаявшихся бедняков Isistius labialis. «Мы решим любые проблемы», – обещали учредители агентства, но клиентов было мало, да и те, что были, часто предпочитали сбежать, не оплатив оказанные им услуги. Окс начал поговаривать о том, что может немного подработать, вернувшись на строительные площадки.

– А куда на подработку отправляться мне? – мрачно спросил Лиор. – Снова сдавать в аренду свое тело в незаконных терминалах Энрофы?

И все закончилось бы именно этим, если бы в «Ксанет»

не обратилась отчаявшаяся женщина-инженер по имени Эсфирь. На вид она была не похожа ни на коренного жителя Размерности, ни на жителя Квазара. Высокий рост свидетельствовал в пользу последнего, но на голове девушки красовались два лохматых пучка рыжих волос, что говорило о принадлежности к материальному миру. И еще у нее были огромные темно-карие глаза на небольшом лице, которое из-за размера глаз казалось еще меньше.

– Ты случаем не клон? – спросил Окс, когда впервые увидел женщину, тщетно пытаясь определить ее возраст.

Женщина явно не было старухой, но и молодой ее назвать язык не поворачивался. Она была чем-то средним, почти неопределенным, в зависимости от того, с какого угла на нее смотреть, словно в Размерности научились подменять коэффициент восприятия, как это происходило в Квазаре.

– Кто ты, черт возьми, если не клон? – спросил Лиор, хотя женщина не ответила на предыдущий вопрос.

– И что не так с твоими глазами? – поддержал напарника Окс.

– Я – то, кем вы никогда не станете, олухи, – резко сказала женщина. И тут же добавила совершенно другим, подавленным, напуганным голосом: – Пожалуйста, помогите мне. Я не знаю, что делать.

Большие глаза на крохотном лице разбежались в разные стороны, пытаясь пристально смотреть сразу на двух мужчин.

«Жуть какая-то», – невольно поежился Окс и покосился на напарника. Лиор понял друга без слов и согласно кивнул.

– Гордыня правит миром, – сказала женщина, начиная бешено вращать большими глазами. – Лед и пламя. Тепло и холод. Замерзшие моря оттают вновь, но в прошлом. В будущем нас ничего не ждет. Только тепло…

– Наверное, вы обратились не по адресу, – начал было Окс, но устремленный на него левый глаз женщины, в то время как правый продолжал смотреть на Лиора, заставил замолчать, запнувшись на полуслове.

– Как много боли, – промурлыкала незнакомка. – Как много чувств. Любовь, – она пропела это слово так дивно, что Окс и Лиор растерянно хлопнули глазами. – Кто-нибудь видел небо за радугой познания? А звезды? Кто мудрее: мы или они?

Женщина подалась вперед, словно желала лучше рассмотреть учредителей агентства «Ксанет», при этом ее глаза еще больше разбежались в стороны.

– Вы знаете, почему печален господь? – вкрадчивым шепотом спросила она.

– Потому что мы не верим в него? – не сдержался Лиор.

– Нет, – качнула крохотной головой высокая женщина. – Бог живет в каждом сердце язычника, в то время как язычник живет в сердце бога. Но сомнениям нет места. Поэтому всевышнему остается только грусть.

– Понятно.

Два друга снова переглянулись, без слов пытаясь решить, кому придется выставить чокнутую вон.

– Очень интересный был разговор, но… – начал было Окс, но запнулся, смущенный следящим за ним огромным левым глазом женщины.

– Можно узнать, почему вы пришли к нам? – помог другу Лиор.

– Вы не «Ксанет»? – сухо спросила женщина. – Вы не обещаете решить любую проблему?

– Обещаем…

– Значит, я пришла правильно. Звезды не падают просто так, – женщина неожиданно улыбнулась. – Меня зовут Эсфирь.

Друзья кивнули и назвали свои имена.

– Очень хорошо, – женщина снова улыбнулась.

Только сейчас стало заметно, что кроме огромных глаз у нее был очень большой рот с пухлыми бледными губами.

– И нет, я не клон, – сказала она. – Всего лишь генетическая аномалия.

– А-а-а! – протянули два друга.

– Некоторые в репродукционных центрах развиваются с дополнительной парой рук, некоторый не имеют ног, а я родилась с очень маленькой головой, в которой не смог сформироваться полноценный мозг. Вместо этого он вот здесь, – она прижала указательный палец к своей плоской груди. Ученые решили провести эксперимент и вырастили дополнительный мозг, соединив его с тем немногим, что было в моей крохотной голове… Некоторые до сих пор считают это шедевром, а вы?

– Мы? – Окс и Лиор переглянулись и пожали плечами.

– Вот и я до сих пор не поняла, – женщина помрачнела, сказала, что архитектура ее мозга отличается от обычной, затем закатила глаза и снова начала нести тарабарщину о далеких звездах, Великом леднике, любви, нейронных связях…

– Я предлагаю выгнать ее, – тихо сказал Окс. – Только чокнутых нам не хватало.

– Говоришь так, словно у нас от клиентов отбоя нет, – скривился Лиор, вспомнив недобрым словом, как сдавал свое тело в аренду и что скоро придется вернуться к этому, если «Ксанет» не начнет зарабатывать необходимые для жизни единицы Влияния.

– И ты думаешь, у этой чокнутой есть Влияние?

– Можно спросить.

– Что, просто взять и спросить?

– Ну да… – Лиор подался вперед, стараясь смотреть сразу в два жутко косивших глаза женщины. – Мы не работаем забесплатно, – сказал он.

– Работают машины, люди оказывают услуги, – сказала Эсфирь. – Услуга за услугу. И так до бесконечности от начала времен.

– То есть ты хочешь, чтобы мы оказали тебе услугу, а в обмен ты окажешь услугу нам?

– Ягоды меняли на шкуры животных, а теплые шкуры на ножи, чтобы перестать собирать ягоды и открыть сезон охоты.

– Нам не нужны шкуры. Мы работаем за единицы Влияния, – Лиор говорил с женщиной, словно она была глухим ребенком, у которого нет интегрированного жидкого чипа: передача чувств недоступна, короткие объяснения, заканчивающиеся ссылками на нейронные информационные ресурсы, невозможны, да и голосовой контакт не так прост, потому что нужно тщательно проговаривать каждую деталь. – Только единицы Влияния. Никаких услуг, – прокричал Лиор.

– Влияние – это тоже товар. Обмен повсюду. Бог создал людей и обменял любовь к ним на любовь к ангелам. Люди создали первую микросхему и променяли любовь бога на благосклонность науки. Обмен везде. Всегда.

– Ты случаем не принадлежишь к общине инертов? – осенило Окса. – Вся эта чушь о боге и…

– Бог – это все чертог, дом жизни, бытие…

– Ну точно – инерт, – сокрушенно качнул головой Лиор.

– Инерт? – зацепилась за знакомое слово Эсфирь. – Нет! – затрясла она головой, и пучки рыжих волос заметались из стороны в сторону. – Я не инерт.

– Нет?

– Не-е-е-т, – большие глаза перестали вращаться, уставившись на учредителей убыточного агентства. – Я содомит.

– Содомит? – Окс выругался, не особенно вдумываясь в смысл, лишь бы использовать побольше непристойностей.

– Что значит «содомит»? – спросил Лиор, решив, что неверно понял слова странной женщины. – Разве ты не сказала, что работаешь инженером?

– Инженер не может быть содомитом? – глаза Эсфирь начали вращаться. – Или содомит не может быть инженером? Как думаешь, есть разница?

– Содомиты – это беглые преступники!

– А разве ученые не преступники, на которых время от времени устраивают гонения? Взять хотя бы отношения между акеми и Всемирной иерархией.

– Акеми отличаются от обычных инженеров.

– Интересно, чем? Базовыми знаниями? Подходом к науке? Резонансные инженеры работают с энергией Подпространства, как и акеми. Так что материал у них один, отличаются лишь подходы.

– Пусть так, но что делать беглому инженеру на окраинах Квазара в компании деградирующих преступников?

– Может быть, деградировать? – пожала плечами Эсфирь.

– Деградировать?

– Мой мозг. Он работает не так, как у обычного человека. Другая конфигурация и нейронные связи. Говорят, в репродукционном центре сами не особенно понимают, как такое вышло. Они просто пытались спасти мне жизнь, не думая о том, что получится в конечном итоге. Если верить основным отчетам, которые были предоставлены моим родителям, то часть биологических изменений внесли ученые центра репродукции, а часть природа… Ну или случайность, как вам будет угодно. Позднее я не раз слышала от ученых, что подобный эксперимент не был единичным случаем, а являлся курируемой Всемирной иерархией программой, которую спешно свернули после ряда неудач. Говорят, что клирики планировали вывести новый вид хранителей, способных навести порядок в двухуровневой реальности КвазаРазмерности. Не знаю. Если честно, то я никогда не пыталась выяснить это. Разве что одна из моих чокнутых личностей, которые проявляются в модифицированном мозге помимо моей воли. Один знакомый акеми, скрывавшийся среди содомитов от адептов, предлагал провести ряд экспериментов над моей точкой сборки, чтобы выяснять, как тесно связаны эти личности с моим энергетическим сознанием, учитывая, что в Квазаре у меня никогда не бывает смещений восприятия и отношения к миру. Только не путайте это с раздвоением личности, которое встречается в современном двухуровневом мире довольно часто. У таких людей происходит полноценное смещение личности, и они воспринимают себя совершенно иным человеком, причем процесс, как правило, можно контролировать. Да и личностей не бывает больше двух-трех. Так что к этому можно привыкнуть. Ходят слухи, что Иерархия разрабатывает катехизис, рассматривающий право человека обладать несколькими личностями. Думаю, это делают, чтобы упростить систему наказаний, учитывая, как много у нас людей с подобными проблемами: присвоить паре внутренних личностей

общий социальный статус – и никаких заморочек с законом.

– Выходит, у тебя не все так плохо, как может показаться, – хмуро подметил Окс.

Женщина пожала плечами.

– У меня нет посторонних личностей, но моя личность меняется в зависимости от смещения восприятий, что можно приравнять к раздвоению личности. Обычно я могу контролировать свое состояние, но для этого нужна стабильная обстановка. Как только меняются внешние факторы, меняются и восприятия. Я становлюсь другой, и никто не знает, что придет мне в дурную голову. Вместе с ученым акеми мы успели разработать алгоритм подсчета вариаций восприятия, происходящих в моем дополнительном мозгу. Приблизительный подсчет показал более десятка тысяч. Обычно это пограничные состояния между гневом и блаженством, но иногда все сводится к абсолюту, и в те моменты лучше, чтобы я была одна.

– Так ты поэтому жила с содомитами? – спросил Лиор. – Боялась, что можешь причинить вред обычным людям?

– Нет, – качнула головой Эсфирь. – Я жила с содомитами, потому что уже причинила обычным людям много вреда.

– Вот как… – прищурился Окс. – И от кого же ты хочешь, чтобы мы тебя спасли? От разгневанных родственников твоих жертв?

– Нет родственников, только я.

– Только ты?

– Что-то внутри. Что-то с моим восприятием.

– То есть твое восприятия последнее время влияет на личность так, что ты хочешь причинить себе вред?

– В каком-то роде.

– Обычно это называется раскаянием, – подметил Лиор, не скрывая презрения. – Хотя, вряд ли содомиты знают о том, что это такое.

– Мне наплевать, как это называется, – холодно ответила Эсфирь. – Я никогда не ценила ни свою жизнь, ни жизни других. Дело в том, что я не могу уйти из жизни сейчас.

– Кажется, у нее снова изменилось восприятие, – хмыкнул Лиор, обращаясь к другу.

Окс хмуро кивнул, продолжая следить за странной женщиной. Что они знали о содомитах, кроме того, что большая часть этих отбросов общества обитала в Подпространстве, скрываясь от праведной расплаты за совершенные деяния? Маньяки, насильники, психопаты – все возможные опасные для общества архетипы канувшей в небытие эпохи, предшествующей Великому леднику. Они бежали

от преследований в неиндексированные территории Квазара, где собирались в группы, продолжая деградировать в замкнутых общинах.

Никто не пытался подобраться к ним, вернуть в суды Размерности или Квазара, чтобы взыскать долги за совершенные злодейства. Клирики предпочитали притворяться, что добровольно содомитами в современном мире не становятся, а что касается адептов «Мункара и Накира», являвшихся представителями неофициальной власти Квазара, то они либо вершили суд молча, до того, как содомит успевал добраться до неиндексированных территорий Квазара, либо объявляли беглеца вне закона и назначали баснословную награду за его голову, в случае если глупец попытается вернуться.

– Я не знаю ни одного человека, который, попав в поселение содомитов, смог вернуться, – сказал Окс. – То, что ты стоишь перед нами, либо доказывает, что твоя история – ложь, либо заставляет поверить в чудеса.

– Я гениальный ученый, – пожала плечами Эсфирь. – То, что для простых людей – волшебство, для мира науки лишь вопрос времени да пары гениальных идей, способных сдвинуть процесс с места.

– Это не ответ.

– Хорошо, скажи, какого ответа ты ждешь, и я тебе его дам. Во что тебе будет проще поверить?

– Во-первых, я не понимаю, как резонансный инженер, работающий извне, смог адаптироваться к программированию внутри Подпространства. Ты же не акеми, и не говори, что быстро учишься. Я встречал одного акеми. Они изучают базисы своей алхимической науки, едва успев родиться, так что, считай, это течет у них в крови.

– И как звали акеми, которого ты якобы встречал? – спросила Эсфирь, скривив пухлые губы неестественно большого рта.

– Что? – опешил Окс.

– Я прошу тебя назвать только имя. Например, акеми, с которым я познакомилась в поселении содомитов, звали Сво-Дош. Его отцом был известный ученый Подпространства по имени Дош-Ро. Его открытия могли перевернуть представления о путешествиях в Квазаре, позволяя расширить границы, выходя за пределы установленного резонанса, но Всемирная иерархия решила, что достаточно официального колеса переносов, предназначенного для далеких путешествий по миру энергии. Технология, разработанная Дош-Ро, предполагала дальние передвижения в обход использования точек энергетической сцепки, и как только Иерархия поставила

на проекте крест, технологией заинтересовались многие нечистые на руку дельцы, надеясь построить более дешевые средства передвижения, как это уже случилось, когда ученые построили первый куб переносов – аналог кольца переносов, передвигающийся за счет ТЭС, но менее громоздкий и неуклюжий. Впрочем, так как безопасность кубов оставляет желать лучшего, то Квазар ждет новой альтернативы. Дош-Ро, будучи ученым, хотел, чтобы его детище жило, но потом появились слухи, что внерезонансные двигатели могут быть превращены в оружие Квазара, поэтому ученый, проведя десяток исследований, принял решение закрыть проект. Другие акеми поддержали его. Говорят, что поддержку оказали даже адепты «Мункара и Накира», курирующие мир Квазара. О проекте говорили несколько лет, затем забыли, пока сын Дош-Ро по имени Сво-Дош не украл разработки, выведав у отца, где хранятся исходники испытаний и проведенных тестов… – Эсфирь устало зевнула. – В общем, так мой друг акеми стал сначала ренегатом, а затем присоединился к содомитам, чтобы избежать гонений со стороны адептов в Квазаре и хранителей в Размерности.

– За кражу? – недоверчиво скривился Окс.

– Кража была вначале. Потом направление проекта попытались изменить, превратив, как и предсказывалось, в оружие. Что-то пошло не так, и почти целый уровень Квазара подвергся обрушению. Сознания жителей вышибло из резонансной петли в произвольный временной набор… Хотя по поводу последнего до сих пор нет определенного мнения. Появляются новые слухи, теории, и, думаю, скоро появятся новые науки касательно энергетической составляющей сознания человека, так называемого центрального ядра точки сборки личности в Подпространстве. Одни утверждают, что это неизменная единица, которая не может подвергнуться распаду, другие выдвигают теории о пластичности ядер точки сборки и даже об их ликвидности, позволяющей принимать любые формы, что подводит нас к версии о самовоспроизводящейся Вселенной, которая умирает и рождается бесконечное количество раз, не имея цикла и, следовательно, выходя за рамки общепринятых законов времени, энергии и материи, формируя материал, необходимый для построения дома жизни. Вы знаете, что такое дом жизни?

– Алхимический бред акеми? – пожал плечами Окс, наслушавшись подобных теорий от чокнутых координаторов во времена работы на строительных площадках.

– Короче, несколько сотен сознаний так и не были найдены, и мой друг Сво-Дош превратился в одного из самых кровавых

убийц в современной истории, – Эсфирь притворно зевнула.

– Только не говори, что у тебя была похожая история, – сказал Окс, выражая не только свое, но и мнение друга.

– У меня? – Эсфирь изогнулась, вытянула руку и ткнула себя в грудь указательным пальцем. – Нет! – большие глаза вылезли из орбит. – У меня все было просто. Я – злодей и психопат, если поместить меня в незнакомую среду. Восприятия ломаются, и на свет рождается убийца. Но кроме этого я – гений, – она широко и наивно улыбнулась. – Мой мозг позволяет мне мыслить иначе, поэтому многие вещи, которые поставили знаменитых ученых в тупик, мне кажутся очень простыми… Считайте это плюсом многоуровневого восприятия. Минус – я теряю идею и желание работать раньше, чем успеваю сформировать новую теорию…

– Тоже мне гений, – скривился Окс, неосознанно надеясь, что подобный тон спровоцирует не приглянувшуюся ему женщину и она первой начнет драку, после чего ее можно будет просто вышвырнуть из офиса – и дело с концом.

– Могу то же самое сказать о вашем заявлении, что агентство «Ксанет» решит любые проблемы… – парировала Эсфирь, заставляя Окса признать, что невозможно спорить с человеком, у которого восприятия мира меняются каждую минуту. То она хрупкая и ранимая. То дерзкая, заносчивая. То одержимая, лишившаяся рассудка и бормочущая бред. А то просто стерва, каких еще поискать… – Я, по крайней мере, сделала несколько полезных открытий, которые пусть и не принесли мне славы, но помогли другим ученым закончить свои исследования…

– Ты сделала открытия до того, как начала убивать людей, или после? – продолжил задирать женщину Окс.

– Почти все до, и только одно после… – едва уловимая волна эмоций прокатилась по лицу Эсфирь, реагируя на изменения восприятия. – Думаю, это единственная достойная вещь, которую я сделала в жизни. Хотите – верьте, хотите – нет, но и среди содомитов можно встретить умного человека. Мне повезло, и судьба свела меня с акеми по имени Сво-Дош. Общество объявило его вне закона, но его единственной виной было желание продолжить исследования отца. Он рос, видя, как одержимо отец работает над проектом альтернативных подпространственных двигателей. Это было смыслом существования семьи, их воздухом, их жизненной энергией. И когда настало время, Сво-Дош решил, что сможет закончить то, что не смог отец. Поэтому он и выкрал исходники проекта. Все остальное было жуткой случайностью, черной полосой в мире науки, потому что получись у него применить на практике теоритические разработки, то это стало бы неоспоримым

прорывом, а так… от величия остались угли сожалений, которые могут свести с ума и самых лучших из нас… Когда я нашла молодого акеми, он был почти безумен, приняв правила и порядки окружающей среды, – дикий, как и большинство содомитов, отчаявшийся, как тысячи непризнанных гениев, с которыми судьба сыграла злую шутку. Он не пытался выжить и найти себя в новом поселении. Он просто хотел, чтобы его все оставили в покое, но это желание лишь сильнее распаляло окружавших его садистов и психопатов. Я приняла Сво-Доша под свою защиту. Не знаю, почему не стала издеваться над ним, как это делали другие содомиты, наверное, виной всему мое восприятие, которое напомнило о том, что Сво-Дош мог быть моим сыном… С ним мы попытались заново возродить заброшенный проект альтернативных перемещений в Подпространстве. Возможно, объединив усилия и учитывая прежние ошибки, у нас был шанс добиться успеха, но к тому времени судьба уже наложила на акеми отпечаток неудач и он не мог думать ни о чем другом, кроме пропавших во время провалившегося эксперимента людей. Вернуть их стало его идеей фикс. Поэтому он с головой ушел в работу над пониманием точки сборки и взломов ядер сознания. Не берусь утверждать, но Сво-Дош, возможно, первым научился выявлять склонность к нейропатии у людей. Конечно, до современных тестов ему было далеко, да он и не ставил себе подобной цели, но результат мог с точностью до девяноста процентов выявить в человеке склонность к нейропатии до того, как способность активируется и начнет становиться сильнее, поглощая ядра восприятия. Уникальность теста состояла в том, что Сво-Дош разработал его не покидая Квазара, доказав, что нейропатия имеет как биологическую, так и энергетическую основы, несмотря на то, что, действуя комплексно, может быть применена только в нейронных сетях Размерности. Я пыталась подтолкнуть акеми, чтобы он продолжал исследования, но биологические основы сознания не интересовали его. Он знал, что для активации и последующего использования возможностей нейропатии человеку нужна биологическая оболочка, где эволюционировавший мозг расширил базовый потенциал, добавив новые нейронные связи, выполняющие функции дополнительного жидкого чипа, сформировавшегося естественным путем, а не интегрированного при рождении. Остальное не интересовало акеми, одержимого идеями альтернативных подпространственных перемещений и гибелью людей, связанных с первыми экспериментами. Я предлагала ему продолжить изучение нейропатов, чтобы, обманув эволюцию,

создать искусственные дополнения к жидким чипам, сделав возможным превращение в нейропата любого человека. Подобное, при удачном договоре с клириками, могло обеспечить амнистию главному разработчику и его ближайшим помощникам, но Сво-Дош не искал прощения извне. Как и все акеми, он жил в своем собственном мире, где сам выступал обвиняемым, судьей и присяжными. Так что перед тем, как вымаливать прощения у общества, он должен был для начала простить себя сам. А для этого нужно было вернуть пропавших людей. Поэтому он вернулся к изучению природы программирования ядер ТС и пониманию их роли в мирах энергии и материи. Мне оставалось либо отступиться от него, либо помогать. Я выбрала второе, начав собственные исследования и надеясь, что когда-нибудь Сво-Дош очнется от забытья самоистязания и поможет мне рядом свежих, перспективных идей… – уголки полных губ Эсфирь опустились в жалком подобии улыбки, недотягивавшей даже до ироничной. – Сво-Дош не очнулся, – сказала она. – Вместо этого он с одержимостью, присущей только акеми, начал плодить теории: одну безумнее другой. Последний раз, когда я видела его, он верил, что нашел способ общаться с затерявшимися в Подпространстве сознаниями. Я сдуру подумала, что он все-таки нашел способ вернуть сознания, затерявшиеся после неудачного тестирования двигателя его отца, но оказалось, Сво-Дош общается с глупцами, умудрившимися застрять в мире энергии, неудачно воспользовавшись транспортом Квазара, предназначенным для перемещения на короткие расстояния, – Эсфирь скривилась, вопросительно уставившись на учредителей агентства «Ксанет». – Вы можете представить себе идиотов, которые вылетели из фиксированного резонанса, пользуясь пульсарами?

– Мы коренные жители Размерности, – ответил Окс за себя и за друга. – Наше средство передвижения – это капсулы общественного транспорта.

– Понятно. Очередные ксенофобы?

Партнеры пожали плечами, всем своим видом желая показать, что им плевать.

– Гм! – Эсфирь выругалась на сленге Размерности так неожиданно и так смачно, что Окс и Лиор от растерянности открыли рты. – Чертовы олухи! Как вы не понимаете, что двухуровневое восприятие реальности – это суть существования мира. Отрицание мира материи или мира энергии – равносильно отрицанию существования дома жизни.

– В дом жизни мы тоже не верим, – осторожно признался Окс.

– Вот как? – в огромных, страдающих жутким косоглазием

глазах Эсфирь сверкнул огонь. – Так бы и убила, – тихо произнесла она одними губами, затем замерла, прикрыла глаза и вздрогнула, реагируя на перемену восприятий. – Будучи инженером, сложно понять многие вещи, – выдохнула Эсфирь, осторожно открывая глаза. – Мне оставалось либо сходить с ума вместе с акеми, либо отойти в сторону, пытаясь спасти то немногое, что он успел создать, пока был в здравом рассудке, – сказала, казалось, уже совсем другая женщина, нежели была минуту назад. – Пытаясь мыслить как Сво-Дош в недолгие минуты его прозрения, я объединила исследования ученого акеми со своими наработками резонансного инженера, положив начало революционному процессу перераспределения сознания и энергии между двумя и более биоэнергетическими личностями, то есть людьми. Трамплином для этого мне послужили различия в центральных ядрах ТС у нейропатов и обычных людей, которые выявил Сво-Дош. И если одни ученые видели в этом открытии потенциал для создания нейропатов в искусственной среде, то для меня на горизонте замаячил потенциал транзакций сознания и энергии, что накладывает на изобретателя некоторую ответственность… – Эсфирь наградила Окса и Лиора многозначительным взглядом, не скрывая удивления, как они не смогли до сих пор понять, в чем угроза ее открытия. – Обладая подобной технологией, человек сможет выкачивать из другого человека умственные и физические силы, умножая собственный потенциал в разы.

– И ты боишься, что кто-то украдет у тебя это открытие и станет использовать в корыстных целях? – попытался догадаться Окс.

– Я боюсь, что сама это сделаю, – сказала Эсфирь.

– Тогда просто уничтожь исследования – и дело с концом, – посоветовал Лиор.

– А если бы тысячи лет назад ученый по фамилии Васнецов, обнаружив мир Подпространства, вместо того, чтобы продолжить опасные исследования, просто уничтожил все данные об открытии?

– Ну не было бы у нас Квазара, – пожал плечами Лиор.

– Ничего бы сейчас не было, – вытаращила огромные глаза Эсфирь. – Наука давно перестала развиваться поступательно. Гениальные теория появляются, гаснут, потому что опережают свое время, и вспыхивают тысячи лет спустя, когда мир технологий догоняет мир мысли ученого. Без хронографов многие теория остались бы неузнанными. Они создают реконструкции отголосков прошлого, пользуясь остывающими слепками минувших веков в Подпространстве. Благодаря

реконструкциям, сделанным в закрытых во время Третьей мировой войны комплексах враждующих стран, люди смогли восстановить и улучшить технологии нейронных сетей, без которых они не выжили бы в те годы, а сейчас мы не смогли бы противостоять Великому леднику. И не говорите, что это единичный случай. Знаете, как говорят: в истории остаются единицы, хотя вершат ее многие.

– Так ты считаешь, что твое изобретение спасет мир, как нейронные сети? – спросил Лиор, пропустив последние слова женщины мимо ушей.

– Я считаю, что оно может принести миру больше пользы, чем зла. Но только не в моих руках.

– Ладно, с технологиями все понятно, но… – Лиор демонстративно почесал переносицу. – Будь добра, объясни, как тебе удалось сбежать от содомитов и кто тебя преследует?

– Побег удался благодаря наработкам альтернативных двигателей Подпространства, которые усовершенствовал Сво-Дош до того, как увлекся общением с потерянными душами. А что касается преследователей… – Эсфирь смущенно опустила голову, став вдруг застенчивой и неуверенной в себе. – Меня преследуют лишь мои собственные восприятия. Но от них не скрыться. Можно только принять необходимые меры защиты, передав полезное открытие миру.

– То есть ты хочешь, чтобы мы связались с клириками и сообщили о твоих разработках? – Лиор снова почесал переносицу.

– К черту клириков! – выкрикнула Эсфирь, в очередной раз подчиняясь изменившимся восприятиям. – Никому не нужен сырой продукт, в основе которого лежат исследования акеми, однажды погубившего сотни людей. Необходимо все проверить, провести клинические испытания… – Эсфирь выдержала паузу, наблюдая за учредителями агентства «Ксанет». – И знаете что? Вы, два олуха, станете моими первыми подопытными. И не спешите выставлять меня вон. Только представьте, как это поможет вашему бизнесу! После интеграции дополнительных чипов и внесения изменений в ядра точек сборки вы сможете стать в несколько раз сильнее и умнее, объединившись в сеть. Один получит интеллект, другой мускулы и необходимую кинетическую энергию. Система будет работать, автоматически собирая необходимую для анализа информацию. Срок проведения теста я ограничила официальными рекомендациями Иерархии для сторонних изобретений и открытий. После система изменит настройки и вы снова станете неудачниками, коими являетесь сейчас. Останется только базовая разработка и тестовые данные,

которые вы отправите Всемирной иерархии от лица представителей официального разработчика. Впрочем, если вы этого не сделаете, то данные будут переданы по нейронным сетям автоматически, лишив вас причитающихся в подобных случаях щедрых выплат, которых при грамотном расходовании вам хватит до конца дней. Что касается меня, то, покинув ваше убогое агентство, я воспользуюсь модернизированным корректором сознания, уничтожив основные знания об изобретении. Как найти вас, я тоже помнить не буду, чтобы не иметь искушения прийти и вырезать жидкие чипы для восстановления разработок…

Глава десятая

– Думаю, пришло время встретиться с Эсфирь, – решил Лиор после встречи с отцом мальчика-нейропата.

– Эсфирь? – Окс произнес имя женщины-инженера как ругательство.

– Прошли три года, – Лиор попытался вспомнить, как жил, не обладая расширенным потенциалом мозга, позволявшим заимствовать резервы друга. – Эта чокнутая сказала, что как только закончится установленный клириками период тестового использования, интегрированные нам дополнительные жидкие чипы деактивируются и мы утратим свои способности.

– Я предпочитаю думать, что это была ложь чокнутой женщины, – скривился Окс.

– Сколько раз, начиная с момента нашего знакомства с Эсфирь, мы уличили ее во лжи?

– Не считал.

– Ни разу.

– Вот как?

– Поверь мне, – Лиор постучал себя указательным пальцем по виску. – Здесь есть все, чтобы провести анализ.

– А здесь, – Окс, широко улыбаясь, показал крепкий бицепс, – все, чтобы собрать нужные данные и привести части уравнения к необходимому знаменателю.

Друзья и компаньоны обменялись улыбками и тут же помрачнели, понимая, что если что-то не изменить, то скоро их успешная карьера закончится. Они снова станут неудачниками, которыми были до того, как Эсфирь подвергла коррекции ядра их личностей, сделав возможными установки дополнительного жидкого чипа для создания замкнутой сети обмена и замещения.

Когда она спросила, кто из них хочет получить дополнительные мозги, а кто мускулы, вопросов и сомнений не было – тело Лиора было напичкано имплантатами, установленными после небрежного обращения туристов соседних жилых комплексов с телом, предоставленным в аренду жителем прославленного игровыми площадками и передовыми технологиями Isistius labialis, так что, желая избежать конфликтов с перенаправленной кинетической энергией и ограничениями искусственных заменителей потерянных прежде конечностей, мускулы было решено отдать Оксу, в то время как Лиор получит перенаправленный потенциал мозговой активности друга. Последствиями подобного замещения стали частые головные боли Окса и жуткое недомогание Лиора, если один из друзей

имел неосторожность перегрузить сеть, злоупотребляя обменом. Других существенных сбоев не наблюдалось.

Имплантаты работали исправно, позволив друзьям превратить умирающее агентство «Ксанет» в серьезную фирму, которой действительно под силу решить любую проблему клиента. И пусть первые задания вышли не самыми простыми, но потом, привыкнув к новым способностям, Окс и Лиор решали сложные задачи с легкостью волшебников. Интеллект и мускулы. Конкуренты долгое время дивились быстрому взлету агентства, затем начали ставить палки в колеса, заставив разработать систему ложных офисов «Ксанет».

По причине особенностей дополнительных жидких чипов друзья практически не работали в Квазаре, где их способности теряли силу. Поэтому на свет появился слоган: «Агентство Размерности решит любую проблему Размерности». Фраза была неуклюжей, и Лиор, создавая ее, планировал лишь подчеркнуть, что «Ксанет» не работает в Квазаре, но ход привлек дополнительных клиентов. Обычно это были обыкновенные ксенофобы, не желавшие принимать двухуровневую реальность. О том, что Окс и Лиор не могут работать в Квазаре, никто не знал, награждая их статусом приверженцев Размерности. В некоторых кругах их даже начали ставить в пример другим агентствам:

– Вот посмотрите на ребят из Размерности. Они могли заработать вдвое больше единиц Влияния, выйдя на рынок Квазара, но предпочитают держаться своих, местных, игнорируя иллюзорный мир Подпространства.

Окс и Лиор не возражали – если кому-то нравится так думать, то пусть думают, главное, чтобы это не вредило бизнесу, к тому же изменить что-то они все равно не могли. Квазар был закрыт для их способностей, следовательно, и на успех в мире энергии нечего было надеяться. Поэтому оставалась старая добрая Размерность, где Окс и Лиор начиная с первого дня своего перерождения не провалили ни одного дела. Были, конечно, нестыковки, но иногда им везло, а иногда на выручку приходили те, кому «Ксанет» уже оказал неоценимую помощь прежде. Так что связи агентства прочились от месяца к месяцу, количество заработанных единиц Влияния росло, и только оставшееся на реализацию время катилось под гору с катастрофической скоростью.

– Думаешь, если мы найдем Эсфирь, то она поможет нам отключить деактивацию дополнительных жидких чипов? – спросил Окс.

– Думаю, она сможет помочь разобраться в том,

что случилось с мальчиком-нейропатом, – сказал Лиор.

– А наши способности?

– Если Эсфирь не нарушила слово и удалила свои воспоминания об этом проекте, то сейчас она и не вспомнит нас…

– Но помочь-то сможет?

– Будем надеяться, что эта женщина действительно так гениальна, как говорила, – уклончиво ответил Лиор, возвращаясь к разговору о мальчике-нейропате по имени Джаво. – Его отец поручил нам узнать все что удастся о сторонней программе для модуля подмены. Думаю, чтобы разобраться с этим, нужно начать с поисков разработчика. Конкретных сведений у нас нет, но сейчас я провожу параллельно поиск в нейронных базах информации обо всем, что связано с интерактивными программами подобного плана. Пока система выдает более тысячи похожих вариаций, но я работаю с фильтрами поиска, поэтому скоро, думаю, смогу сократить до дюжины.

– Дюжина вариантов – это уже что-то, – отрешенно сказал Окс, пытаясь вспомнить свою жизнь до того, как встретил Эсфирь, которая интегрировала ему дополнительный жидкий чип.

– Боишься, что не справишься? – спросил Лиор.

– Что?

– Эсфирь вернулась в поселение содомитов, а это Квазар, где наши способности не работают. Будет непросто снова стать прежним…

– Неудачником? – помог Окс.

– Я хотел сказать «человеком», – примирительно улыбнулся Лиор.

– Это почти одно и то же, – ответил улыбкой на улыбку друг.

– Так ты не боишься отправиться в Квазар?

– Деи-Ле нам кое-что по-прежнему должен, – пожал плечами Окс.

– Деи-Ле нельзя верить. У него своя банда в Квазаре, свой маленький бизнес транспортировки людей посредством кубов переносов, и то, что мы помогли его семье в Размерности, мало что меняет. Ходят слухи, что он заключил договор с группой незаконных терминалов Энрофы, чтобы перевозить их клиентов между жилыми комплексами. Если это правда, то бизнес Деи-Ле пойдет в гору. Вряд ли Иерархия станет преследовать его за подобный контракт, ведь он не работает с незаконными терминалами напрямую. Выходит, заключенная сделка – чистая выгода, которая принесет хозяину парка кубов переносов уважение в Квазаре, новые связи и стабильный заработок.

– Не забывай, что семья Деи-Ле живет в Размерности, и здесь у них не все так радужно, как у отца в Квазаре.

– Так ты хочешь заключить новую сделку?

– Если ты не придумаешь ничего лучше, – Окс пожал плечами, признавая, что пока между ними функционирует нейронная сеть, созданная Эсфирь, генератором идей является Лиор. – Я ведь просто мускулы, верно?

Друг пропустил замечание мимо ушей, начиная размышлять о семье Деи-Ле.

– Если честно, то никогда не понимал, почему они живут в Размерности, – признался Окс. – В Квазаре бизнес Деи-Ле идет в гору, а здесь его семейная компания частных перевозок всегда была убыточной. В Isistius labialis не так много жителей, чтобы люди избегали пользоваться переполненными сетями общественного транспорта, как это происходит в Galeus longirostris и Hexactinellida.

– Может быть, Деи-Ле просто держит для себя место отступления, на случай, если что-то не заладится в Квазаре?

– Как наши активы в паре небольших игровых проектов – на случай, если не удастся сохранить созданную Эсфирь сеть?

– Что-то вроде того.

– Только на этот раз сначала возьмем с Деи-Ле плату, а потом уладим пару крупных проблем его семьи.

– Я включу это в расходы, когда выставлю отцу мальчика-нейропата счет, – улыбнулся Лиор.

– Я так и подумал, – кивнул Окс.

Последний год он замечал, что редко возражает напарнику, превращаясь из компаньона в рабочего. Лиор стал движущей силой, головой агентства, а Окс… Он не знал, но в последний год действительно изменилось многое. Лиор вышел на новый уровень использования установленной связи, открыв скрытые возможности замещения. Так, например, последнее предложение Окса использовать Деи-Ле, чтобы добраться до общины содомитов, заложил ему в голову Лиор. Нечто подобное он ежедневно проделывал на протяжении последних шести месяцев, усиливая свое влияния на друга, пытаясь понять, сможет или нет получить над ним полный контроль. Лиор занимался этим безо всякого умысла – просто обнаружил возможность и решил посмотреть, куда она его заведет. «В конце концов, – размышлял он, – Окс ведь не думает, сколько выкачает из меня необходимой ему энергии и какие неудобства это принесет мне».

Последний раз, когда Окс попал в серьезную потасовку, столкнувшись с представителями нечестных на руку проектировщиков, решивших нагреть клиентов агентства «Ксанет» на приличную сумму единиц Влияния, он, спасая свою жизнь, выкачал из Лиора столько кинетической энергии, что едва

не убил его. Лиор все понял и не стал устраивать сцен, несмотря на то, что последующий месяц был вынужден передвигаться с помощью нейронного экзоскелета, который сделал ему на заказ один из бывших клиентов агентства в часть погашения долго. Единственным камнем преткновения в той ситуации стало откровенное заявление Окса, что он совершенно не думал о друге, когда выкачивал из него необходимую для драки энергию.

– Наверное, я бы смог обойтись и меньшими затратами, – сказал он. – Просто хотелось быть уверенным, имея внушительный запас сил.

«Твой внушительный запас едва не убил меня», – подумал тогда Лиор, но решил промолчать. Вместо возмущений он начал незаметно подмешивать во время замещения мысли о необходимой безопасности, которые возвращались эхом в мозг Окса, после того как друг активировал созданную Эсфирь сеть. К пониманию соблюдения правил безопасности добавлялись видения смерти Лиора – это были его собственные страхи, которыми он щедро делился с компаньоном.

Лиор не знал, как это работает, – пытался изучить, но потом сдался, признал, что для этого мало иметь доступ к дополнительному мозгу, потенциал которого можно активировать в любой момент. Нужно быть гением и, возможно, генетической аномалией, как Эсфирь. Потому что для программирования на уровне ядер Точек Сборки необходимо перевести сознание на иной уровень, но если это сделать, то назад дороги не будет. Никакой больше нормальной жизни. Только наука. И к подобному восприятию мира невозможно подготовиться или научиться включать и выключать его по необходимости. Оно либо есть, либо нет. Возможно, тяга к знаниям и исследованиям заложена в ядра личности, а возможно, скрыта где-то в биологическом теле мозга, зашифрована среди связей органики и энергии…

Чем больше Лиор пытался разобраться в своих новых способностях, тем сильнее увязал в бесконечных деталях, потому что для того, чтобы разобраться в одном, нужно сначала разобраться в десятке других нюансов, которые приводят к необходимости изучить сотни дополнительных теорий, требующих знания тысячи не менее сложных деталей… И так до бесконечности, увеличиваясь в геометрической прогрессии.

Поэтому Лиор решил принять вещи такими, какие они есть. Если он может обезопасить себя, внушив Оксу желание снизить угрозу, которую причиняет другу, забирая кинетическую энергию, передаваемую на жидкий чип Лиора посредством нейронных

сетей. «Хуже от этого ведь никому не станет», – думал в те дни Лиор, но не прошло и месяца, как за мыслями о причиняемой опасности он начал заливать в голову друга дополнительные взгляды и убеждения. Система работала нечетко, и Лиор чувствовал азарт, пытаясь разобраться в нюансах. Мысли, которыми он наполнял голову друга, были призрачными, едва уловимыми для понимания. Вначале Окс считал их обрывками снов, которые никак не хотят выходить из головы с началом нового дня. Потом списывал это на усталость, тревогу, сбои нейронных сетей… «Это просто взросление», – послал другу новую мысль Лиор, и Окс принял чужое восприятие как должное.

Так было на протяжении последних месяцев. Ничего не изменилось и после визита в один из фиктивных офисов агентства «Ксанет» богатого арендодателя, сын которого был похищен нейропатами. Лиор внушил Оксу, что нужно делать, и Окс принял это, расценив как собственные мысли.

– Не хочешь пойти со мной на встречу с Деи-Ле? – предложил он другу. – Все-таки в Квазаре мы в равных условиях. Да и твои имплантаты не отражаются на образе точки сборки…

– Боишься остаться один в Подпространстве? – прищурился Лиор, дразня напарника. – Без друзей, без сверхспособностей.

Окс отмахнулся, подчеркивая, что напарник говорит ерунду, недостойную считаться даже шуткой.

– Я останусь и попробую уладить часть проблем семьи Деи-Ле, – став серьезным, сказал Лиор. – Нет смысла тратить время. Сеть продолжит работать. Пусть ты не сможешь пользоваться моими силами в Квазаре – для меня доступ к твоим умственным способностям продолжится, так что… – он замолчал, сожалея, что не предусмотрел возможность подобного разговора, заранее залив в голову друга мысль, что в Квазар ему нужно отправляться одному.

Лиор попробовал сделать это налету: заполнил доступные части мозга друга, дав максимальную нагрузку, затем сбросил соединение, концентрируясь на том, чтобы компаньон отправился в Квазар один.

– Ох ты! – крякнул зависший на несколько долгих секунд Окс. Тряхнул головой, растерянно уставившись на друга. – Я же просил тебя не злоупотреблять замещением без необходимости! – проворчал он.

– Извини, – притворно смутился Лиор. – Неправильно задал поисковой запрос, и нейронная сеть завалила меня информационным хламом.

– Слишком часто подобное происходит в последнее время, – без умысла подметил Окс. – Надеюсь, что в Квазаре сознание

отдохнет от этих провалов.

«Скоро он начнет догадываться, – подумал Лиор, считая, сколько осталось времени до окончания тестового периода дополнительных жидких чипов. – Если Окс не найдет Эсфирь, заставив ее отменить дезактивацию чипов, то дело мальчика-нейропата станет последним для нашего агентства». Лиор дождался, когда Окс уйдет, и залил ему в голову свои мысли, включая нежелание снова становиться неудачником, как это было до встречи с Эсфирь.

Сутулясь на станции общественного транспорта, Окс замер, покачнулся и, не устояв на ногах, упал на колени. Немногочисленные пассажиры, которые стояли рядом, предпочли не обращаться к упавшему человеку напрямую, проконсультировавшись сперва с нейронным помощником, чтобы узнать возможные причины падения незнакомца и не угрожает ли опасность им.

– Нет, по-хорошему этот парень явно не понимает, – зло прошипел Окс, поднимаясь на ноги, давая себе зарок, что, вернувшись из Квазара, обязательно устроит другу головомойку. – Все в порядке. Ничего страшного не случилось! – обратился к пассажирам Окс, хотя о его падении уже все забыли. – Ну и черт с вами, – буркнул он, дождался нужной капсулы общественного транспорта и не без удовольствия отметил, что перрон покинул только он.

Загудели вакуумные рельсы. За окнами замелькали затянутые льдом стены тоннеля. Нейронный помощник предлагал содействие в планировании маршрута, но Окс знал маршрут наизусть. Еще до того, как они встретились с Лиором и открыли агентство «Ксанет», он всегда считал, что всевозможные навигационные программы в Isistius labialis созданы исключительно для туристов и пользоваться ими крайне унизительно.

– Ты должен знать родной жилой комплекс наизусть, – говорил Окс друзьям, а потом появился Лиор и друзья отошли на второй план, уступив место неблагодарной работе.

Окс никогда не признавался, но он немного скучал по временам, когда работал координатором на строительных площадках. Особенно острым это чувство стало после того, как появилась Эсфирь со своим странным подарком и забурлившая вокруг жизнь забросила утопающее агентство «Ксанет» на гребень волны. И если Лиор смог приспособиться и полюбить новую жизнь, то Окс продолжал с грустью вспоминать минувшие времена. Он скучал не по нищете, изнурительной работе и дешевых развлечениях, которые можно было позволить

на нищенские зарплаты третьесортного строителя. Ему нравилось, что в прошлом осталось нечто хорошее, несмотря на то, что вокруг все кажется идеальным. Это значит, что годы не были прожиты напрасно. Цели, друзья, работа, стремления – все это что-то значит и по сей день, иначе почти вся жизнь кажется стертой. И пусть Лиор говорил, что это страх перемен и все такое, поднимая друга на смех, Оксу было плевать – он тот, кто он есть, и меняться не собирается, а Лиор… Что ж, если ему нравится жить, притворяясь, что не было лет, когда он сдавал в аренду свое тело в незаконных терминалах Энрофы, то пусть живет – это его личное дело.

Сделав шесть пересадок, Окс добрался до дома, где жил. Ни семьи, ни детей. Только работа да увядший букет непродолжительных связей с представительницами противоположного пола, которых никогда не интересовал Окс – только его новое положение в обществе плюс внушительное количество единиц Влияния на личном счете, за долю которого они готовы полюбить и вступить в связь почти с кем угодно. «Совсем не то, что женщины из моей прошлой жизни, – убеждал себя Окс, возводя несуществующие в реальности идеалы, втайне с нетерпением ожидая дня, когда жидкий чип Эсфирь деактивируется и жизнь вернется в прежнее русло.

«Или мое последнее дело окажется действительно последним и я застряну в Квазаре после того, как либо содомиты, либо другие безумцы мира Энергии уничтожат мой ключ резонанса, превратив в призрака, потерявшегося в трехмерном времени Подпространства», – думал Окс, делая распоряжения перед отбытием на случай своей смерти.

Когда-то давно один коллега по работе сокрушался, что в случае смерти не сможет ничего оставить своей семье. Сейчас, выбирая наследника, Окс поймал себя на мысли, что его доли с продажи «Ксанет» могло бы хватить, чтобы на несколько лет обеспечить дюжины семей, как была у старого друга, вот только ему некому оставить свое богатство. Если не считать Лиора, он остался один в этом промерзшем до основания нейронном мире.

Глава одиннадцатая

Для перехода в Квазар Окс воспользовался легальным терминалом. Тело поместили в очищенную ионизаторами капсулу, а извлеченное благодаря технологиям ученых Энрофы сознание отправили в Подпространство, настроив колебания на резонанс петли Квазар. «Странно, – успел подумать Окс, сравнивая официальные терминалы с запрещенными Всемирной иерархией центрами, – почему-то в официальных терминалах служащие никогда не улыбаются. Все пресно и стерильно». Затем наступила темнота, в которой не осталось никаких чувств. «А в незаконных терминалах обычно чувствуешь холод», – снова отрешенно подумал Окс прежде, чем темнота хлынула в сознание. На мгновение пустота стала абсолютной, потом сознание сформировалось в Квазаре.

Официальный терминал был просторным, но неуклюжим и сутулым на фоне окруживших его строений, созданных акеми. Всемирная иерархия сторонилась этих ученых, считая чуть ли не алхимиками современной науки, но каждый житель Квазара знал, что без акеми мир энергии никогда не расцвел бы дивными переливами фантазии, оставаясь нерушимым монолитом, напоминая Размерность. Такой была архитектура клириков, если, конечно, в мире, лишенном материи, можно говорить об архитектуре – скорее восприятия.

«Если со мной что-то случится, и я не вернусь отсюда, то проблем с признанием наследства не будет», – думал Окс, изучая информационные щиты на залитой белым светом улице, напоминавшей многоликостью и яркостью лиц канувшие в небытие вавилонские мостовые. На информационных щитах не было предупреждений для туристов о нестабильных секторах и всплесках активности адептов террористической организации «Мункара и Накира». Оксу было плевать на предупреждения, но именно эту процедуру предписывала Иерархии для каждого новоприбывшего туриста, не гарантируя безопасность в случае нарушения предписаний.

Обычно Окс игнорировал подобную рутину, но сегодня стремился соблюсти все правила, чтобы система не усмотрела в нем безумца, добровольно прибывшего в Квазар, чтобы умереть. В этом случае клирики могли наложить арест на счета самоубийцы – и не видать наследникам заработанных погибшим единиц Влияния. В качестве наследников Окс выбрал друзей из своего безвозвратно потерянного прошлого. Список был большим, но за последние годы учредители агентства «Ксанет»

заработали много единиц Влияния. Так что нищие строители, став наследниками, смогут серьезно поправить свое бедственное положение.

Установленные в квартале центры наблюдения быстро проанализировали появление нового туриста и направили к нему гида, который долго рассказывал о местных достопримечательностях. Окс ждал, когда разговор дойдет до внутренней системы перемещений пульсар, и, притворно оживившись, сказал, что хочет попробовать систему в действии. Механизм передвижений преобразовывал точку сборки, превращая в сгусток энергии, и забрасывал с помощью направленного луча на ближайший маяк, где происходило перенаправление на следующий маяк, и так – пока сознание не доберется до заданной цели.

Когда Окс оказался в Квазаре впервые, то долго не мог привыкнуть к новым восприятиям реальности, где, не имея необходимых протоколов передвижения, невозможно сдвинуться с места. Хорошо еще, созданная учеными петля позволяла чувствовать иллюзию линейности времени, включая двухуровневый день Квазара, разделенный на период бодрствования и возвращения в оставленные в Размерности тела. Впрочем, возвращение не ощущалось, превращаясь в обыкновенный сон, длящейся ровно столько, сколько было отведено на второй уровень дня Квазара, когда система перезагружалась, подстраиваясь под измененные резонансы обновленного Подпространства, превращая его в петлю для созданной в мире энергии реальности. Обновление резонанса было необходимо только для того, что отраженные на бесконечных колебаниях Подпространства моменты прошлого замещались новыми, соответствуя реальным видам Размерности. Никто особенно не хвалил подобный ход, но не было и критиков.

Люди приняли стандарты, привыкли к ним и не собирались ничего менять, хотя на протяжении последних тысячелетий не раз появлялись частные разработчики, которые пытались запустить обновленную копию Квазара, учитывая современные предпочтения. Ни один проект не ушел дальше стадии тестирования в силу отсутствия спроса. Аналитики и социологи, споря о причинах провала, часто отмечали обновления протоколов альтернативной Петли Квазар в качестве главного просчета. «Разработчики делают ставку на перемены, но люди не хотят меняться, – говорили социологи. – Великий ледник, сковав мир, лишил людей желания мечтать и развиваться. КвазаРазмерность – это великий прорыв науки и великий провал, потому что превзойти это достижение практически невозможно».

Окс редко обращал внимание на подобные дебаты. Сначала он был слишком беден, чтобы принимать во внимание то, что говорят богачи, затем он стал богачом, решив, что равные ему люди не скажут ничего из того, что бы он не знал…

– Знаешь, наверное, ты так и остался глупым, отчаявшимся строителем, – сказала ему как-то раз девушка, с которой его познакомил Лиор, надеясь, что эти отношения смогут вылиться в продолжительную связь.

Вспоминая тот разговор, Окс всегда считал, что девушка была права – друг, пытавшийся свести их, нет. «Почему Лиор считает меня ребенком, который не может позаботиться о себе сам?» – злился Окс, и это было первой черной кошкой, пробежавшей между учредителями агентства «Ксанет» после того, как Эсфирь интегрировала им дополнительные жидкие чипы, расширив способности каждого из друзей в соответствии с выбранными предпочтениями.

– И еще эти чертовы зависания! – подумал Окс, вспоминая Лиора недобрым словом.

Эмоции были настолько яркими, что точка сборки восприняла это за попытку разговора, преобразовав в речевой поток, понятный надоедливому гиду, без устали трещавшему о безопасности транспортной сети пульсар, не забывая сдабривать монолог о проскочивших мимо маяка преобразованных сознаниях, застрявших в Квазаре до перезагрузки. Суть этих историй сводилась к тому, что до тех пор, пока ты пользуешься легальными терминалами, ничего страшного с тобой не случится, потому что в противном случае система во время перезагрузки может обнаружить затерявшееся сознание – после неудачного использования пульсара – и расценить как случайную помеху, коих очень много в программных кодах. В этом случае сознание будет вынесено за пределы обновленного резонанса нового дня Квазара, застряв в Подпространстве и медленно угасая, не имея возможности связаться с оставленным телом.

– О каких зависаниях вы говорите? – растерялся гид, неверно приняв на свой счет направленные в адрес друга проклятия Окса.

– Ни о каких. Просто мысли вслух, – бывший строитель выждал пару минут, дав гиду возможность прийти в себя, и сказал, что хочет попробовать пульсар в действии.

– Очень хорошая мысль! – похвалил гид, начиная по второму кругу рассказ о местной транспортной системе.

Окс слушал его изображая интерес, на случай если душеприказчикам, назначенным Всемирной иерархией, придет в голову проверить его последние часы официальной жизни.

Он даже задал пару нелепых вопросов, желая, чтобы гид отчетливо увидел в нем новичка. Затем выслушал подробную инструкцию перед первым использованием пульсара и воспользовался ближайшим направленным потоком. Гид пообещал, что последует за ним до ближайшего маяка, но Окс не собирался придерживаться названного маршрута. Его легальное присутствие в Квазаре заканчивалось…

Как-то раз в агентство «Ксанет» пришел высокий худощавый мужчина с абсолютно лысой головой. Его кожа была настолько бледной, что напоминала имплантат. А глаза… О, эти светлые глаза, которые невозможно встретить среди жителей Размерности! Конечно, потом Окс и Лиор встретили Эсфирь и ее большие, сильно косившие глаза стали образцом уродства, но в тот день до визита Эсфирь было еще далеко, так что глаза посетителя показались образчиком того, какими глаза не должны быть.

– Мне нужна помощь, – сказал коренной житель Квазара.

Друзья хотели сказать, что работают только с жителями Размерности, но дела агентства были настолько плохи, что приходилось браться за любую работу. Поэтому Окс сказал:

– Если собираетесь рассчитываться единицами Влияния, то мы готовы взяться за ваше дело.

Клиент работал проверяющим в крупном филиале отдела резонансных инженеров. Главным работодателем выступала Всемирная иерархия. Окс узнал, сколько получает клиент за тестирование разработок и, не сдержавшись, присвистнул. Далекий от реалий Размерности, сотрудник филиала резонансных разработок так и не понял, чему удивился Окс.

– Мужик, да я за последний год заработал меньше, чем ты за неделю, – рассмеялся Окс.

Клиента звали Ле-Гре, и его проблема оказалась настолько незначительной, что у Окса рука не поднялась взять с него плату за это.

– Никогда не понимал, как коренные жители Размерности могут вступать в связь с коренными жителями Квазара, – признался Окс, когда Ле-Гре рассказал о девушке, с которой планировал связать жизнь, обратившись в репродукционный центр, чтобы получить ребенка.

Ле-Гре смутился и покраснел, отчего по его бледной коже пошли яркие алые пятна.

– Подожди-ка, – нахмурился Окс. – А может, эта девушка не хочет быть с тобой и ты собираешься попросить нас похитить ее?

– Нет! – затряс головой Ле-Гре, не понимая, что Окс шутит. –

Все дело в бывшем парне Рены, который не дает нам покоя.

– Так ты хочешь, чтобы я как следует врезал ему? – догадался Окс, увидел осторожный кивок клиента и громко рассмеялся, смутив того еще больше, затем неожиданно стал серьезным, спросил Ле-Гре, как к этому относится его девушка.

– Моя девушка? Ох, не переживайте об этом. Бывший так достал ее, что…

– Я не спрашиваю о том, как она относится к тому, чтобы кто-то врезал ее бывшему. Я спрашиваю, как она смотрит на то, что это сделает посторонний человек?

– Не знаю, – опешил Ле-Гре. – Думаю, она не будет против.

– А может, будет лучше, если ты сам врежешь ее бывшему?

– Я?! – клиент вздрогнул так сильно, что вместе с ним, казалось, вздрогнула окружавшая его атмосфера в украшенной нейронными рекламными образами приемной агентства «Ксанет».

– Не бойся. Я научу тебя, как это сделать, – предложил Окс.

– Я не смогу. Материальный мир – это, мягко говоря, не мое.

– Это не так сложно, как кажется. Главное найти хорошего учителя, который покажет пару хитростей. К тому же… – Окс покосился на сдерживающего смех Лиора, – мы будем поблизости, и если что-то пойдет не так, то сразу вмешаемся.

– А если он ударит меня? Вы знаете, как легко повредить биологическую оболочку людей?

– Повреждения быстро заживают. И не забывай, что синяки украшают мужчин. Правда, сейчас почти все исцеляют моментально нейронные медицинские помощники, но серьезные ранения держатся какое-то время, привлекая внимание женщин.

– Не думал, что женщинам нравятся синяки. В Квазаре обычно…

– Ты не в Квазаре, хлюпик, – Окс хлопнул клиента по плечу, подчеркивая, что шутит.

Следующие три дня они потратили на обучение, купив жутко дорогой экзоскелет для грудной клетки и правой руки, который под одеждой выглядел так, словно его и нет. Несколько часов Окс показывал Ле-Гре, как правильно нанести удар и что делать, если сопернику удастся увернуться. Клиент был хорошим учеником, но страх моментально парализовал его, стоило только начать реальную драку.

– Ударь меня, – орал Окс на Ле-Гре, и коренной житель Квазара сжимался, съеживался, становясь похожим на напуганную серую мышь, которые иногда просачивались сквозь защитные системы игровых площадок, где грызуны служили антуражем минувших времен хаоса и плотских утех. – Ударь меня, или я ударю тебя! – Окс замахивался, и Ле-Гре падал на колени, умоляя

не причинять ему боль.

– Отведи его в запрещенный салон, – посоветовал Лиор. – Пусть посмотрит, как живут в Размерности. Может, удастся подраться или подцепить девочку для связи в Квазаре, – Лиор пренебрежительно покосился на богатого клиента. – Тебе ведь нравятся интимные связи в Подпространстве?

Странно, но коренной житель Квазара не смутился. Он просто кивнул, не заметив в голосе Лиора пренебрежения.

– Нет, мучайся с ним сам, – махнул рукой Лиор, обращаясь к Оксу. – Кажется, ты приноровился общаться с коренными жителями Квазара, в отличие от меня.

– Что-то не так? – насторожился Ле-Гре, когда Лиор ушел, громко матерясь на сленге Размерности.

– Не принимай на свой счет, – успокоил его Окс, возвращаясь к тренировкам, однако ближе к вечеру решил воспользоваться советом Лиора и отвел клиента в запрещенный салон, выбрав не самое злачное место из возможных, но специально спровоцировав драку незадолго до закрытия.

На Ле-Гре был надет экзоскелет, но воспользоваться им он так и не сумел. Зато получил удар в нос, отключившись на несколько минут, пока медицинский нейронный помощник не исправил повреждения, списав с личного счета столько единиц Влияния, сколько Окс зарабатывал за месяц будучи строителем.

– Не люблю Размерность, – бормотал Ле-Гре, когда они добирались домой к Оксу, пользуясь общественным пневмотранспортом.

Утром Ле-Гре попытался сбежать, а когда Окс поймал его, начал умолять отпустить, обещая перечислить на счет агентства тройную плату.

– Сбежишь сейчас – и всегда будешь жить, зная, что отказался от борьбы за свою женщину, потому что струсил, – сказал Окс. – Сейчас это ее бывший парень, потом кто-то из твоих друзей… И не забывай, что трусом тебя считать будет и твоя женщина.

– Она не такая!

– Это ты не такой! Живешь в Квазаре и не понимаешь мир Размерности. Здесь другие правила. На кой черт тебе женщина из чуждой реальности? Давай лучше вместо драки мы свяжемся с ней и объясним, что ты струсил бороться за нее.

– Я не… – Ле-Гре замолчал, получив затрещину.

– Трусишка! – Окс прописал клиенту еще одну затрещину. – Подумать только, мужчина Квазара – это баба в Размерности. Нужно связаться с Иерархией и предупредить клириков, что у нас намечается однополый брак…

Окс ловко увернулся от просвистевшего возле лица кулака

Ле-Гре. Удар был неуклюжим, но клиент явно вложился в него – Окс понял это, услышав, как хрустнули выбитые костяшки, когда кулак Ле-Гре угодил в стену. Коренной житель Квазара охнул и отключился, как это случилось прошлой ночью, когда ему сломали нос. Снова появился нейронный медицинский помощник, устраняя повреждения. Окс деактивировал экзоскелет клиента. Ле-Гре застонал, открыл глаза, увидел разбитую часть стены, не прикрытую нейронным полем, долго смотрел на свою сломанную руку – болевые ощущения были блокированы, раны затягивались на глазах, – затем неожиданно выругался, пользуясь сленгом коренных жителей размерности.

– А ты быстро учишься, – похвалил Окс, решив, что сейчас Ле-Гре уйдет.

– Не так быстро, как хотелось, – скривился клиент, требуя вернуть экзоскелет.

– Хочешь взять с собой и повесить на стенку как трофей? – хмуро пошутил Окс. – Не хочу тебя разочаровывать, но в Квазар ты не сможешь пронести экзоскелет. Разве только его копию, изготовленную каким-нибудь резонансным инженером. Так что…

Ле-Гре поднялся и вернулся в комнату, где Окс объяснял ему базисы использования экзоскелета.

– Хватит трепаться. Ты должен еще многое мне объяснить перед дракой, – сказал он смущенно, но это было уже лучше, чем блаженный пацифизм Квазара, от которого местных жителей Размерности выворачивало наизнанку.

– Нужно тебе почаще разбивать кулаки о стену, – подметил Окс, хотя в спонтанную вспышку храбрости клиента не поверил.

«Это ведь не вирус, который поражает нейронные сети и через них интегрированные жидкие чипы, – думал он, механически продолжая обучение. – Храбрость – она ведь как генетическая аномалия или склонность к нейропатии: либо есть, либо нет». И пусть Ле-Гре из кожи вон лез, чтобы доказать обратное, Окс решил подстраховаться и, выведав у клиента адрес девушки, с которой тот собирался обратиться в репродукционный центр, пригласил ее посмотреть на предстоящую драку.

Ход оказался верным, потому что, когда девушка пришла, Ле-Гре, лишившись напускной храбрости, как раз начинал торговаться с Оксом, чтобы он сам разобрался с наглым типом, который не собирался отпускать Рену. Окс притворился, что не слышал трусливого предложения и начал демонстративно проверять экзоскелет клиента.

– Разве так можно? – прищурилась Рена, вгоняя Ле-Гре в краску.

– Твой бывший парень крепкий как титан, – вступился Окс. –

А твой нынешний… – он шумно выдохнул, чтобы не выругаться. – Жители Размерности всегда славились мускулами и агрессией, тогда как жители Квазара – интеллектом и пацифизмом. Никто не просил тебя – коренную жительницу Размерности – находить себе парня из Квазара, да еще сталкивать его со своим бывшим парнем. Говоришь, что пользоваться экзоскелетом нечестно? Согласен, но как еще Ле-Гре сможет одолеть противника? «Задружить» до полусмерти? Конечно, за Ле-Гре с твоим бывшим парнем могу разобраться я, но какой от этого будет прок?

– Никакого, – согласилась Рена, пообещав, что если Ле-Гре пострадает во время драки, то она лично найдет Окса и обольет кислотой.

– Может, стоило проделать это с бывшим парнем? – скривился Окс.

– А ты не лезь в чужие дела!

Они продолжали спорить, не заметив, что Ле-Гре оставил их. Храбрость не вернулась к нему, но что-то придало сил, позволив подойти к обидчику и, размахнувшись, нанести удар. Бывший парень Рены увернулся и провел сокрушительную серию ударов в корпус. Собравшаяся возле неофициального салона толпа загудела, потому что худосочный Ле-Гре каким-то чудом устоял и смог повторить атаку, попав на этот раз в цель. Толпа ахнула. Крепыш пошатнулся, сделал шаг назад, потряс головой, приходя в чувства, и снова атаковал противника, приведя зрителей в восторг брызнувшей на стены кровью. На этот раз Ле-Гре упал.

– Ах ты скотина! – заверещала Рена, наблюдавшая за поединком, начиная с первых возгласов толпы.

Расталкивая людей, она пробралась в центр, где происходила драка, но вместо того, чтобы броситься к Ле-Гре, накинулась на бывшего парня. Зеваки оживились, снова загалдели, одобряя напор женщины. Она не слышала криков, тщетно пытаясь ударить в ненавистное лицо бывшего парня. Он отворачивался от крошечных, но крепких женских кулаков какое-то время, затем получил тычок в зубы и, психанув, отмахнулся от истерички, ткнув ее в живот. Девушка крякнула и упала на колени рядом с Ле-Гре, жадно хватая ртом воздух. Толпа взорвалась криками, когда выведенный из себя крепыш демонстративно размахнулся, собираясь ударить Рену в лицо.

Вынырнув в центр импровизированного ринга, Окс перехватил руку бывшего парня Рены. Несколько мгновений строитель и праздный гуляка, щедро одаренный природой, мерялись силами, затем победили закаленные долгими годами работы на стройке мышцы. Толпа совсем обезумела и разве что не улюлюкала, приветствуя происходящее. Сбитый с ног крепыш

поднялся и бросился на Окса, надеясь, что удастся повалить его. Окс устоял, ударив нападавшего сцепленными в замок руками по затылку. Парень охнул и осел, перестав понимать, что происходит. Публика разочарованно выдохнула.

– Надо убираться отсюда, пока не подоспели дружки моего бывшего, – сказала Рена, помогая Ле-Гре подняться.

Никто не пытался остановить их.

– Прости, что облажался, – сказал Ле-Гре, выругался на сленге Размерности и подметил, что, кажется, заразился непристойностью материального мира.

– Переживешь, – фыркнула Рена и небрежно добавила: – И, нет, ты не облажался.

Ставший невольным свидетелем Окс решил, что если Ле-Гре сейчас начнет хныкать и давить на жалость, то обязательно даст ему затрещину. Но коренной житель Квазара оказался на удивление молчалив. Он не хвастался и не хныкал, выпрашивая, чтобы его пожалели и похвалили за храбрость.

Окс проводил странную, почти противоестественную пару до терминала КвазаРазмерности, убедился, что оговоренные единицы Влияния за оказанную услугу перечислены на счет агентства «Ксанет», и уже собирался уходить, когда вдруг получил предложение от чокнутой парочки посетить построенный в Подпространстве мир.

– Какого черта я забыл в Подпространстве? – растерялся Окс. – У меня нет там ни одного друга.

– Ну, теперь есть, – сказал Ле-Гре.

Окс насторожился, решив, что сейчас его попросят вернуть перечисленные за услугу единицы Влияния, но Ле-Гре наоборот сказал, что если агентству «Ксанет» когда-нибудь понадобится помощь, то он сделает все, что в его силах.

В последующие несколько лет Окс встречался с Реной и Ле-Гре трижды, причем первый раз он заявился к чокнутой парочке, желая убедиться, что координаты, которые они ему дали, реальны. Обмана не было, и Оксу пришлось соврать, что он пришел узнать, как у влюбленных дела. Они приняли его, настояв, чтобы он задержался как минимум на день. Окс сдался, пытаясь приспособиться, но как только Ле-Гре завел разговор о близости в Квазаре, назвав это единением душ, Окс спешно вспомнил о «неотложных делах» и ретировался, не в силах выносить философские размышления чокнутой парочки о том, что близость в Квазаре делится на необходимую и на благословленную природой.

– Необходимая близость, – говорила Рена, – заложена в центральные ядра точки сборки, связывая сознания с телом,

и поэтому подобные желания раньше предпочитали удовлетворять в материальном мире так же, как это делали вымершие животные. Что касается благословленной близости, то я понимаю под этим названием любовь. Вряд ли ученые в ближайшие столетия разберутся в этом, но близость людей, когда между ними есть что-то большее, нежели желание удовлетворить заложенную природой потребность, превращается в нечто божественное. Особенно актуальным это стало, когда Всемирная иерархия перенесла близость в Квазар, придав животные связи в материальном мире анафеме. Хотя я считаю, что любая близость, совершаемая без обоюдной любви, должна быть названа животной связью.

Рена наградила гостя внимательным взглядом – точка сборки идеально передавала образу внутренние эмоции, помогая поддерживать в мире энергии иллюзию общения материального мира.

– Будь добр, Окс, скажи, у тебя когда-нибудь была близость по обоюдной любви? – спросила Рена.

– Наверное, нет, – заставил себя ответить Окс.

– Печально, – Рена на мгновение помрачнела, затем оживилась и предложила Оксу посмотреть, как близость происходит у нее с Ле-Гре.

Это уже было слишком для Окса. Он ушел, дав себе зарок, что никогда больше не появится на пороге этой чокнутой парочки, да и всех других парочек Квазара, но не прошло и года, как Рена и Ле-Гре сами пришли к нему, сообщив, что получили положительный ответ на отправленный в центр репродукции запрос и скоро станут родителями. Это случилось уже после того, как в агентство «Ксанет» заявилась Эсфирь, интегрировав учредителям дополнительные чипы.

– У нас будет собственный ребеночек! – ворковала Рена, в которой от коренной жительницы Размерности осталось разве что тело. Все остальное Квазар изменил.

«Или же люди сами меняют себя, устав от прошлого?» – подумал Окс, сравнивая свою жизнь до встречи с Эсфирь и после. Впрочем, Рена и Ле-Гре все равно продолжали казаться ему самой чокнутой парочкой на всем свете. «Так что я остался прежним несмотря ни на что», – успокоил себя Окс и не возвращался к мыслям о неизбежности перемен, пока чокнутая парочка не заявилась в агентство «Ксанет» – свой адрес Окс им так и не назвал – в третий раз.

Рена держала на руках крупного, розовощекого ребенка с неестественно зелеными глазами, которыми мать и отец хвастались по несколько раз за минуту, гордясь, что лично

выбрали цвет.

– Говорят, что зеленый не в моде, зато очень индивидуально, – смеялась Рена.

Окс смотрел на ребенка и тщетно пытался вспомнить хоть одну женщину из прошлого, с которой готов был обратиться в репродукционный центр. Только когда чокнутая парочка оставила его, он понял, что так и не узнал пол ребенка. Или же это было неважно? Какое ему было дело до чужого ребенка, если он никогда не думал о том, чтобы обзавестись собственным? Окс попытался представить себя на месте Ле-Гре – безрезультатно.

– Ну их к черту! – сказал Окс и старался не вспоминать о чокнутой парочке больше года, пока не покинул Размерность, отправившись на поиски Эсфирь и ответов для, возможно, последнего клиента в истории агентства «Ксанет».

Глава двенадцатая

Дом Ле-Гре был компактным снаружи и просторным внутри, впрочем как и все строения Квазара, если, конечно, хозяева осознанно не желали создать обратный эффект. Энергия была пластичной и податливой, особенно когда проектировкой занимались акеми, потому что у резонансных инженеров Иерархии большинство проектов выходили громоздкими и несуразными, напоминая серую неприглядность жилых комплексов Размерности.

Сбежав от надоедливого гида, Окс пришел в дом Ле-Гре, желая замести следы. Если душеприказчики решат провести расследование, то они не увидят в его поступках умысла причинить себе вред. Что плохого в том, что житель размерности, учредитель агентства «Ксанет», подружился с одним из бывших клиентов, навещая его в Квазаре? «По-моему, так живут многие», – подумал Окс.

Всемирная иерархия официально предала самоубийства анафеме, так что в случае, если у комиссии душеприказчиков возникнут подозрения, что он приложил к своей смерти руку, то у наследников могут возникнуть большие проблемы, потому что на счета нарушителя будет наложен арест. Нет, Окс не планировал наложить на себя руки, но место, куда он отправлялся, не славилось гостеприимством. Поселения содомитов – это, конечно, не тренировочные лагеря адептов «Мункара и Накира», но в чем-то сборище психопатов и маньяков было опаснее профессиональных убийц и фанатичных последователей лидера по имени Малик, который давно превратился в легенду. Настоящий Малик умер века назад, но копия его сознания передавалась от одного последователя к другому. Этих людей называли Ан-Наби, и процедура переноса сознания Малика полностью выжигала их собственную личность.

Как-то раз в «Ксанет» пришел мужчина, умоляя вернуть его брата, который отобрался в финальную дюжину избранных. Учредители агентства заявили, что решают проблемы простых людей и не связываются с клириками Иерархии или адептами Малика.

– Могу дать тебе бесплатный совет, – сказал Лиор перед тем, как поникший мужчина ушел. – Смирись и начинай оплакивать брата, потому что, как я слышал, из финальной дюжины выживает только один – тот, кому надлежит отдать свое тело сохраненной личности Малика, а это можно сравнить со смертью.

«Нечто подобное можно было бы сказать и о человеке,

решившем отправиться в поселение содомитов», – подумал Окс, подходя к дому старых друзей. Он надеялся увидеть семейную идиллию. «Сколько сейчас их зеленоглазому ребенку? Год? Два года?» – думал Окс, активируя запрос приветствия хозяев энергетического строения, стены которого пульсировали, усеянные алыми прожилками, напоминавшими лимфатическую систему человека. В Квазаре не было дверей, не было окон – свет пронзал мир энергии, искрился на менее качественных строениях, выдавая недостатки программирования. Впрочем, ошибками всполохи света считали только резонансные инженеры, гордившиеся серой монолитностью своих громоздких творений. Для акеми свет был нормой. И чем больше света, тем лучше. «Неужели поселение содомитов тоже создано из света?» – думал Окс, ожидая ответа на оставленный запрос приветствия.

Когда пульсирующая стена расступилась, впуская гостя, Окс все еще представлял себе семейную идиллию, а учитывая расположение к нему Рены и Ле-Гре, можно было предположить, что встречать его они отправят свое зеленоглазое чадо, пол которого Окс так и не узнал. Он попытался выбросить из головы мысли о поселении содомитов и настроился на улыбку, которую протоколы точки сборки передадут его энергетическому образу.

– Эй, есть тут кто? – растерянно спросил Окс, прождав пару минут.

Без ответа.

– Рена? – позвал он, тщетно пытаясь вспомнить лицо коренной жительницы Размерности, выбравшей себе в спутники мужчину, прожившего большую часть жизни в Квазаре. – Рена, если это какая-то шутка, то хочу предупредить, я не сторонник подобных розыгрышей…

Окс настороженно прошел в дом. Ни смеха, ни детских криков.

– Ле-Гре? – громко позвал Окс.

– Я здесь, – отозвался высокий худосочный мужчина из дальнего угла комнаты, выглядевшей бескрайней.

– А где Рена и ребенок? – спросил Окс.

Его голос дробился, преодолевая растянутое пространство энергетического строения, искажался, чтобы добраться до притаившегося вдали хозяина. В какой-то момент можно было разглядеть вибрации, создаваемые голосом.

– Что случилось, Ле-Гре? – спросил Окс, чувствуя недоброе, но все еще надеясь, что это окажется розыгрышем.

– Рена ушла, – тихо сказал бывший клиент агентства «Ксанет».

– Устала от Квазара и, забрав ребенка, сказала, что это не для нее? – попытался догадаться Окс.

– Нет. Рена ушла без ребенка.

– Вот как… – отступившая было тревога вернулась. – Где же тогда… – Окс отчитал себя за то, что не узнал имя ребенка друзей.

«Да что там имя, я ведь так и не узнал пол ребенка!» – сокрушенно подумал он, пытаясь подойти к Ле-Гре, но растянутое пространство оказалось вязким, почти липким. Окс чувствовал, как в невидимой густоте увязают ноги.

– Это охранная система, друг, – сказал Ле-Гре. – Протоколы строения работают только с занесенными в базу точками сборки. Другие рассматриваются как нарушители.

– Ну так занеси в базу мою точку сборки.

– Не могу, – улыбнулся Ле-Гре, и пространство на мгновение сжалось, позволив гостю разглядеть эту улыбку крупным планом.

От неожиданности Окс отпрянул, с трудом устояв на ногах.

– Почему ты не можешь занести в базу мою ТС? – спросил он, сдерживая проклятия.

– Потому что если я это сделаю, то ты попытаешься меня остановить.

– Остановить? – тревога усилилась. – Где твой ребенок, черт возьми?

– Ребенка нет… – и снова пространство исказилось, увеличив улыбку убитого горем отца. – В репродукционном центре сказали, что подобное происходит крайне редко. Один случай на несколько тысяч… Что-то было не так с жидким чипом – так сказали представители Энрофы, хотя инженеры Размерности официально заявили, что жидкий чип работал исправно до последнего. Думаю, все эти лицемеры просто хотели снять с себя ответственность. Ошибки не было. Ребенок умер, потому что так сложились обстоятельства. Никто не виноват…

– Я не знал, что твой ребенок умер, – хмуро сказал Окс, – Да я, если честно, не знал даже его имени, но…

– Ну не то чтобы умер… – Ле-Гре оборвал гостя на полуслове. – Он просто угас… Здесь, в Квазаре… Никто так и не смог дать нам внятного разъяснения, почему прервалась связь между его телом и сознанием… Знаешь, как бывает, если в Размерности что-то пойдет не так и тело человека, находящегося в Квазаре, погибнет. Сознание продолжит жить, но без энергетической подпитки, получаемой благодаря жизни тела, будет медленно угасать. Говорят, что это основа схем жизнеустройства и базис нерушимости бытия, потому что, как только ученые смогут разорвать эту связь, люди перестанут

умирать и дом жизни рухнет… – кривая улыбка снова, преодолев расстояние, мелькнула перед глазами Окса. – Только тело моего ребенка было крепким и сильным. Оно живет и сейчас, но это уже просто оболочка, капсула без угасшего сознания. И никто не может объяснить, как могла прерваться связь сознания с телом. Понимаешь? Мы живем в двухуровневом мире, используем нейронные сети седьмого поколения, способные передавать такое количество кинетической энергии, что можно создать силовые стены и пол для человека, подключенного посредством жидкого чипа к системе, а дети продолжают умирать…

– Мне жаль.

– Я знаю, Окс. Все сожалеют. Даже Рена. Сказала, что ей жаль, и ушла. Жаль, что умер ребенок. Жаль, что она не может после этого находиться в Квазаре, из-за того что построенный в Подпространстве мир напоминает ей о трагедии.

– Так она просто ушла? – немного успокоился Окс, потому что в какой-то момент ему показалось, что история закончится еще одной смертью.

– Да, – глуповато улыбнулся Ле-Гре, и пространство снова сжалось, увеличив улыбку. – Просто ушла.

– Почему ты не ушел с ней?

– Куда? В Размерность?

– Почему бы и нет?

– Не говори ерунды!

– Думаешь, ты не создан для Размерности?

– Думаю, я не создан для Рены. Теперь не создан… И ничего не осталось…

Ощущение недоброго снова пробралось в сознание Окса.

– Сегодня я сброшу показания своего ключа резонансов, и все закончится, – сказал Ле-Гре.

– Почему бы просто не покинуть Квазар, отправившись в Размерность?

– Я не хочу в Размерность, – качнул головой Ле-Гре.

– Но именно там ты очнешься после того, как закончится вторая фаза двухуровневого дня Квазара.

– Нет, не очнусь. Последний раз, когда я был в Размерности, пытаясь вернуть Рену… В общем, получив очередной отказ, я не вернулся в официальный терминал КвазаРазмерности, а воспользовался одним из незаконных. Не знаю, почему это сделал. Просто бродил по жилому комплексу, вспомнил одного знакомого из Galeus longirostris, который говорил, что так можно существенно сэкономить, главное не потерять предоставленные ключи резонансов, иначе система при ежедневной перезагрузке

не сможет обработать код твоей точки сборки и примет за помеху или вирус… В общем, я подумал, что это, возможно, неплохая идея…

– Убить себя?

– Кто говорит о смерти? Система просто выбросит меня из сетки фиксированных колебаний – и все.

– Ты понимаешь, что после этого твое сознание начнет угасать, не имея возможности связаться с телом?

– Конечно.

– Выходит, ты все-таки хочешь убить себя…

– Это не смерть. Я просто угасну… Как прежде угас мой ребенок.

– И ради чего?

– А ради чего мне этого не делать?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю.

Они замолчали, и Окс подумал, что если сейчас не возобновить разговор, то Ле-Гре отзовет приглашение, и система выдавит его за пределы энергетических стен дома.

– Ты и Рена, вы всегда напоминали мне чокнутых влюбленных, в хорошем смысле этого слова, если ты понимаешь, но сейчас… Сейчас я не хочу смотреть на то, что происходит с вами. Тебе нужно собраться.

– Зачем?

– Так надо, Ле-Гре.

– Хорошо, я собрался.

– Точно?

– Конечно.

– И почему я тебе не верю?

– Может быть, потому что не понимаешь?

– Или понимаю слишком хорошо.

– Тогда зачем предлагаешь ерунду?

– То, что ты хочешь сделать, – ерунда.

– Возможно.

– Но ты все равно сделаешь это?

– Да.

– Сегодня?

– Или завтра… Какая разница? Я отключил для себя восприятия линейного времени внутри этого дома, так что теперь неважно – днем больше или днем меньше…

– Ты сам отключил восприятия линейности? – спросил Окс, решив, что сейчас уличит бывшего клиента во лжи, доказав, хотя бы себе, что Ле-Гре просто хочет, чтобы его пожалели, а не собирается в действительности причинить себе серьезный вред.

– Я заплатил одному акеми, который изменяет протоколы линейности для исследовательских центров и увеселительных заведений, где предлагают услуги близости в Квазаре… Когда-то, еще до встречи с Реной, я частенько захаживал туда… Ты ведь знаешь, мой личный счет позволяет приобрести многое…

– Да, знаю, – нехотя согласился Окс.

– Веселые были времена… Особенно мой бой с бывшим парнем Рены. Ух и наподдал бы он нам с ней, не появись ты.

– Рена бы справилась… – неловко пошутил Окс.

– Да, Рена сильная… – шутка принесла грусть. – Ты никуда не опаздываешь? – спросил Ле-Гре. – А то ты обычно сбегаешь так внезапно, что я подумал…

– Ты и Рена нравились мне, – спешно сказал Окс, понимая, куда клонит Ле-Гре. – Просто вы с ней другие. Понимаешь? Не такие, как я.

– Ты тоже не такой, как мы, но нам нравилось видеть тебя здесь.

– Я помню…

– Да, и я помню… Теперь это все, что осталось… – надломленное пространство увеличило грустную улыбку хозяина дома в десятки раз. – Выходит, ты был прав. Мы с Реной были плохой парой.

– Я не считал вас плохой парой.

– Но никогда не приходил.

– Я сейчас пришел.

– Но не нашел то, что искал.

– Нашел, – Окс подумал, что если сейчас просто уйдет, то никогда не простит себе этого. Нужно было что-то сделать, что-то сказать или… – Мне нужна твоя помощь, – соврал Окс.

– Что? – не поверил Ле-Гре.

– Недавно в агентство пришел богатый арендодатель, сына которого похитили нейропаты, чтобы заставить отца вложить деньги в их проект, запрещенный Всемирной иерархией, – начал осторожно Окс. – Мальчик вернулся. Похитители не причинили ему физического вреда, но вот сознание ребенка…

– Они что-то сделали с его жидким чипом? – оживился Ле-Гре.

– Нет. Все проще. Незадолго до похищения у мальчика обнаружили склонность к нейропатии. Отец из кожи вон лез, чтобы заглушить эту способность сына, но похитители убедили мальчика, что нейропатия – это не проказа, а дар природы. Ему рассказали о сторонней программе, разработанной для модулей блокировки, благодаря которой с нейропатами общается древний интеллект, созданный из множества ядер

личности, являясь в образе маленькой девочки по имени Юмико, которая говорит, что предрекла появление нейропатов как новый и неизбежный виток эволюции человечества. Похитители построили свой обман мальчика на этой программе, так что его отец обратился к нам с просьбой выяснить, что это за программа и кто ее создал.

– И зачем тебе я? – спросил Ле-Гре.

– Ты знаешь Квазар, знаешь местных жителей. Ты свой человек здесь, в то время как я – чужак, – соврал Окс, но сейчас ему казалось, что в этом есть смысл. – Я пришел просто за советом, но если ты сейчас один… Было бы неплохо, если бы ты пошел со мной.

– Я тебе не верю. Ты говоришь это, чтобы отвлечь меня.

– На кой черт мне отвлекать тебя? Ты мужик, пусть и коренной житель Квазара, и разбираться с большинством трудностей должен сам. Я скорблю о твоей потере, но сейчас для меня важнее позаботиться о попавшем в неприятности ребенке – сыне клиента нашего агентства, – Окс не блефовал. Отчасти он действительно думал именно так, но и просто уйти, не попытавшись отговорить друга от совершения задуманной глупости, не мог. – Ты говорил, что у тебя есть связи с акеми. Думаю, они могут помочь нам найти создателей сторонней программы для модулей блокировки, о которой говорил наш клиент.

– Наш?

– Да. Не знаю, как у тебя обстоят дела с единицами Влияния на личном счете, но «Ксанет» сейчас наплаву, так что, если хочешь, могу сделать тебя полноценным партнером в деле мальчика-нейропата.

– Думаешь, моя помощь действительно может пригодиться?

– Думаю, да, – Окс на мгновение засомневался в принятом решении. Возможно, он переоценил степень духовного кризиса Ле-Гре и было бы достаточно хорошей затрещины, чтобы привести его в чувство? – Ты не возражаешь, если я останусь у тебя на вторую фазу дня, а утром, после перезагрузки, мы решим, как поступим дальше.

– Почему не сейчас?

– Потому что мне нужно встретиться с местным дельцом, который должен помочь в поисках одной женщины…

– Еще одно дело агентства?

– Давнее и не особо важное… – уклончиво протянул Окс, не желая распространяться о связях с изворотливым, не гнушающимся любыми мелкими правонарушениями дельцом Квазара по имени Деи-Ле, предупредить которого о визите Окса

должен был Лиор, встретившись с оставленной в Размерности семьей бывшего клиента агентства «Ксанет».

«Но основные переговоры мне придется вести самому», – думал Окс, выстраивая предстоящую стратегию торгов, потому что в Квазаре от подарка Эсфирь не было никакой пользы. Сознание было ясным и чистым – редкое состояние для последних лет. Обычно Лиор постоянно был подключен к доступным участкам мозга Окса, впрочем, как и сам Окс постоянно выкачивал из друга и компаньона дополнительную энергию. Они никогда не разговаривали об этом, но Окс начинал чувствовать, что подарок Эсфирь превращается для них в наркотик, без которого сложно представить жизнь.

– Как думаешь, Рена когда-нибудь вернется? – спросил где-то далеко Ле-Гре.

«Кто?» – едва не спросил Окс, увлеченный своими мыслями.

Защитные системы оставались активированными, растягивая пространство, делая его вязким, непроходимым для установленных в точке сборки протоколов движения.

– Может, выключишь эту штуку? – предложил Окс. – Или тебе нравится держать меня незваным гостем?

– Нет, мне нравится отсутствие протоколов линейного времени, – сказал Ле-Гре.

Окс задумался, кивнул, соглашаясь со своим прежним умозаключением, что хватило бы хорошей затрещины, чтобы заставить Ле-Гре выкинуть из головы мысли о суициде. Пусть после этого друг обижается – плевать. Иногда крайние меры приводят в чувство лучше любых уговоров и душевных бесед.

– Ты понимаешь, что Рена не вернется? – тихо спросил Окс. – Неважно, сколько времени ты будешь ждать, ничего не изменится.

– Я знаю.

– Тогда почему не активируешь протоколы линейного времени?

Ле-Гре пожал плечами, долго вглядывался Оксу в глаза, затем спросил:

– Почему люди Размерности так сильно отличаются от коренных жителей Квазара?

– Потому что мир давно разделился на два уровня восприятия реальности. Ничего не попишешь.

– Думаешь, если бы я выбрал для жизни с Реной Размерность, то наш ребенок был бы жив?

– Я не знаю.

– Думаю, если бы мы не забрали его в Квазар, если бы держали подальше от Подпространства…

– Но ведь никто не знал об этом заранее… Он бы все равно

рано или поздно воспользовался терминалом… И тогда…

– Я понимаю… – Ле-Гре помрачнел, отключил установленные в доме блокировки.

Помещение сжалось до нормальных размеров, подчиняясь слаженной работе стандартных протоколов, исправлявших искажения времени и пространства. Окс притворился, что не придал значения случившемуся, решив не поощрять капризы Ле-Гре. «Почему большинство жителей Квазара ведут себя как дети?» – подумал он. Хотелось послать Ле-Гре к черту и уйти. Окса останавливала лишь приближающаяся вторая фаза двухуровневого дня Квазара.

Официальные представители резонансных инженеров заявляли, что ничего страшного не случится, если перезагрузка застанет жителей на улицах, но Квазар полнился историями о происшествиях, когда система, проводя фильтрацию, принимала случайные сознания за ошибки. Происходило подобное в основном с пользователями официальных терминалов КвазаРазмерности и никогда с пользователями незаконных терминалов Энрофы. Причем слухи подкреплялись данными статистики и официальным заявлением Всемирной иерархии, в котором они признавали ничтожную вероятность сбоя распознавания точек сборки.

Конечно, большинство людей понимало, что для сравнения нужна официальная статистика терминалов Энрофы, которой никогда не существовало в действительности, но находились и те, кто верил, что незаконные терминалы Энрофы безопаснее официальных представительств КвазаРазмерности. Объяснялось это закрытостью и консерватизмом терминалов Всемирной иерархии, которые отказывались принимать нововведения, не проведя тысячи тестов на безопасность, экономичность, устойчивость ко взломам. В результате этого к моменту проведения апгрейда неофициальные обновления опережали утвержденные на несколько выпусков минимум.

Была и третья точка зрения, пытавшаяся объяснить вероятность ошибочного восприятия системами фильтрации сознания, оставшегося вне координат зарегистрированных строений, и его последующего удаление из новой петли резонансов. Считалось, что в то время как официальные терминалы КвазаРазмерности работают с построенной в Подпространстве петлей резонансов в целом, заботясь о назначении новых ключей не только для жителей, но и для прочих неживых предметов, созданных как акеми, так и резонансными инженерами Размерности, незаконные терминалы Энрофы работали исключительно со своими

клиентами, сводя возможность ошибки практически к нулю.

Что касается Окса, то он никогда не обращал внимания на слухи и легенды, особенно если они были рождены в Квазаре. «Мир света погряз в фантазиях и мечтах о несбыточном», – думал он, невольно вспоминая истории о детях Квазара и косясь в сторону Ле-Гре, который недавно потерял своего ребенка. Именно эта потеря и разбередила воображение, возродив в памяти фантастические рассказы о том, что когда-нибудь родятся дети, сознания которых не будут связаны с Размерностью. Дети без тел – чистая энергия, пучки света. Квазар станет для них родным домом, а для визитов в Размерность им придется использовать тела клонов.

«Еще более невероятно, чем оказаться выброшенным из системы во время перезагрузки», – думал Окс, стараясь не принимать во внимание тот факт, что случившееся с ребенком Ле-Гре звучит совершенно нереально, но тем не менее имеет место быть.

«А как быть с мальчиком-нейропатом, ради которого я рискую жизнью, отправляясь к содомитам?» – подумал Окс, пытаясь вспомнить его имя, что без дополнительных выделенных для личных нужд свободных архивов нейронных сетей сделать оказалось крайне сложно.

Уже не одно столетие ученые пытались изучить природу ядер личности, взломав протоколы точки сборки, но работа не продвинулась дальше базисов. Миллиарды ядер, где хранились основные восприятия и осознания личности, оставались загадкой. Схемы жизнеустройства твердо держали позиции, не желая отступать под натиском науки.

Всемирная иерархия экспериментировала с коррекционными системами личности, ученые Энрофы изучали сознания клонов, акеми взламывали базисные протоколы программирования точки сборки, формирующей образ человека в Подпространстве, но все, чего они смогли добиться как индивидуально, так и совместно, – это расщепление основного модульного ядра личности на компоненты, состоящие из микроядер, а также определение основных и резервных ядер, отвечающих за память сознания. Далее считывался необходимый для взаимодействия с основным модулем сознания исходный код каждого ядра, после чего ядра удаляли, а на их место помещали искусственные дубликаты, повторявшие считанный прежде исходный код. Количество дубликатов подбиралось один к трем к количеству удаленных ядер. Остальные ядра заимствовались из резервных участков расщепленного модуля, и производилась перекомпиляция основного модульного ядра. Позднее дубликаты, выработав

отведенный им ресурс, угасали, но основные данные к тому моменту уже были скопированы в резервные ядра – система сама записывала себя. В связи с этим глобальная коррекция допускалась лишь однажды, хотя адепты «Мункара и Накира», критикуя Иерархию, заявляли, что клирики подвергают корректировке сознания хранителей ежегодно.

«К черту клириков, – ворчливо думал Окс, тщетно пытаясь отыскать в воспоминаниях имя мальчика-нейропата, – лучше бы решили проблему естественной памяти сознания, когда прибываешь в Квазар. Неужели в мире энергии невозможно расширить потенциал точки сборки?!»

Конечно, Квазар предлагал десятки аналогов нейронных информационных сетей Размерности, но все они действовали разрозненно, борясь за независимость и территории. Одни работали с местными жителями, другие с туристами. Тарифы и опции рознились. Конкуренция заставляла владельцев информационных сетей держаться обособленно, не создавая общих баз данных…

– Джаво! – вспомнил Окс, напугав Ле-Гре, и спешно попытался объясниться. – Мальчишку, которого похитили нейропаты, зовут Джаво.

– И что? – хмуро спросил Ле-Гре.

Окс смутился и растерянно пожал плечами. Заложенные в точку сборки протоколы предупредили об окончании первой фазы двухуровневого дня Квазара. Последним, что увидел Окс за мгновение до того, как началась перезагрузка, было лицо Ле-Гре. «И почему сегодня я поверил, что этому хлюпику действительно хватит смелости сбросить свой ключ резонансов», – успел подумать Окс, ругая себя за ненужную суету возле очередного хиляка из Квазара. Затем наступила темнота, а сознание погрузилось на какое-то время в абсолютное ничто, пока система не вернула его в оставленное в Размерности тело, дав возможность увидеть сны, где было что-то теплое, безвозвратно канувшее в небытие прошлого, позволяя забыть о настоящем.

Окс не знал, но за несколько мгновений до начала второй стадии двухуровневого дня Квазара Ле-Гре активировал приобретенный у знакомого акеми протокол сброса ключа резонансов, превратившись в призрака, затерявшегося в бесконечных колебаниях Подпространства, после того как система очистки сочла его сознание случайной помехой, вышвырнув за пределы Петли Квазара в произвольный временной набор.

Глава тринадцатая

Самоубийство Ле-Гре спутало планы. Случись подобное в Размерности, и представители Всемирной иерархии устроили бы целое расследование, чтобы выявить причины совершенного поступка, приданного анафеме и приравненного к категории особо тяжких преступлений. На имущество и счета нарушителя налагался арест. Иногда, если самоубийца вел активный образ жизни, для уточнения вызывались хранители. Они проводили расследование, выявляя всех причастных к случившемуся, приравнивая знание и бездействие к соучастию в преступлении. Расследование затрагивало близких, друзей, соседей. Иногда под раздачу попадали случайные прохожие, которые так или иначе могли повлиять на поступок нарушителя. Последние подвергались наказанию, если имели несчастье пересечься с самоубийцей не позднее, чем за три дня до совершения преступления.

Окс знал, что хранители редко появляются в Квазаре, да и расследования в Подпространстве велись не так, как в Размерности, но неприятности все равно нависали над головой, особенно если учитывать, что нарушение произошло в секторе, курируемом Всемирной иерархией. Люди говорили, что очистка и перезагрузка систем начинается именно с таких секторов, уменьшая возможность случайных ошибок, допущенных резонансными инженерами. Что касается акеми, то их работы начинали сбоить крайне редко, да и то это происходило только в том случае, если ошибку допускали фильтрационные системы во время перезагрузки или назначался неверный резонанс. Раньше работы акеми не принимались в курируемых Всемирной Иерархией секторах, но потом грани стерлись и рядом с неуклюжими, уродливо монолитными строениями резонансных инженеров появились искрящиеся и переливающиеся шедевры акеми.

Окс покинул дом Ле-Гре до того, как протоколы выявили нарушение и начали официальное расследование. Когда-нибудь они все равно выйдут на него, но лучше пусть это будет поздно, чем раньше. Хотя неприятности теперь точно обеспечены. Если с ним что-то случится в ближайшие дни, то Всемирная иерархия обязательно начнет тщательное расследование, особенно после того, как найдет свежее завещание. «Вот так всегда, – ворчливо подумал Окс, – хочешь помочь кому-нибудь, а получается, что делаешь только хуже. Хуже ему. Хуже себе».

Воспользовавшись транспортной системой пульсар, Окс

добрался до расположенного вдали от секторов, курируемых Иерархией, офиса бывшего клиента агентства «Ксанет», нечестного на руку дельца по имени Деи-Ле. Маяк, поймавший направленный луч пульсара, преобразовав сознание Окса, возвращая ему человеческий образ, был расположен на крыше невысокого пузатого строения, где и находился офис Деи-Ле. Стены строения пульсировали зеленым с желтыми прожилками, повторяя окраску используемых для путешествий между жилыми комплексами кубов переносов, находившихся в собственности дельца. Впрочем, он стремился раскрасить в цвета своей фирмы не только собственные кубы, но и принадлежащие наемным рабочим, которые приходили с собственным транспортом, надеясь расширить сферу деятельности и круг клиентов для дополнительного заработка.

– Эй, турист! – позвала Окса женщина, лицо которой имело неопределенный коэффициент восприятия. – Ищешь куб и хорошего водилу?

– Ты не сможешь доставить меня туда, куда мне нужно.

– Ты не знаешь, что я могу, а что нет.

– Конечно, не знаю, – криво ухмыльнулся Окс, и точка сборки четко смоделировала ухмылку на лице сформированного в Квазаре образа. – Если честно, то я вообще не доверяю людям, которые пользуются протоколами неопределенного восприятия.

– Можешь сделать себе такое же лицо, и будем на равных, – женщина подошла ближе. – Хочешь получить лицо с неопределенным коэффициентом восприятия? Многие туристы мечтают о том, чтобы можно было вернуться в Размерность и хвастаться своими приключениями в Квазаре.

– Это не обо мне.

– Брось! Ты говоришь, что хочешь отправиться к черту на кулички, куда не сможет тебя доставить обычный хозяин куба… – женщина прищурилась, и ее образ за эти несколько мгновений сменил как минимум три разных лица. – Если собираешься нарушить закон или спрятаться от кредиторов, то неопределенный коэффициент восприятия – это то, что доктор прописал.

– А у тебя определенно талант заинтересовывать людей, – ухмыльнулся Окс.

– Это означает, что ты готов воспользоваться моими услугами?

– Нет.

– Значит, ни о каком моем таланте и речи быть не может, – образ женщины распустился новым розовощеким лицом с широкой, почти клоунской улыбкой. – Меня зовут Джиль-Ла.

Найдешь, если передумаешь и решишь сэкономить, воспользовавшись частными услугами в обход официальных предложений шарашкиных контор – вроде той, в которую ты идешь сейчас.

– Не очень-то лестно ты отзываешься о своем работодателе.

– Что заслужил, то и получает, – улыбчивое лицо женщины сменилось хмурым, совершенно непохожим на прежнее.

«Интересно, сколько всего вариаций предусматривают подобные протоколы?» – думал Окс, проходя в офис Деи-Ле. Служебные системы продержали его в приемной четверть часа, затем перекомпилировали помещение, собрав его так, что Окс и Деи-Ле оказались в одной комнате.

– Слышал, ты вчера прибыл в Квазар и уже успел влипнуть в неприятности? – спросил делец, пропуская приветствия.

– Ничего серьезного.

– Люди говорят, самоубийство.

– Я не имею к этому отношения.

– А что решит Всемирная иерархия, когда просмотрит последовательность событий, произошедших в доме Ле-Гре за последние дни?

– Ты хорошо осведомлен, знаешь имя и…

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Незачем отвечать. Ле-Гре деактивировал большинство стандартных протоколов в своем доме.

– Деактивировал сам?

– Ты подозреваешь меня?

– Агентство «Ксанет» никогда не было праведным и образцовым, – Деи-Ле примирительно улыбнулся. – Ты знаешь, что этот парень мог быть моим далеким родственником?

– Если судить по имени, то не исключаю такой возможности.

– Я тоже не исключаю… – Деи-Ле тяжело вздохнул. – Хотел бы я знать, что произошло между вами на самом деле.

– Это не секрет. Ле-Гре потерял ребенка, был в депрессии и собирался сбросить показатели Ключа резонансов, чтобы закончить жизнь, оказавшись выброшенным из Квазара в свободный временной набор. Я посоветовал ему смириться и предложил отвлечься, помогая мне отыскать стороннюю программу для модуля блокировки, построенного учеными Иерархии специально для нейропатов, чтобы проверять уровень эмпатии. Ле-Гре успокоился, и мне казалось, что все стало на места, но за несколько мгновений до перезагрузки системы он все-таки сделал то, что задумал.

– Ох уж эта депрессия… – сокрушенно покачал головой Деи-Ле. – Надеюсь, клирики наконец-то решатся и утвердят закон,

запрещающий подобные состояния. Обществу от этого станет только лучше. Ты не согласен?

– Я не думал об этом.

– А о чем ты думал? О сторонней программе для модулей блокировки?

– Всего понемногу.

– Так ты за этим пришел ко мне? Но я не работаю с инженерами. Моя стихия – переносы по Квазару от одного жилого комплекса к другому.

– Поэтому я и пришел к тебе, – Окс огляделся.

– О, не волнуйся, в своем офисе я не допущу наличие алгоритмов слежения, – успокоил его Деи-Ле. – Только сделай одолжение, перестань вести себя так, словно все еще находишься в Размерности. Здесь нет материи и нейронных сетей, следовательно, системы слежения работают совершенно иначе… – делец прервался, увидев гневный взгляд Окса, сформированный точкой сборки на лице созданного образа, и тяжело вздохнул. – Туристы, – примирительно проворчал он.

– Твою семью в Размерности мне тоже считать туристами? – хмуро спросил Окс.

Вместо ответа Деи-Ле спешно вернулся к прежнему разговору, деловито пытаясь выпытать детали. Услышав о том, что Окс хочет попасть в поселение содомитов, делец выругался на сленге Квазара. Окс не понял ни одного слова, ни одной проскользнувшей между точками сборки эмоции.

– Услуга за услугу, – решил напомнить Окс, потому что после извергнутых ругательств Деи-Ле замолчал, замкнулся.

Если бы они находились в Размерности, то Окс решил бы, что делец подключился к дополнительному нейронному каналу, обсуждая с кем-то третьим детали предложения, но в Квазаре мир был устроен совершенно иначе. Мир энергии предполагал иные протоколы передачи данных и восприятия сознания. Энергия была пластичной, податливой субстанцией, из которой акеми создавали свои шедевры. Что касается протоколов передачи мыслей и многопотоковых восприятий, то здесь трудности возникали из-за бесконечно меняющихся колебаний времени, победить которые было невозможно – только приспособиться. Плюс работу незаконных алгоритмов и протоколов усложняли ежедневные перезагрузки и проверки. Поэтому системы слежения не работали в Квазаре дольше первой половины двухуровневого дня.

Впрочем, с частной и официально разрешенной связью дела обстояли не лучше, так как часто фильтры во время перезагрузки принимали их за вредоносные протоколы и удаляли, заставляя

разработчиков восстанавливать системы в соответствии с обновленным резонансом. Единственным, что исправно работало в Квазаре, были информационные щиты, имевшие фиксированные координаты, что позволяло занести их в список исключений для фильтров ежедневной проверки. Акеми обещали решить проблему связи, но и они год за годом терпели неудачи, основной причиной которых многие считали несогласованность между учеными: одни предлагали прописывать протоколы в каждый программный код нового строения, создавая тем самым глобальную сеть, другие хотели переработать транспортную сеть пульсар, которая станет не только переносить сознания, но и научится перенаправлять информацию в соответствии с запросами пользователей, установивших в своих жилищах дополнительные микромаяки, третьи вообще рассматривали возможность переписать главный системный код Квазара, кардинально изменив подход к перезагрузкам и формированию резонансов.

На фоне предыдущих глобальных нововведений, предлагаемых акеми, появлялись сотни ушедших в частный сектор резонансных инженеров, которые создавали собственные информационные сети в мире Энергии. Их базы данных были крайне ограничены в ресурсах, зона покрытия мизерна, но сетей становилось все больше и больше. Резонансные инженеры, с оптимизмом глядя в будущее, строили планы, что когда-нибудь они смогут договориться друг с другом и объединить базы данных, предоставив своим клиентам общий доступ, что в сотни, а то и в тысячи раз позволит расширить доступную к запросу информационную базу.

Обо всем этом Окс знал, потому что перед тем, как отправиться в Квазар и встретиться с Деи-Ле, бегло изучил, чем занимается семья дельца в Размерности. Основной сбор информации и последующий анализ проводил Лиор. Рассказывая другу о том, что семья Деи-Ле скупает мелкие конторы резонансных инженеров, предлагающие услуги информационной связи в Квазаре, Лиор, пользуясь дополнительными возможностями, подаренными Эсфирь, сделал прогноз, что подобная тактика может принести успех лишь на первых этапах, пока акеми всерьез не возьмутся за дело.

– В общем, больше проблем с конкурирующими конторами, чем шансов на удачу, – сказал Лиор.

Сейчас, вступая в переговоры с Деи-Ле, Окс собирался пообещать дельцу уладить ряд вышеназванных проблем в обмен на билет до поселения содомитов и обратно.

– До поселения содомитов? – переспросил Деи-Ле, открыв рот

и решив, что ослышался.

Окс кивнул.

– Твою мать! – не сдержался делец, утратив изысканность диалекта коренного жителя Квазара. – Ты совсем спятил?!

– Ты поможешь или мне найти кого-нибудь другого? – нарочито небрежно спросил Окс.

– Никого ты не найдешь другого, – отмахнулся Деи-Ле.

Окс выдержал паузу.

– Ты что, действительно готов отправиться в поселение содомитов ради очередного клиента, обратившегося в «Ксанет»? – растерянно уставился на него делец.

– Это просто работа, – соврал Окс, решив не рассказывать о планах встретиться с Эсфирь.

Деи-Ле снова выругался, активировал служебные системы, которые перекомпилировали здание так, что часть его, отделившись, проглотила одного из хозяев куба переносов.

– Снова ты! – усмехнулась женщина с лицом, скрытым неопределенным коэффициентом восприятия, когда увидела Окса.

– Вы знакомы? – Деи-Ле показалось, что в этот день удивлениям не будет конца.

– Она предлагала мне купить лицо с неопределенным коэффициентом восприятия, – сказал Окс, умолчав о предложении заключить договор переноса в обход Деи-Ле.

– От владельцев кубов всегда одни проблемы, – сокрушенно покачал головой делец, однако удивления слова Окса у него не вызвали.

Повернувшись к женщине, лицо которой постоянно менялось, он долго смотрел на нее, затем спросил, что она знает о поселении содомитов.

– Знаю достаточно, чтобы держаться подальше от этого проклятого места, – сказала Джиль-Ла.

– Видишь? – Деи-Ле повернулся к Оксу. – Она не сказала, что никогда не была там.

– Но и о том, что была, не говорила, – уточнила Джиль-Ла.

– Конечно, – согласно кивнул Деи-Ле. – Мне незачем знать то, что я не должен знать, – он снова повернулся к Оксу. – Я ненадолго покину вас, а вы тут… в общем… – делец так и не нашел нужных слов или специально предпочел не говорить ничего конкретного, лишь неловко бросил, что ближайшие пару дней Джиль-Ла работает на полной ставке.

– А твой процент как работодателя? – спросила женщина.

– Нет процента, – сказал Деи-Ле. – Считай, что следующие несколько дней ты работаешь по бонусной программе.

– По бонусной программе? – Джиль-Ла задумалась, покосилась на Окса, снова смерила внимательным взглядом своего работодателя и громко рассмеялась. – Вот пройдоха! Уверена, уже получил свое, верно?

– А ты не смотри на то, что принадлежит мне. Стремись к тому, что твое, – дал совет Деи-Ле, активировал служебные системы, пересобравшие здание так, что в сжавшейся комнате остались только Окс и Джиль-Ла.

Женщина с постоянно меняющимся лицом параноидально огляделась и активировала интегрированный в базовые ядра ТС протокол проверки слежения. Проецируемый образ вспыхнул, реагируя на изменения протоколов, мигнул несколько раз, замораживая работу переменного коэффициента восприятия, в результате чего на несколько секунд лицо женщины превратилось в каменную маску, отображая последнюю случайную комбинацию черт.

– Все чисто, – сказала Джиль-Ла, когда ее лицо снова начало меняться. – Можешь теперь сказать, куда на самом деле ты хочешь отправиться.

– В поселение содомитов, – сказал Окс, услышав грубую брань женщины на сленге Квазара, из которой сумел разобрать лишь пару фраз и случайных восприятий, но и этого хватило для общего понимания, за кого его принимает Джиль-Ла после подобных шуток.

– Это не шутка, – сказал Окс, надеясь, что не ошибся с переводом.

Женщина нахмурилась.

– Так ты понимаешь наш диалект? – спросила она.

– Совсем немного.

– Тогда запомни: то, что я сказала, не особенно вяжется с обманом или шуткой. Это скорее… – Джиль-Ла задумалась, подбирая эпитеты. – Это скорее извращенная и унизительная процедура, которой твои слова подвергают мой мозг в теле, оставленном в Размерности.

– Я так и подумал, но… у меня и в мыслях не было проделывать что-то подобное с твоим мозгом.

– Так ты действительно хочешь попасть в поселение содомитов?

– Да.

– И кто там? Возлюбленная? – Джиль-Ла окинула его внимательным взглядом, надеясь, что его образ, созданный точкой сборки, передавал вид настоящего тела. – Ребенок?

– Ребенок?

– Я подумала, что у тебя могут быть достаточно взрослые

дети, которые стали содомитами.

– К счастью, нет.

– Что тогда? Хочешь найти там друзей? Удовлетворить грязные фантазии? Если так, то…

– Там находится старый друг. Когда-то давно она помогла мне встать на ноги, а теперь может помочь мальчику-нейропату и его отцу, который обратился в наше агентство.

– Так ты решаешь проблемы других?

– Типа того.

– И как женщина-содомит может помочь мальчику-нейропату?

– Она знает людей, которые разбираются в сторонних программах, написанных для официального модуля блокировки, разработанного Всемирной иерархией для нейропатов, чтобы проверять уровень эмпатии.

– Ненавижу все эти заморочки. Иногда мне кажется, что подобное происходит только в Размерности: нейропаты, модули блокировки, Ледник, вирусы в нейронных сетях…

– У нас нет адептов «Мункара и Накира».

– Адепты есть везде, вот только Квазар – это их дом, поэтому они охраняют его от бесчинств Всемирной иерархии, которая занимается лишь тем, что придумывает все новые и новые ограничения, лишая людей свободы выбора. О чем говорить, если они даже умереть не дают спокойно, приравняв действия суицидальных личностей к покушению на убийство. Бред! Кому какое дело?! Это ведь моя жизнь, что хочу, то и делаю.

– Лучше не напоминай мне об этом, – попросил Окс.

Джиль-Ла фыркнула, окинула его пристальным взглядом и сказала, что он не похож на самоубийцу.

– У меня был друг, бывший клиент агентства, который покончил с собой вчера.

– В Размерности?

– Нет, здесь.

– Обнулил ключ резонансов?

– Именно.

– Кажется, это становится модным. Думаю, скоро Иерархия пронюхает, что к чему, и внесет изменения в протоколы очистки системы во время перезагрузки Квазара.

– Сомневаюсь, что все будет так глобально.

– Я, если честно, тоже, но клирики все равно что-нибудь придумают.

– Скорее всего, просто ужесточат ответственность близких и друзей погибшего.

– Боишься за себя?

– Я сделал все, что в моих силах, чтобы отговорить его.

– Но ты знал.

– Да.

– И не сообщил о намерениях? Знаешь, есть закон, который обязует оставлять в подобных случаях сообщение на информационных щитах, чтобы система могла обработать информацию и принять меры… Нечто подобное требуют от официально зарегистрированных владельцев кубов переносов – оставлять на информационных щитах сведения о пассажирах. Хотя если делать все официально, то заработанного не хватит на обновление протоколов куба и доступ к информации о точках энергетической сцепки, чтобы можно было перемещаться по этому миру от одного жилого комплекса к другому.

– Моя знакомая из поселения содомитов говорит, что ученые близки к тому, чтобы создать новые виды подпространственных двигателей, эффективность которых во много раз превышает ныне существующие протоколы двигателей.

– Так ты предлагаешь мне доставить тебя в поселение содомитов в обмен на призрачную информацию одного из изгоев о каких-то там прототипах двигателей?

– Тебя это не устраивает?

– Устраивает, если сможешь доказать, что подобные разработки существуют, и показать отчеты хотя бы бета-тестирования продукта. До тех пор – это пустые слова.

– Тогда назови свою цену.

– Новый куб переносов плюс помощь моему брату, который увяз в долгах терминалам Энрофы, набрав авансов, но не успевая поставлять в соответствии с заключенным договором туристов, готовых воспользоваться клонами, чтобы попасть в Isistius labialis.

– Слишком большая цена, – качнул головой Окс. – К тому же Ксанет не работает в Квазаре.

– Ладно, тогда ограничимся новым кубом.

– Чем тебе не нравится тот, который уже есть?

– Боюсь, он не переживет очередной доработки, которая потребуется, если я возьмусь прокатить тебя до поселения содомитов и обратно.

– Не думал, что так сложно попасть в поселение содомитов.

– Попасть несложно, но для того чтобы выбраться, одного желания будет мало. Твоя подруга не рассказывала тебе об этом?

– Эсфирь говорила, что смогла вернуться благодаря разработкам альтернативного двигателя, которые проводил содомит-акеми по имени Сво-Дош.

– Сво-Дош? – оживилась Джиль-Ла. – Твоя подруга была знакома с акеми по имени Сво-Дош? Я не ослышалась?

– Нет.

– Ого!

– Ты его знаешь?

– Каждый хозяин куба переносов знает о том, кто такой Сво-Дош и чем успех его разработок грозит для нашего бизнеса.

– Так у нас, выходит, конфликт интересов?

– Конфликт интересов? – растерялась Джиль-Ла. – Нет никакого конфликта. Только представь, что будет, если я смогу получить подобную технологию?

– Сомневаюсь, что ты сможешь продать ее крупным разработчикам. У исследований есть своя темная история, так что…

– Продать? Зачем мне продавать такое сокровище? Я могу использовать разработку в личных целях.

– Не думаю, что удастся получить официальное разрешение…

– Перестань ворчать! Вы, жители Размерности, привыкли, что Иерархия во всем ограничивает ваши права. В Квазаре большинство этих законов не действует. Да и нет смысла соблюдать правила и нормы в мире, который подчиняется совершенно иным законам и формулам. Нам не нужно бояться продвижения Великого ледника, экономя каждый джоуль доступной энергии для борьбы с ним. Мы не прячем за нейронными образами прогнившие насквозь остовы жилых комплексов. Мы свободны от плоти и жидких чипов, которые управляют биологическими процессами человека. Если задуматься, то Размерность – это несовершенный вариант Квазара, промежуточное звено.

– И еще это мой дом, – хмуро напомнил Окс. – Так что полегче на поворотах.

Джиль-Ла широко улыбнулась и примирительно подняла руки.

– Это означает, что мы договорились? – спросил Окс.

– Ты даешь мне новый куб и альтернативную технологию подпространственных двигателей, а я доставляю тебя хоть к черту на кулички.

– Забудь о новом кубе.

– Без существенных доработок мой куб может не выдержать путешествия туда и обратно. Это ведь не пульсар, где цепляешься за поток и перемещаешься к соседнему Маяку. Путешествие по неиндексированным территориям чревато искусственными временными провалами и нестабильностью точек энергетической сцепки. И если с первыми еще как-то можно бороться, адаптируя протоколы передвижения так, чтобы держаться подальше от границ нестабильных колебаний Квазара, попав в поле

действия которых можно оказаться выброшенным в произвольный временной резонанс, то с нестабильностью ТЭС дела обстоят куда хуже, потому что невозможно рассчитать, насколько тонким окажется пространство в месте сцепки. Впрочем, иногда все случается с точностью до наоборот и вместо того, чтобы лопнуть до сброса протоколов блокировок, ТЭС срывает куб прежде запланированного начала переноса. Хозяин куба и пассажиры превращаются в сгустки энергии, подчиняясь местным законам динамики, но внутреннее энергетическое поле, которое должно удержать их внутри куба, еще не активировано. Прыжок вызывает у пассажиров сбой связей внешнего образа и точки сборки. На личностном уровне происходит полная разбалансировка и сбой систем контроля, поэтому что-либо исправить уже невозможно. Остается ждать, когда тебя выбросит с площадки куба, и надеяться, что кто-нибудь найдет тебя и поможет вернуться, прежде чем система, устав от твоего присутствия, во время одной из перезагрузок решит удалить тебя за пределы Квазара.

– То есть ты намекаешь, что перед отправкой нужно провести модернизацию твоего куба переносов? – не скрывая улыбки, спросил Окс.

– Боюсь, для стабильной работы одной модернизации будет мало. Моему кубу потребуется реконструкция, а в Квазаре мало что поддается глобальной смене системного кода, если это не было предусмотрено заранее.

– Это значит, что мы снова вернулись к покупке нового куба?

– Написание протоколов нового куба – дело долгое, не терпящее спешки. Если ты готов ждать пару месяцев, то я не против, а так просто хотела объяснить, что нас ждет, когда мы отправимся в поселение содомитов. И не забывай, я еще не рассказала тебе о тренировочных лагерях адептов «Мункара и Накира» и прочих жутких байках и местных легендах о том, что ждет глупца, решившего отправиться в неиндексированные территории Квазара.

– Я коренной житель Размерности, – устало напомнил Окс. – Работал на стройках и жил в крайне неблагополучных секторах Isistius labialis, пока с другом не организовал агентство «Ксанет». Хотя после этого не скажу, что жизнь стала мягкой и пушистой. Скорее, наоборот. А ты, если пытаешься напугать меня, видимо давно не покидала этот наполненный светом мир, чтобы напомнить себе, какова жизнь в материальном мире.

– Да я, если честно, вообще не планирую покидать Квазар, – нарочито небрежно усмехнулась Джиль-Ла. – Для хозяина куба переносов со стажем доступ в Размерность закрыт. Регулярные

смещения точки сборки во время прыжков разрушают связи с оставленным в Размерности телом, и когда мы пытаемся вернуться, то, очнувшись в капсуле терминала, понимаем, что не можем контролировать части своего тела, а органы чувств работают так, словно сошли с ума, и ни один жидкий чип не может исправить это, потому что физических повреждений нет. Все намного глубже – на уровне основных протоколов и базисных ядер личности, но так глубоко, чтобы исправить это, ученые еще не смогли запустить свои руки.

Глава четырнадцатая

Энергетические всплески окутали установленный в центре куба переносов шестигранный стержень, из которого вытянулись контролируемыми всполохами света тонкие лучи-щупальца, вцепившись в пространство точки энергетической сцепки, и потянули на себя. Поднявшийся гул, казалось, может создать такие вибрации, что, прорвав ограничительные протоколы резонансов Квазара, они создадут брешь, сквозь которую куб будет выброшен в свободный временной набор.

– Держись подальше от центрального стержня, он не защищен силовым полем, – предупредила Джиль-Ла.

Окс кивнул. Гул усилился. Вибрации проникли в базовые ядра точки сборки, разрушая связи и устоявшиеся восприятия. «Сбрасывай чертовы блокировки!» – гневно подумал Окс, мысленно обращаясь к Джиль-Ла. Пространство начало разваливаться, зияя искрящейся чернотой. Шестигранный стержень задрожал, изогнулся, не в силах удерживать исходящие из него нити. Протоколы блокировки отключились. Куб дернулся и нырнул в разверзшуюся перед ним пустоту. Поврежденные связи базовых ядер точки сборки спутались, подменяя восприятия и контроль над образами.

У подобных путешествий было одно правило – не сопротивляться. Окс знал об этом, но никогда не испытывал на своей шкуре, что такое перенос в Подпространстве на ненадежном кубе. «Главное не сопротивляться», – убеждал себя Окс, стараясь не обращать внимания, что протоколы команд, управляющих образом, спутаны настолько сильно, что невозможно даже закрыть глаза, потому что вместо этого почему-то начинают подниматься руки, а при попытке что-либо сказать сгибаются колени.

Незадолго до прыжка Джиль-Ла спросила Окса, имеет ли он представление о том, что такое поселение содомитов в действительности?

– Я представляю, какой контингент там обитает. Думаю, этого будет достаточно, – сказал Окс.

– Среди содомитов очень много гениальных ученых.

– Я считаю, что безумие и наука всегда идут бок о бок.

– Я не о том. Представь, если каждый из этих ученых был изгнан из цивилизованного мира за свои безумные идеи, то что они явят миру, когда объединят усилия?

– Думаю, лучше опасаться насильников, извращенцев и убийц. Ученые могут навредить, только когда им

предоставлены технологии и материалы, а без этого они словно капризные дети.

– Может быть, в Размерности это и так, но не в мире Подпространства, где все создано из энергии. Необходимые технологии и материалы повсюду, нужно лишь обойти ограничения основных протоколов Квазара и не вывалиться из заданного резонанса.

– Сильно сомневаюсь, что больной разум, объединившись, сможет уйти дальше «Сезона любви».

– Ты слышал о «Сезоне любви» в поселении содомитов?

– Когда нашим… другом… стала женщина оттуда, мы навели кое-какие справки.

– Это было нечто, верно? – оживилась Джиль-Ла. – Бесконечное удовольствие. Близость повсюду…

– По мне, так чокнутые ученые просто взломали базовые протоколы точки сборки и основной код, считанный во время настоящей близости в Подпространстве, объединив людей в универсальную сеть.

– Многие дельцы, наподобие Деи-Ле, пытались повторить этот «просто взлом», как ты сказал, но у них ничего не вышло. Планы создать территории, на которых будут действовать «законы любви», рухнули.

– Думаю, виной всему плохое финансирование. К тому же сильно сомневаюсь, что подобные технологии пользовались бы спросом.

– Ты не прав! Многие люди проживают свои жизни, так и не испытав, что такое близость в Квазаре, когда участники влюблены друг в друга. И не спорь о любви. Это уже доказано. Чувство зашифровано где-то в базовых ядрах личности.

– А еще многие ученые пытались приравнять эти чувства к вирусу. Кажется, придумали даже название. Вирус парности, если не ошибаюсь?

– Ты не ошибаешься… – Джиль-Ла выглядела обиженной девчонкой, которой юношеский максимализм не позволяет принять простые истины, проверенные временем. – Думаю, ты никогда не испытывал ничего подобного, – сказала она.

– А ты испытывала?

– Нет, но когда-нибудь… Если бы сейчас открылись территории, куда можно пойти с кем-нибудь и пережить то, что переживают во время близости влюбленные, то я бы пошла.

Окс промолчал. Не видя настоящего лица, он не мог понять, сколько в действительности лет Джиль-Ла. Если гадать, то разброс выходил неуместно огромным. То она напоминает подростка, то взрослую, немного циничную женщину, а то…

– Ты похожа на Эсфирь, – сказал Окс.

– Это женщина, ради которой мы отправляемся в поселение содомитов?

– Да. У нее была генетическая аномалия, и ученым пришлось устанавливать дополнительные участки мозга в грудь ребенка, чтобы он мог функционировать в обществе как полноценная личность.

– Мерзость. Не удивительно теперь, что она закончила среди содомитов.

– Эсфирь говорит, что благодаря дополнительным участкам мозга она стала хорошим ученым.

– Таким же хорошим, как Сво-Дош?

– Не забывай, что начал разработки альтернативных двигателей в Подпространства не Сво-Дош, а его отец.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Сомневаюсь, что она настолько велика, но…

– Старательна? – одно из бесконечного множества лиц Джиль-Ла расплылось в широкой улыбке.

– Она очень помогла моему агентству встать на ноги, поэтому, сделай одолжение, не принижай ее ум. Недостатки и маленькие демоны есть у каждого.

– Ты причинял людям вред, как это делала Эсфирь?

– Нет, но я и не приносил людям пользы, как это делала она.

– Маленькому человеку – маленькие недостатки?

– Именно…

Их разговор был прерван визитом акеми, согласившимся провести возможные доработки куба переносов. Оплату производил Окс. Акеми работал быстро и почти не разговаривал, лишь на прощание пошутив, что куб теперь готов к любым испытаниям, включая перенос в поселение содомитов, на что Джиль-Ла нервно рассмеялась, а Окс поспешил напомнить, что подобный перенос запрещен законом.

– Законом? – удивленно уставился на него акеми.

– Он из Размерности, – объяснила ситуацию Джиль-Ла.

– Ах, вот оно что! – протянул акеми и спустя пару минут ретировался, посоветовав Оксу расслабиться и не думать о клириках и хранителях, которые не дают покоя людям в Размерности, но в Квазаре появляются крайне редко.

– Зато у вас полным-полно адептов, – сказал Окс.

– Так разве это плохо? – улыбнулся акеми, хотел, казалось, начать конфликт, но ретировался прежде, чем Окс успел открыть рот.

– Не обращай на них внимания, – посоветовала Джиль-Ла.

– После встречи с Эсфирь меня вообще мало что может

удивить.

– Она была такой особенной?

– Она интегрировала мне и другу дополнительные жидкие чипы, объединив нас в экспериментальную сеть.

– Как нейропатов?

– Что?

– Вы можете с ним читать мысли друг друга или что-то другое?

– Он может подключаться к моему мозгу, а я выкачиваю из него необходимую мне кинетическую энергию.

– Необходимую для чего?

– Для драки, например. Иногда силы неравны и нужно либо звать на помощь, либо заимствовать у Лиора дополнительные ресурсы.

– Как я понимаю, это работает только в Размерности?

– Да.

– Жаль. Когда доберемся до поселения содомитов, думаю, нам бы понадобилась возможность выкачивать из других необходимые для драки силы.

– Главное найти Эсфирь. Дальше, надеюсь, она сможет прикрыть нас.

– Не забывай о Сво-Доше и об обещанных разработках альтернативных двигателей.

– Конечно, – отмахнулся от женщины Окс, сделав это слишком небрежно, чтобы она поверила.

– Даже не думай обмануть меня, – предупредила Джиль-Ла.

– Конечно, – сказал Окс.

– Думаешь, я шучу? – ощетинилась женщина с лицом неопределенного коэффициента восприятия.

– Никогда.

– Думаешь, – прошипела Джиль-Ла и сыпала угрозами последующие два часа, пока Окс, устав от этого, не заявил, что от него ничего не зависит.

– Это не я изобрел те чертовые альтернативные двигатели, – сказал он. – Я могу лишь пообещать сделать все, что в моих силах, чтобы достать тебе чертежи или работающий прототип. Остальное будет зависеть от случая.

– Вот теперь звучит правдиво, – одобрительно кивнула Джиль-Ла и переключилась на разговор о трудностях, с которыми они могут столкнуться, попав в поселение содомитов. – Согласно слухам, самое страшное позади, я говорю о «Сезоне любви», но свихнувшиеся ученые все время изобретают что-то новое. Последний человек, который недавно вернулся оттуда, говорит, что в поселении запущен проект «Мы – это то, что нас окружает».

– Что за человек?

– Такой же, как я, только не думай, что сможешь договориться с ним в обход меня. Здесь такое не приветствуется.

– Понятно. Что насчет проекта «Мы – это то, что нас окружает»? Еще одна извращенная фантазии наподобие «Сезона любви»?

– Глобальное замещение образов.

– Как в играх, площадки которых базируются в Подпространстве?

– Намного глубже. Меняется не только образ, но и восприятия, ход мыслей. Созданные протоколы взламывают базисные ядра личности, отраженные точкой сборки, добираясь до последних воспоминаний, на которых происходили микросбои восприятия, в результате чего появились свободные базовые ядра. Память в них долго не хранится, но если алгоритмы находят что-то, вызвавшее сбой восприятия, то восстанавливают угасающие данные и производят перекомпиляцию точки сборки, включая подмену центральных ядер личности… – Джиль-Ла выдержала паузу, вглядываясь Оксу в созданный точкой сборки образ его глаз. – «Мы – то, что нас окружает» – это проект, который превращает всех людей, зацикленных на чем-то так сильно, что появляются сбои восприятия, в предмет их одержимости.

– То есть Сво-Дош мог превратиться в альтернативный подпространственный двигатель?

– Вполне возможно.

– А что с сознанием?

– Все работает в соответствии с новыми восприятиями. Ничего человеческого не остается, кроме стержня сознания.

– То есть если это случится с тобой, то ты превратишься в куб переносов?

– Ну как-то так, да.

– И будешь думать как куб переносов?

– Думать я будут так, как думаю сейчас, но изменятся восприятия, а следовательно, и видение мира… Как думаешь, кем станешь ты?

– Думаю, никем не стану. У меня не было микросбоев восприятия, значит, и превращаться мне не в кого.

– Ты говорил, что работал когда-то строителем.

– С тех пор прошло много времени.

– А как же агентство?

– Думаешь, я превращусь в агентство? – рассмеялся Окс. – Не хочу тебя разочаровывать, но благодаря Эсфирь я вообще крайне нечувствителен ко многим вещам, которые заботят обычных людей. Мой друг пользуется не только участками моего

мозга, но и забирает кучу эмоциональных эксцессов. Эсфирь пыталась изменить работу фильтров дополнительных чипов, но оказалось, что это необходимая мера, потому что чем меньше я переживаю, тем теснее наша с Лиором связь. Так что он, можно сказать, собирает в своих свободных ядрах личности сбои восприятия за двоих.

– Везучий ты, – улыбнулась Джиль-Ла, отправляясь подготавливать куб к прыжку. – Хотя у меня в семье подобной зависти достоин брат, – крикнула она обернувшись, и точка сборки, преобразовав желание говорить, донесла до Окса через стабильное пространство нужные слова. – Он всегда делал все, что хотел, а расхлебывали за него родственники.

– Да, знакомая история. У меня был друг, к которому неприятности словно магнитом притягивало.

– Если бы так было с Ингг-Ла, – сокрушенно покачала головой Джиль-Ла. – С моим братом все иначе. Он не жулик и не прохвост, как многие другие, которые занимаются поиском клиентов для терминалов Энрофы. Подобные хитрецы обычно ошиваются возле центров отправлений и точек энергетической сцепки. Они прохода не дают туристам и специально доплачивают владельцам кубов переносов, чтобы они сообщали информацию о тех, кто едва сводит концы с концами, чтобы можно было впарить им изношенных клонов, когда они решат посетить соседний жилой комплекс. Мой же брат не хочет продавать бракованный продукт, честно предупреждая о недостатках. Думаю, виной всему случай, когда он наслушался историй о жизни в Размерности и сбежал из дома. Он украл ключи доступа к семейному счету. Накопления были небольшими, поэтому ему пришлось покупать самого дешевого клона, который был на рынке Квазара в районе жилого комплекса Galeus longirostris. А куда же еще мог отправиться молодой идеалист, как не в центр мира! Вот только о запланированных свершениях не могло быть и речи. Клон, в котором он оказался, был настолько плох, что брат застрял в Galeus longirostris на несколько лет. Ему повезло, и на него вышли хранители, которых заинтересовали странные перепады активности сбоившего жидкого чипа клона. Поэтому они нашли Ингг-Ла и отправили в исследовательский центр, где ученые смогли проследить нейронный след до незаконного терминала, который спустя несколько дней был закрыт хранителями. Клиентов у терминала было немного. Хранители нашли каждого клона и вернули их в Квазар, прежде чем закрыть незаконный терминал и уничтожить тела клонов. Подключение брата было решено оставить активным, пока ученые не разберутся в природе сбоев

жидкого чипа его клона, который не позволял подключиться к нейронным сетям и воспользоваться капсулой терминала… В общем, вернувшись, он сделал смыслом своей жизни работу с туристами, которые не могут позволить себе официальные терминалы и проверенных клонов. Ингг-Ла работает с незаконными терминалами, проверенными лично. Ни один турист, который воспользовался его услугами посредника, не пострадал и благополучно вернулся из Isistius labialis обратно в Квазар. Жаль, что подобный альтруизм не окупается и брат все глубже и глубже увязает в долгах, с которыми приходится разбираться его семье. Но ему, кажется, нет до этого дела. Я пыталась ему объяснить, что помогая одним, он вредит другим, заставляя их платить за его доброту, но… – Джиль-Ла помрачнела. – У твоей подруги в поселении содомитов случайно нет лекарства от альтруизма?

– Можно будет спросить, – уклончиво ответил Окс, не поняв, шутит женщина или нет.

– Да, можно, – согласилась она и велела забираться в куб, активировав подготовку к прыжку…

Их первая остановка состоялась недалеко от поселения акеми. Тонкие нити вырвались из шестигранника в центре куба и вцепились в заданные координаты точки энергетической сцепки. Автоматика включила протоколы блокировки. Окажись координаты неверными – и куб расплющило бы об энергетические поля пространства. Восприятия и основные связи образа с ТС вернулись вместе с затихающим гулом и рывками куба, пытавшегося продолжать движение.

– Ух, чуть не проскочили! – изобразила испуг Джиль-Ла, поняла, что на Окса это не произвело эффекта, и кисло напомнила, что вокруг Квазар, а не какая-нибудь игра, трансляции которых крутят по нейронным каналам Размерности. – Ты ведь понимаешь, что если тебя убьют здесь, то убьют по-настоящему? Пробуждения в капсуле терминала не будет. Ты затеряешься в Квазаре или вообще будешь выброшен в свободный временной набор.

– Я знаю, – сухо сказал Окс, устав от попреков за жизнь в Размерности. – Что это за поселение? – спросил он, меняя тему, глядя в сторону светящихся строений.

– Здесь работают акеми.

– И что они изобретают?

– Не знаю. Что-то для Квазара. Возможно, для Всемирной иерархии или личные заказы клириков.

– Не смеши меня. Иерархия не работает с акеми.

– Кто сказал? – широко улыбнулась Джиль-Ла.

Окс решил не спорить. Выбравшись из куба, он сделал несколько шагов в сторону поселения, проверяя работоспособность протоколов движения, которые, согласно слухам, акеми постоянно меняли возле своих секретных центров. Сейчас ничего подобного не наблюдалось. Все выглядело, как и обычно.

– Я же говорю, все законно, – расплылось в широкой улыбке одно из многочисленных лиц Джиль-Ла, словно она могла читать мысли Окса, как это делают нейропаты в Размерности, перехватывая онлайн потоки сознания. – Квазар – это не ад, как думают многие, – добавила женщина.

Окс кивнул, решив, что иначе его не оставят в покое, сделал еще несколько шагов в направлении поселения акеми, надеясь, что это позволит ему избавиться от разговоров с Джиль-Ла. Вокруг призрачно поблескивал Великий ледник материального мира, отпечатавшийся на энергетической плоти Подпространства. Белый цвет и простор вгрызались в сознание. Окс, привыкший к монолитной тесноте жилых комплексов, чувствовал дискомфорт от бескрайних ледяных пустынь, холод которых, казалось, пробирается в самые кости, хотя в Квазаре подобное чувство было иллюзией. Даже первые хронографы, которые отправлялись в заданные резонансы Подпространства, чтобы изучить прошлое и создать реконструкции, оставались нечувствительными к внешней среде оттисков минувших времен. А в те годы никто и знать не знал об акеми и взломах базисных протоколов точки сборки, совершенных ученым по имени Пай-Мик.

– Попробуй сосредоточиться на поселении, – посоветовала Джиль-Ла. – И не спорь. Я знаю, что тебя сейчас буквально наизнанку выворачивает из-за простора. Подобное происходит со всеми, кто редко выбирается из клеток жилых комплексов.

– Не такие уж они и маленькие, как ты говоришь, – проворчал Окс.

– Тысячи лет назад любое место, откуда не видно неба, считалось тюрьмой. Люди тянулись к звездам. А что сейчас?

– Сейчас люди тянутся к ядру Земли, – попытался пошутить Окс, намекая на общину инертов, обитавшую в основном в жилом комплексе Galeus longirostris.

– Что это значит? – спросила Джиль-Ла, решив, что услышала какую-то странную шутку или иронию Размерности.

– Ты никогда не слышала о такой псевдонауке, как инертность?

– Что-то мельком… Это, случаем, не то, где порицается борьба с Великим ледником?

– Именно.

– На мой взгляд, борьба с Великим ледником – это единственная достойная вещь, благодаря которой клирики все еще что-то значат в двухуровневом мире, а инертность… Мне кажется, сдаться и отступить от Ледника – это глупость. А инерты – свихнувшиеся ренегаты, которые деградируют, слепо продолжая питать ошибками и заблуждениями новые поколения ретроградов, негативно настроенных на все новое.

– Зато инерты верят, что когда-нибудь человечество эволюционирует в детей Квазара. Думаю, именно поэтому их науку сравнивают с алхимией акеми.

– В детей Квазара верят не только инерты, а что касается сравнения их науки с учением акеми, то…

– Инерты видят будущее человечества в Подпространстве, просто сейчас, считают они, нужно опускаться к ядру земли, способному согреть и обеспечить необходимой энергией десятки, а возможно, сотни поколений.

– Ты видел их хоть раз?

– А что?

– Да ничего, просто я признаю, что ничего не знаю о них, но они уже не нравятся мне. Больше похожи на каких-то ренегатов Размерности, чем на ученых…

– Звучит так, словно ты сравниваешь их с содомитами.

– А это идея! – оживилась Джиль-Ла, собралась отпустить скабрезность касательно Размерности, но оборвалась на полуслове, получив координаты новой точки энергетической сцепки на пути к поселению содомитов. – Хватит пялиться на лагерь акеми! – заорала она Оксу. – Возвращайся в куб. Нам предстоит еще один прыжок.

Тонкие нити из установленного в центре шестигранника уже стягивали пространство точки энергетической сцепки, готовясь к прыжку, когда Окс забрался в куб. Поднявшийся гул был сильнее, чем в прошлый раз.

– Почему так громко? – тревожно проорал вопрос Окс.

– Нам предстоит очень далекий прыжок!

Гул превратился в вибрации, разрывавшие хрупкое естество.

– Может быть, лучше использовать несколько промежуточных ТЭС? – занервничал Окс.

– Если будем использовать промежуточные ТЭС, то застрянем во временных аномалиях, – прокричала в ответ Джиль-Ла за мгновение до того, как отключила протоколы блокировок куба.

Глава пятнадцатая

Эсфирь. Распад восприятия прогрессировал. Она чувствовала это подсознательно, практически на уровне инстинктов, но не могла понять, осмыслить, потому что понимание находилось на уровне, который был подчинен распаду. Восприятия рисовали дивный мир, где любая мечта может стать явью. Видение длилось несколько минут, высасывая желание жить пониманием, что в этом безгранично счастливом мире никто не может достичь и толики подобного счастья. Затем восприятия менялись, подчиняясь нахлынувшему отчаянию, возводя это чувство в абсолют, пульсируя в голове безнадежностью.

Эсфирь начинала присматриваться к окружающим ее людям, пытаясь убедить себя, что не все так плохо. Сердце сжималось от понимания, что людям еще хуже, чем ей, но потом среди них появлялись яркие лица, выпадавшие из общей череды масок боли и отчаяния. Люди с яркими лицами проходили мимо, и Эсфирь понимала, что они счастливы, несмотря на ее боль. Восприятия менялись, принося ненависть: яркую, чистую, желанную.

– А ну стой! – заорала Эсфирь девушке, спешащей к остановившейся у перрона капсуле общественного транспорта.

Девушка не обернулась, решив, что если бы кто-то звал ее в действительности, то мог при необходимости воспользоваться открытым информационным потоком нейронной сети, а так…

– Эй! – вскрикнула она, когда Эсфирь схватила ее за жидкие волосы – признак коренного жителя Размерности. – Какого черта?!

Девушка оказалась не промах и вместо того, чтобы испугаться, ответила агрессией на агрессию. Ученые модифицировали мозг Эсфирь, но оставили мускулы обычного человека.

– Я убью тебя, счастливая сука! – зашипела она, пытаясь дотянуться пальцами до глаз противника.

Девушка ударила Эсфирь кулаком в нос. Хрустнули костяшки и сломавшаяся переносица. Интегрированный чип не мог справиться самостоятельно с хлынувшей кровью, переработав ее, превращая в энергию, поэтому автоматом был сделан запрос в нейронные средства тонкой очистки. Процесс занял чуть больше пары секунд. Кровь толчками текла из носа Эсфирь, но активированные системы очистки перерабатывали большую ее часть прежде, чем она успевала достигать платформы станции общественного транспорта. К ногам Эсфирь падали лишь крохотные капли, изредка превращаясь в тонкую струйку.

– Что это? – растерялась Эсфирь, прикладывая ладони к разбитому носу. – Как это? – она переводила взгляд с ударившей ее девушки на капли крови на своих ладонях. – Что ты наделала? – восприятия изменилось, принося чувство растерянности и обиды. – За что?

– За что? – скривилась девушка, которой нейронный медик исправлял выбитые костяшки.

– Что я тебе сделала? – Эсфирь уставилась на обидчицу большими вращающимися глазами и протянула к ней окровавленные руки. – Что я тебе сделала? – закричала Эсфирь.

– Ты хотела меня убить, – напомнила девушка.

– Я никого не хотела… – в голове что-то заклинило и, закатив глаза, Эсфирь отключилась.

Она не приходила в сознание дольше года. Жидкий чип работал исправно, снабжая тело необходимой энергией, но мозг объявил бойкот реальному миру. Вернее, два мозга: один, недоразвившийся, в голове, и другой – выращенный учеными в груди взамен правого легкого. Врачи отвезли Эсфирь в исследовательский центр, изучавший отклонения. Нигде, кроме жилого комплекса Isistius labialis, не было подобных учреждений, так что Эсфирь, можно сказать, повезло. За ней присматривали лучшие умы науки. Генетическая ошибка заинтересовала ученых из соседних жилых комплексов.

Три женщины прибыли из Galeus longirostris, используя новенькие тела клонов. Они не пытались разобраться, как вернуть Эсфирь в сознание. Их интересовала возможность замещения правого легкого дополнительным мозгом. В отличие от соседних жилых комплексов, где людей проживало столько, что не развернуться, в Isistius labialis проблем с перенаселением не было, а следовательно, не возникало проблем и с арендой необходимых помещений, что позволяло задействовать для исследований аномалии Эсфирь целый корпус. Зато с поиском квалифицированного персонала было сложнее. Услуги официальных терминалов переносов стоили недешево, а найти помощников и лаборантов с хорошим образованием в Isistius labialis было весьма проблематично, поэтому в просторных помещениях нового отдела было тихо и почти всегда безлюдно. Лишь в дни комиссий, когда из соседних жилых комплексов прибывали ученые, чтобы посмотреть на Эсфирь, отдел оживлялся, гудел голосами и нейронными информационными запросами. Потом снова все стихало.

Женщину, возглавлявшую проект «Дополнительный мозг», звали Манх. Тело ее клона, полученного в терминале переходов, было молодым, хотя в действительности жизнь ее подходила

к концу. Многоуровневые анализы показывали, что связь тела с сознанием прервется в ближайшие два-три года – неизбежность, предсказывать которую научились более тысячи лет назад, проводя комплексное изучение состояния тела, вторичных ядер сознания, отвечающих за взаимодействие с физической оболочкой в материальном мире, и нестабильности протоколов точки сборки. Каждый из трех анализов проводился в отдельности, затем выявлялся общий коэффициент. В первые десятилетия теорию «ликвидности жизни» рассматривали как забавную шутку, но после того, как предсказания и анализы стали сбываться, отнеслись к ней всерьез.

Появилось несколько направлений «ликвидности жизни», а количество анализов увеличилось с трех до девяти. Впрочем, подобное увеличение сбора данных для анализа поддерживалось не всеми, что послужило причиной разделения теории на новую и старую школы. Новая школа закладывала в расчеты ликвидности жизни не только энергетические и физические показатели личности, но и социальный статус, экономическое состояние жилого комплекса, принадлежность к одному из двух уровней реальности КвазаРазмерности, причем процент ликвидности жизни у коренных жителей Квазара был выше, чем у жителей Размерности, если, конечно, оцениваемый человек не жил в Isistius labialis, где в недалеком прошлом произошел теракт, унесший жизни девяноста процентов населения, находившегося в Квазаре.

Что касается Манх, прибывшей из Galeus longirostris изучать заменивший правое легкое мозг Эсфирь, то она достаточно серьезно относилась к теориям ликвидности жизни. О дате своей смерти она узнала еще будучи подростком, когда начала изучать спорную теорию, познакомившись с ученым, исследовавшим ликвидности жизни. Тест стоил недешево, но для приверженцев и последователей проводился бесплатно – это была их собственная контрольная работа, которая должна была показать, способны они продолжить изучение науки или нет. Манх прошла тест, но от дальнейшего изучения ликвидности жизни отказалась, увлеченная новым ученым и новыми горизонтами.

Оставив друзей и забросив собственные исследования «ликвидности жизни», она посвятила свою долгую, как обещали тесты, жизнь официальным репродукционным центрам, работая преимущественно с генетическими аномалиями. Подъем по служебной лестнице был долгим и нелегким. Десятки перспективных исследований, курируемых Манх, зашли в тупик. Никто не отрицал ее талантов, но неудачи, преследовавшие Манх за годом в год, сформировали вокруг нее нерушимую ауру

ученого, навсегда застрявшего на стадии молодого и перспективного. Исследования Эсфирь были последним шансом для престарелой Манх.

Второй мозг, дополнительные связи и раздельные процессы вычислений, превращавшие сознание в многопоточный механизм восприятия, маячили перед глазами Манх обещанием долгожданного признания на закате жизни. Нет, здоровье ее было прекрасным, и обычные нейронные медицинские тесты, черпая комплексную информацию из интегрированного жидкого чипа, обещали еще как минимум десять-пятнадцать лет, но Манх подсознательно осталась приверженцем теорий «ликвидности жизни», согласно которым ей осталось чуть больше двух лет.

Многие, узнавая дату своей смерти, отказывались верить, но два из трех предсказаний попадали в точку с точностью до нескольких месяцев. Манх не боялась смерти – она боялась, что умрет, не получив признания. И ради признания она готова была на многое.

Первым нарушением, которое совершила Манх, стала подмена анализов Эсфирь. Женщина с дополнительным мозгом вместо правого легкого определенно представляла интерес для изучения, но не настолько, чтобы Иерархия выделила целый отдел для этих целей, поэтому Манх пришлось фальсифицировать отчеты, завысив в десять раз показания дополнительного мозга женщины, впавшей в кому. Чтобы скрыть обман, Манх почти с первого дня начала пичкать Эсфирь стимуляторами, способными вывести активность мозга на заявленный в фальшивых отчетах уровень. Дозировки превышали предельно допустимые, гарантируя свести подопытную с ума, но Манх разработала компенсационную программу, способную перераспределять нагрузки между дефективным основным мозгом и дополнительным мозгом, сбрасывая излишки во время транзакции.

Трудности возникли почти сразу, потому что Манх не учла модифицированный жидкий чип, интегрированный Эсфирь с рождения, который позволял нейронным сетям работать с дополнительным мозгом, установленным вместо правого легкого. «А ведь только это делает эту женщину маленьким шедевром», – думала Манх, завидуя ученым, которые смогли разработать подобную систему, а главное, найти семейную пару, которая согласилась бы на эксперимент, потому что в противном случае клирики закрыли бы проект раньше, чем ребенок успел бы окончательно сформироваться.

Один из знакомых связался с Манх и попросил разрешения присоединиться к исследованиям. Его имя было Мей-Ар,

и большую часть жизнь он провел в Квазаре.

– Чем мой эксперимент мог привлечь акеми? – подозрительно спросила старого знакомого Манх.

– Базовые ядра, – уклончиво ответил Мей-Ар.

– Только базовые?

– Даже на этом уровне Иерархия сильно ограничивает исследования, так что меня интересуют только базовые ядра.

– С каких пор акеми подчиняются Иерархии?

– Разве твой проект не курируют клирики?

– Само собой, курируют.

– Думаешь, они разрешат мне присоединиться к проекту, если я скажу, что собираюсь заняться незаконными экспериментами с основными ядрами личности?

– Думаю, нет.

– Поэтому я прошу у тебя разрешения присоединиться к проекту, чтобы изучать базовые ядра твоей подопытной.

– Пациента.

– Ну, пусть будет «пациента», – улыбнулся Мей-Ар.

Манх нахмурилась, но почти тут же улыбнулась и пообещала, что поговорит с клириками, решив, что помощь Мей-Ара не помешает. Вместе с ним она провела несколько экспериментов по разделению восприятия Эсфирь, изучая влияние подобного процесса на точку сборки в Квазаре.

– Очень интересный экземпляр! – ворковал Мей-Ар, создавая видимость, что выполняет условия оговоренных с клириками исследований.

– Думаю, у меня впервые в жизни может что-то получиться, – подпевала ему Манх, притворяясь, что не замечает нарушения, чинимые акеми.

Подобное сотрудничество длилось первые полгода, затем Мей-Ар, забыв о безопасности, начал в открытую изучать связи между двумя разными мозгами на уровне основных ядер, а Манх перестала притворяться, что не замечает этих исследований и что они не интересуют ее. На горизонте замаячило революционное открытие, благодаря которому становилось возможным двухуровневое существование в КвазаРазмерности.

– Только представь! – говорил Мей-Ар. – Человек сможет находиться сразу и в Квазаре, и в Размерности! И плата за это – правое легкое, вместо которого каждому человеку интегрируют дополнительный мозг.

Перспективы вскружили голову, особенно учитывая, что ученым репродукционного центра удалось внести изменение в генетический код Эсфирь таким образом, что дополнительный мозг развивался вместе с ущербным плодом, замещая развитие

правого легкого.

– Если наше открытие начнут применять в репродукционных центрах, то это перевернет мир! – светилась счастьем Манх.

Первые несколько месяцев удачи пьянили так сильно, что она буквально летала по лабораториям, но потом, немного успокоившись, она поняла, что теория ничего не значит, если не подтверждена практически. Эсфирь может оказаться единичным случаем. Не зря же на этой женщине стоит клеймо «генетическая ошибка».

– Нам нужно найти добровольца, – сказала Манх.

– Легального добровольца? – спросил Мей-Ар.

– Я попробую получить разрешение…

– Клирики не только откажут тебе, но и тут же прикроют проект, – разбил остатки надежд акеми.

– Что же тогда нам делать? – спросила Манх после паузы в несколько часов, во время которой так и не смогла найти решение появившейся проблемы.

– Ты знаешь, что мы должны делать, – сказал Мей-Ар.

– Ты предлагаешь найти добровольца в обход Иерархии? – похолодела Манх, хотя подсознательно давно поняла, что другого выхода нет. – Но…

– У нас хорошее финансирование. В Isistius labialis найдется много людей, которые захотят заработать подобным образом.

– А если что-то пойдет не так?

– А если все получится?

Они пререкались не один день: ссорились, решали взять паузу, возвращались к разговору спустя пять минут, почти соглашались и снова ссорились, пока однажды Манх не осенило:

– Я стану добровольцем.

– Ты?! – опешил Мей-Ар. – Боюсь, я не настолько хорош, как ты думаешь.

– Ты – акеми.

– Вот именно. Я – акеми, а ты превосходный специалист репродукционного центра. Я не смогу без твоей помощи провести эксперимент.

– Мы автоматизируем процесс.

– А если что-то пойдет не так?

– В теории все работает замечательно.

– Но то в теории, не мне говорить тебе, что никогда не бывает все гладко.

– Мы можем… – Манх замолчала, вглядываясь Мей-Ар в глаза. – Мы могли бы сохранить мои воспоминания.

– И какой мне прок от твоих воспоминаний? Мы ведь не сможем использовать их автономно, а от реконструкции

слепка сознания проку в реальной ситуации ноль. Твоя имитация никогда не сможет решить задачу, с который ты бы справилась с закрытыми глазами. У нее просто не будет в базе нового решения. А мыслить имитации не могут, так что…

– Я не говорю о слепках сознания, – прервала друга Манх. – Я предлагаю тебе изъять из моего сознания ряд основных ядер, отвечающих за большую часть воспоминаний, заместив их свободными ядрами, если, конечно, последние еще остались.

Манх улыбнулась, но Мей-Ар остался хмурым. Спора между ними не было. Каждый знал, что они не должны поступать так, и каждый знал, что именно так они и поступят.

– Дай мне неделю на подготовку, чтобы уладить дела, – попросила Манх, ограничившись двумя днями.

Она уже давно перестала считать, сколько законов нарушила, когда взялась за свой последний проект.

– Только не вытащи из меня вместе с частью знаний о центрах репродукции воспоминания о детстве, – пошутила Манх, вот только выдавить из себя улыбку так и не смогла.

Капсула извлечения, используемая в коррекционных системах сознания, была заказана в лабораторию в обход клириков и официальных систем контроля.

– У нас все получится, – сказала Манх, пытаясь поддержать друга.

Мей-Ар предпочел промолчать. Единственное, что приходило ему на ум, – предложить Манх поменяться местами, но он не был так смел и так фанатично предан науке. «Наверное, поэтому акеми никогда не доводят ничего до конца, – хмуро думал он, активируя коррекционную камеру. – Нам не хватает смелости и готовности пожертвовать собой ради цели…»

Он долго смотрел на умиротворенное лицо отключившейся Манх, затем активировал процесс извлечения сознания. Работать с основными ядрами воспоминаний надлежало уже в Подпространстве, поэтому Мей-Ар несколько раз перепроверил показатель резонанса назначения и координат. Обычно колебания выбирались вне Квазара, но акеми не мог воспользоваться официальными центрами корректировки, созданными в произвольных резонансах мира энергии, а с центрами Энрофы невозможно было работать, не услышав десяток вопросов о целях эксперимента, отвечать на которые Мей-Ар не собирался. Поэтому оставались только сотканные из света лаборатории братьев акеми, попасть в которые можно было воспользовавшись обычным терминалом КвазаРазмерности, но в этом случае тело осталось бы в капсуле под охраной нейронных систем и главная часть эксперимента стала бы неосуществима.

Манх задолго до извлечения провела всевозможные тесты, и системы анализы выдали необходимое время для выращивания дополнительного мозга, равное тысяче пятидесяти шести часам, или примерно сорока пяти дням. Мей-Ар надеялся, что все это время ему удастся водить клириков за нос, пользуясь извлеченными ядрами сознания Манх и спроектированными простейшими адаптивными протоколами подмены для кратковременной связи.

Увлеченный экспериментом, он и не вспоминал об оставленной без внимания подопытной женщине с неестественно маленькой головой, в которой природа отказалась создавать полноценный мозг. Впрочем, ученые тоже не стали рассматривать подобную возможность, решив оставить голову нетронутой, включая огромные глаза, страдающие просто жутким косоглазием.

Эсфирь очнулась, когда в двухуровневом мире была фаза сна. Правда, в Размерности это вовсе не означало, что жизнь должна останавливаться на это время, как это происходило в Квазаре в моменты перезагрузок. Препараты и нейронные стимуляторы, которыми Манх накачивала Эсфирь, закончились, а о новых порциях Мей-Ар не вспомнил.

Женщина выбралась из капсулы, где провела больше года. Восприятия сбоили, чувства путались. Она помнила, как мгновение назад стояла на станции общественного транспорта и смотрела на девушку, разбившую ей нос, а сейчас…

– Где я? – спросила Эсфирь, подходя к Мей-Ару, склонившемуся над капсулой с телом Манх.

Нейронный помощник показывал процесс формирования нового сердца. Материи легкого перерабатывались в энергию, и на их месте начинала формироваться ткань дополнительного органа центральной нервной системы. Процесс находился на промежуточной стадии развития. Формировались нейроны, складывались синаптические связи. Кора больших полушарий выглядела незаконченной, словно ее обглодал ворвавшийся в лабораторию безумец.

– Так выходит, что это правда? – спросила Эсфирь.

– Что правда? – растерялся Мей-Ар.

– То, что моя генетическая аномалия не была случайностью и все это часть какого-то эксперимента… Мерзкого эксперимента! – последние слова Эсфирь буквально выплюнула акеми в лицо.

Восприятия встали с ног на голову. Все было относительно: любовь и ненависть, благодетель и грех, жизнь и смерть…

– Смерть… – протянула Эсфирь, лаская слово полными

губами огромного рта. Она смотрела на женщину в капсуле, на Манх, и видела жертву, мученицу, на которой ставят опыты помимо ее воли. – Смерть… – Эсфирь чувствовала, что обязана освободить пленницу. – Убийцы! – зашипела она на акеми, пытаясь разобраться в управлении капсулой и обещая Манх, что освободит ее, прекратит страдания.

– Нет, ты все неправильно поняла! – запаниковал Мей-Ар.

Он схватил безумную женщину за руки, пытаясь остановить. Она вывернулась и вцепилась ему в лицо, выдавливая длинными большими пальцами глазные яблоки. Мей-Ар закричал. Эсфирь ответила на этот крик истошным воплем. По пальцам потекла глазная жидкость. Мей-Ар дернулся, не устоял на ногах и повалился на спину. Запрокинув голову, Эсфирь беззвучно завыла, затем подошла к капсуле, где находилась Манх, и отключила системы жизнеобеспечения.

Таким было ее первое убийство.

Глава шестнадцатая

«Мы – то, что нас окружает».

Десяток точек энергетической сцепки, прыжков, смещений ТС. Два резонансных кармана, из которых куб едва смог выбраться, разрывая на части свои основные протоколы, чтобы можно было цепляться за временные колебания, где трехмерное время Подпространства то замирало, то бешено мчалось вперед. Одно нападение диких обитателей необжитых территорий, отбить которое удалось благодаря резонатору образов, спрятанному Джиль-Ла среди энергетических переплетений нестабильного от множества прыжков куба. Подобным оружием пользовались исключительно хранители, но Окс решил не напоминать сейчас о правилах Иерархии и возможном наказании за использование резонатора образов. «Хорошо, что это не оружие адептов, способное выбросить из Квазара в произвольный набор, и то ладно», – подумал он, но потом, когда куб сцепился с ТЭС недалеко от поселения содомитов, решил, что будь у него возможность, то обязательно взял бы с собой оружие адептов и плевать на правила и законы клириков.

– Мы то, что нас окружает, – сказала Джиль-Ла, указывая на поселение, раскинувшееся в Подпространстве недалеко от точки энергетической сцепки, где остался старый куб переносов.

– Я представлял это место другим, – признался Окс. – Думал, что столкнусь здесь с чем-то жутким, безумным, а это… – он растерянно смотрел на причудливые постройки, созданные из энергии Квазара. – Не пойму только, где содомиты?

– Я же говорю, местные свихнувшиеся ученые постоянно экспериментируют. Сейчас ими запущен проект «Мы – это то, что нас окружает».

– И где, черт возьми, все люди?

– Ученые перенастроили их точки сборки так, что люди стали тем, что было им ближе всего в жизни.

– Да, я помню об этом, но… – Окс замолчал, заметив странную пульсацию поселения.

Это не было похоже на особенности строений в Квазаре. Скорее что-то осмысленное, словно… поселение было живым. Десятки, сотни деталей, двигавшихся по выверенной траектории как толпа людей, которая кажется хаотичной, но каждый индивид поддерживает строй, не позволяя потоку превратиться в давку. Окс, не ожидавший увидеть подобное, выругался.

– Испугался? – ехидно спросила Джиль-Ла. – Думаешь,

как только пересечешь границу поселения, то превратишься… – она окинула пассажира усталым взглядом. – Как думаешь, в кого ты превратишься? Я помню, ты говорил, что в Размерности большинство твоих эмоций приходилось переживать Лиору благодаря созданной Эсфирь сети, но здесь ведь не Размерность.

– Надеюсь, что останусь собой, – сказал Окс, наконец-то отыскав взглядом в поселении обычного человека.

Высокий и стройный мужчина шел между пульсирующих жизнью, созданных из энергии образов домов и механизмов, не сводя глаз с прибывших в кубе чужаков.

– Если он не превратился, то и у нас есть шанс сохранить прежние формы, – сказал Окс.

– Считаешь себя особенным?

– Нет, но… – он не успел договорить, потому что незнакомец из гостеприимного жителя превратился вдруг в дикого варвара и, обнажив острые зубы, побежал к чужакам.

Джиль-Ла выстрелила в нападавшего четыре раза, но он продолжил бежать.

– Какого черта? – растерялась она.

Содомит зарычал, почувствовав близость жертв.

– Кажется, у него модифицированная точка сборки, – успела сказать Джиль-Ла за мгновение до того, как нападавший перешел с бега на гигантские прыжки, катастрофически быстро сокращая расстояние.

– Проваливай с куба! – заорала Джиль-Ла, и, не дожидаясь ответа, толкнула Окса в грудь.

Потеряв равновесие, он упал на спину. Джиль-Ла переключила протоколы куба в режим прыжка, сбросив координаты точки энергетической сцепки. Установленный в центре стержень заискрился, высвобождая тонкие нити. Не имея установленных координат, они тщетно пытались отыскать ТЭС для подготовки к прыжку. Одна из нитей почувствовала энергетический образ Джиль-Ла и потянулась к хозяйке куба, которая едва успела увернуться. Другие опутали прыгнувшего на Джиль-Ла содомита. Его голодный рык сменился воплем ужаса, когда нити, пронзив энергетический образ, разорвали основные связи протоколов точки сборки безумца. Тело содомита заискрилось и распалось на части.

Упав рядом с Оксом, Джиль-Ла спешно начала отползать дальше от куба. Окс последовал ее примеру.

– Что теперь будет с кубом? – спросил он.

– Если основные протоколы выдержат и простейшие алгоритмы управления не разберутся, что ТЭС находится прямо под ним, то ничего страшного, а если нет, то… – Джиль-Ла

прервалась, увидев еще трех содомитов на окраине поселения, и, не сдержавшись, выругалась.

– Что это значит? – спросил Окс, все еще думая, что речь идет о кубе и последствиях активации прыжка без заданных координат ТЭС. – Я не очень хорошо разбираюсь в сленге Квазара, поэтому…

– Заткнись и посмотри на северную границу поселения, – велела Джиль-Ла.

Окс подчинился, увидел содомитов и смачно выругался на сленге Размерности.

– А я думал, все жители поселения принимают участие в проекте «Мы – то, что нас окружает», – сказал Окс.

– Сомневаюсь, что это жители поселения.

– Разве это не содомиты?

– Не все содомиты живут в поселении, к тому же… – Джиль-Ла вздрогнула, услышав хлопок оборвавшейся нити, которой повезло нащупать под кубом опору ТЭС. – Твою мать! – только и успела сказать Джиль-Ла до того, как алгоритм управления получил сигнал от оборвавшейся нити о координатах возможной сцепки и перенаправил остальные нити в эту точку.

Стержень загудел, изогнулся, тщетно пытаясь натянуть энергетическое пространство, чтобы набрать необходимую для прыжка энергию. Куб задрожал и начал заваливаться набок, но прежде чем он успел опрокинуться, сломался стержень. Протоколы, необходимые для создания куба, распались, высвободив используемую для проекта энергию. Окс и Джиль-Ла отвернулись, одновременно выругавшись на разных наречиях, но суть ругательств была одна.

– Кажется, мы влипли, – сказал Окс, поворачиваясь к северной окраине поселения, откуда приближались, клацая зубами, дикие содомиты.

– Мой куб! – пролепетала Джиль-Ла.

– К черту куб, сейчас у нас есть проблемы серьезнее!

– Куда серьезней?! Без куба мы здесь застряли!

– Как быть с другими содомитами? Ты была здесь прежде. Соберись и придумай план действий.

– Я никогда не встречала подобный вид.

Привлеченные вспышкой распавшегося куба, одичавшие люди, ТС которых давно утратили базисные протоколы человеческого облика, озирались по сторонам, ища причины случившегося.

– Если они нас увидят, то мы влипли, – прошептал Окс.

– Мы не в Размерности! – цыкнула на него Джиль-Ла. – Когда ты привыкнешь, что здесь не действуют обычные для мира материи законы?! У этих содомитов явно изменены основные

протоколы личности, и кто знает, какие еще перемены были проведены.

– Зачем эти безумцы поступают так с собой?

– Не всегда они идут на подобное добровольно.

– Не думал, что содомиты издеваются над содомитами.

– Иногда перемены происходят с людьми до того, как они становятся содомитами.

– Почему тогда они не вернуться в Размерность? Дефектная точка сборки еще не приговор.

– Иногда повреждения необратимы.

– Не обязательно жить в Квазаре.

– Почему все коренные жители Размерности считают Квазар не столько вторым уровнем реальности, сколько глобальной игрушкой, в которую можно играть или не играть по желанию?!

– А разве это не так?

– Ты дурак или пытаешься дразнить меня? И не смей говорить, что ничего не слышал об оружии адептов, которое способно выбросить из Петли Квазар в свободный временной набор, откуда невозможно вернуться.

– Содомиты, которые хотят нас сожрать, не похожи на жертв адептов.

– Я знала как минимум дюжину человек, которым при различных обстоятельствах повредили ТС так сильно, что сознание не могло вернуться в оставленное в Размерности тело. Плюс не забывай о том, что содомитам путь в материальный мир закрыт.

– Можно выбрать коррекцию сознания и прощение.

– Коррекция не всегда помогает. Клирики могут промыть тебе мозги на уровне ядер сознания, а система, проведя кучу сложных анализов, наложит запрет на возвращение в общество. И все – ты содомит, да еще и с частично измененной личностью.

Окс и Джиль-Ла могли пререкаться так вечно – старый как мир спор коренных жителей разных реальностей. От вышедших на охоту содомитов их скрывали волнообразные искажения, которые появились недалеко от поселения после крушения куба и последовавшего за этим энергетического всплеска. Но искрящиеся всполохи гасли, стихали. Сотканное из энергии пространство приходило к изначальному состоянию покоя.

Содомиты чувствовали чужаков, но не могли за стеной энергетических волн вычислить их местоположение. Хозяин содомитов удалил из точек сборки протоколы, отвечающие за визуальное восприятия мира, а также возможность улавливать искусственные запахи. Не могли содомиты и слышать.

Но подобные лишения не были желанием причинить им страдания. Эсфирь была безумным ученым, но не садистом. Она не искала жертв, ей нужны были слуги, которые заменят обслуживающий персонал, работавший на гениальных ученых, делая за них всю грязную работу. Считала ли Эсфирь себя гением? Нет. Но вот Сво-Дош был гениален. Особенно после того, как над ним поработал Мей-Ар – талантливый акеми, совмещавший в себе знания ученых Энрофы. С ним у Эсфирь были давние связи.

Когда сбои восприятия начали заявлять о себе и она попала в исследовательский центр, Мей-Ар оказался одним из ученых, проводивших над ней эксперименты. Две трети личности Эсфирь понимали его поступок. Если бы она хорошо разбиралась в теориях акеми и учении Энрофы, то и сама, несомненно, не смогла бы отказаться от возможности изучить генетическую аномалию, у которой в груди вместо правого легкого в репродукционном центре на стадии формирования плода создали дополнительный мозг. В общем, как ученый она его понимала, но как генетическая аномалия – нет, считая, что выдавленных глаз недостаточно, чтобы расплатиться за причиненные ей страдания.

Последним экспериментом Мей-Ара, перед тем как Эсфирь очнулась и принесла смерть и страдания своим мучителям, стала попытка объединить два мозга, связанных между собой дополнительными жидкими чипами, в общую точку сборки при переходе в Квазар, так как до этого, когда Эсфирь пыталась отправиться в Подпространство, ТС видела только протоколы дефективного, неразвившегося мозга в черепной коробке, игнорируя мозг в груди, превосходящий интеллектом в несколько раз обычный мозг человека. В результате, обращаясь в терминал переходов, Эсфирь не могла полноценно пользоваться ни оставленным в Размерности телом, ни частью сознания, сформировавшей в Квазаре посредством точки сборки энергетический образ, соответствующий физической оболочке. Получалась, что Эсфирь находится не здесь и не там.

Мей-Ар, придя в отдел ученой репродукционного центра по имени Манх, пытался исправить просчеты врачей, допущенные на стадии формирования ребенка, внеся необходимые изменения в основные ядра сознания Эсфирь.

Эксперимент не интересовал Манх, да и Мей-Ар занимался этим в основном для того, чтобы скрыть от наблюдателей Всемирной иерархии, курирующих проект, основные цели исследований, направленные на создание сверхчеловека и возможности превратить генетическую аномалию Эсфирь

в закономерность, выращивая в репродукционных центрах гениев с дополнительным мозгом вместо правого легкого. Позднее Мей-Ар забросил работу над КвазаРазмерной совместимостью Эсфирь на стадии бета-тестирования, хотя и добился неплохих результатов. Для продолжения корректировки основных ядер личности необходимо было выводить сознание Эсфирь из искусственной комы, а это не входило в планы честолюбивых ученых. К тому же их главный эксперимент подходил к концу и требовал максимальной концентрации, особенно после того как Мей-Ар неофициально возглавил проект, заняв место Манх, ставшей добровольцем в предстоящем грандиозном эксперименте по выращиванию дополнительного мозга и установлению стабильных нейронных связей с прежним мозгом на уровне ядер личности.

Мей-Ар не знал, но он почти исцелил Эсфирь, решив проблему совместимости в двухуровневом мире. Недоработкой осталась лишь сохранявшаяся связь сознания, отправленного в Квазар с оставленным в Размерности телом. Протоколы точки сборки, взаимодействуя с модифицированными ядрами сознания, сохраняли ощущения физической оболочки, лежащей в капсуле терминала переходов, передавая чувства на энергетический образ личности в Квазаре. Эсфирь могла слышать все, что происходит в терминале, а при желании ей удавалось заставить физическую оболочку открыть глаза и передать визуальные образы на основные протоколы восприятия ТС.

Связь извлеченного сознания с оставленным в Размерности телом вызывала в первое время дискомфорт, но потом Эсфирь смогла привыкнуть. Да и выбора у нее все равно не было после кровавой расправы, учиненной в исследовательском центре Манх. Эсфирь никогда не пыталась узнать и вспомнить, сколько всего убила людей в тот день, но тогда в голове что-то конкретно щелкнуло – и восприятия вздыбились, выйдя из-под контроля, проглотив всех, кто попал под руку.

После задержания и вынесения приговора Всемирная иерархия заявила о невозможности проведения процедуры корректировки в связи с особенностями генетической аномалии и предложила Эсфирь два варианта дальнейшего развития событий: пожизненная ссылка в случайный резонанс Подпространства, где, превратившись в призрака среди теней отпечатавшегося на плоти энергетического мира прошлого, придется провести в одиночестве и тишине остатки жизни, пока не угаснет сознание; и официальное присвоение статуса «содомит» с последующей ссылкой в Квазар. Присвоение официального статуса означало, что благодаря внесенным

изменениям в протоколы точки сборки она не сможет приблизиться к центрам цивилизации без риска распада ТС, обреченная скитаться вдали от жизни и нормальных людей по бескрайним просторам неиндексированных территорий.

Эсфирь выбрала жизнь содомита, впервые оказавшись в Квазаре за долгие годы. Впрочем, о первом переходе она почти не помнила. Это случилось в далеком детстве, когда родители, замечая отклонения дочери и бесконечные изменения ее восприятий, попытались перебраться в Квазар, послушавшись совета друзей, которые заверили, что в Подпространстве многие дефекты не воспроизводятся точкой сборки, как, например, это происходит с нейропатами, которые лишаются своих способностей в Квазаре. Родители надеялись, что с дочерью произойдет нечто подобное и ее психологическое здоровье пойдет на поправку.

– А потом можно будет отыскать незаконный центр акеми и создать для дочери новый образ, чтобы никто не смог разглядеть в ней генетические отклонения, – говорили они, надеясь на лучшее.

Эсфирь провела в Квазаре чуть больше суток и спешно покинула Подпространство, начиная сходить с ума от связи с оставленным в Размерности телом. Да и созданный точкой сборки образ она едва могла контролировать.

«Но это все равно лучше ссылки в произвольный временной набор Подпространства», – думала Эсфирь, надеясь, что сможет приспособиться. О том, что Мей-Ар частично исправил проблему, она не знала.

Хранители сопроводили Эсфирь в официальный терминал КвазаРазмерности, заблокировав в отведенной для ее тела капсуле возможность возвращения извлеченной личности во время бодрствования, сохранив лишь обязательное правило Квазара – прерывание на вторую фазу дня, чтобы система могла провести очистку и перезагрузку с учетом нового резонанса линейного времени, отражая на энергетическом пространстве призрачными тенями настоящее Размерности.

«А все не так и плохо», – подумала Эсфирь, когда ТС сформировала ее образ в Квазаре. Вместе с ней в Подпространство был отправлен хранитель. Эсфирь не запомнила его имени, хотя могла поклясться, что он называл его, когда соблюдал этикет официального знакомства. Потом он почти не разговаривал. Воспользовался отдельным каналом Пульсара, доставил заключенную на последнюю станцию Квазара в районе жилого комплекса Isistius labialis и объявил, что теперь ей присвоен статус содомита, и, если она не уйдет

в неиндексированные территории до конца первой половины двухуровневого дня, начнется распад протоколов точки сборки, и система во время перезагрузки выбросит ее сознание из Петли Квазар в произвольный временной набор, превратив в призрака.

Затем хранитель ушел. Эсфирь осталась одна. Модифицированные акеми ядра сознания взаимодействовали с протоколами точки сборки намного лучше, чем это было в детстве. Эсфирь плохо помнила, как это было много лет назад, но сейчас сформированный точкой сборки образ подчинялся ей. Появился даже стандартный набор чувств. Если бы Мей-Ар закончил эксперимент, то, возможно, он смог бы исправить нестыковки, но так, несмотря на улучшенный контроль, Эсфирь продолжала чувствовать оставленное в Размерности тело.

«А что если попробовать вернуться?» – подумала она, но в первые годы скитаний по неиндексированным территориям у нее этого не получалось. Нужны были дополнительные корректировки ТС и детальная доработка ядер сознания – процедура, непосильная для Эсфирь, несмотря на все ее знания и гениальный мозг, созданный в репродукционном центре. Поэтому оставалось приспосабливаться. Со временем она научилась отключаться, разрывать на какое-то время связь с Квазаром. Умение было особенно полезным в дни, когда становилось совсем туго.

Несколько раз Эсфирь по неопытности попадала в плен к адептам «Мункара и Накира», которые использовали беглых заключенных и содомитов в качестве тренировочного материала на своих закрытых базах. Адепты не убивали пленников, но переживать процедуру распада базисных протоколов точки сборки снова и снова было малоприятно. Лишь самым невезучим из пленников выпадала участь стать подопытными для работавших на адептов акеми, которые испытывали новые виды оружия.

Говорят, среди содомитов нет друзей, но Эсфирь успела сблизиться с двумя отверженными, прежде чем ученые испытали на них модифицированное оружие, выбросившее сознания из Квазара в произвольный резонанс. В тот день Эсфирь умоляла адептов забрать для экспериментов и ее, потому что жить без друзей в чуждом мире энергии совершенно не хотелось. Потом одиночество стало нормой, естественной формой восприятия. Эсфирь адаптировалась, став частью неиндексированных территорий. Она больше не отрицала мир вокруг, а, наоборот, с безумием обреченного хотела жить, снова и снова сбегая из тренировочных лагерей адептов, пока не стала хитрее них, изворотливее.

Это произошло в день, когда Эсфирь встретилась с содомитом по имени Аст-Пла, который научил ее создавать собственные протоколы, черпая энергию для создания необходимых продуктов непосредственно из Подпространства. Он никогда не рассказывал Эсфирь, за какой проступок стал содомитом, но именно от него она узнала о далеком поселении, где наряду с безумцами существуют отверженные ученые. Что касается Аст-Пла, то он бежал оттуда в надежде воссоединиться с семьей, оставшейся в районах жилого комплекса Hexactinellida, заверяя Эсфирь, что смог взломать ограничения, заложенные Иерархией в его ТС, чтобы запретить возвращение в центры цивилизации.

– Если ты действительно смог это сделать, то должен поделиться знаниями с другими, чтобы каждый содомит имел возможность освободиться, когда решит, что пришло время, – сказала Эсфирь.

Аст-Пла пообещал, что именно так и сделает, но сначала должен убедиться, что система работает, став первым подопытным.

– Если у тебя все получится, то найди меня, – попросила Эсфирь.

– Не сомневайся, – пообещал Аст-Пла.

Больше она никогда не видела его, решив, что акеми допустил ошибку в вычислениях и не уцелел. В память о нем остались лишь опыт да желание добраться до поселения содомитов. На последнее Эсфирь потратила не один месяц, совершенствуя и развивая знания, полученные от Аст-Пла. Первые протоколы, написанные Эсфирь, были неловкими и кособокими. Энергия, почерпнутая напрямую из Подпространства, искрилась и вызывала бесконечные замыкания, пока созданный продукт не рассыпался на части.

– Рожденный из энергии в энергию обратится, – ворчала в первые недели Эсфирь, не отчаиваясь от неудач, потом просто молчала и наконец начала злиться, вымещая гнев на случайных прохожих.

Обычно под руку попадали такие же содомиты, как и она. Молодые и неопытные, они ничего не знали о неиндексированных территориях, не знали о тренировочных лагерях адептов, не знали о безумных генетических ошибках, терявших контроль, устав от неудач программирования. Эсфирь никогда не прогоняла их. Вначале она пыталась объяснять им правила и порядки неиндексированных территорий, но новички не хотели слушать. Они мечтали либо вернуться в цивилизацию, либо продолжить совершать безумные поступки, за которые им присвоили статус

содомитов, выпытывая у Эсфирь, где им отыскать новых жертв для своих извращенных забав.

– Это неиндексированные территории, здесь нет обычных людей, – говорила им Эсфирь.

– Ты выглядишь нормальной, – говорили молодые содомиты, и понимание этого не давало им покоя, заставляя, дождавшись удобного момента, напасть на женщину, взявшую их под свое покровительство.

Они ждали, когда она потеряет бдительность, и нападали со спины. Первые атаки были неожиданностью для Эсфирь, главное безумие которой – бесконечные изменения восприятия – осталось в Размерности. Молодые содомиты боролись с безумным отчаянием, и не было шанса сохранить им жизни, разве что уступить, потеряв жизнь собственную.

Первые убийства заставляли ненавидеть себя. Она злилась и тщетно пыталась понять, что сделала не так, но потом осталась пустота. Эсфирь смирилась, настырно продолжая предлагать дружбу новичкам, обещая, что вместе они доберутся до поселения содомитов, где все будет совсем не так, как в большинстве неиндексированных территорий. Только теперь Эсфирь не позволяла новичкам подобраться к себе со спины, готовая к предательству. Да и программирование наконец-то начало спориться. Первые рабочие протоколы, созданные Эсфирь, стали простейшими алгоритмами защиты. Теперь она могла не волноваться о нападении. Новички сочли беспечность защитника за слабость и невнимание. Нападений стало больше и, соответственно, больше смертей. Молодые содомиты гибли не в силах противостоять созданным Эсфирь алгоритмам защиты, основные протоколы которых, взаимодействуя с ТС нападавшего, активировали дополнительные протоколы, интегрируемые Всемирной иерархией каждому содомиту.

На второй дюжине жертв Эсфирь перестала вести счет глупцам, решившим напасть на нее. Простейшие алгоритмы защиты работали исправно. Они не смогли бы справиться только с обычным человеком, в ТС которого не было внесено дополнительных протоколов, способных разрушить связи точки сборки при нарушении установленных правил, но простые люди встречались в неиндексированных территориях крайне редко, если не считать акеми и адептов «Мункара и Накира». Еще дважды адепты едва снова не пленили Эсфирь. Поэтому она начала дорабатывать алгоритмы защиты, создавая собственные протоколы, способные причинить вред не только содомиту, но и простому человеку.

Работа продвигалась медленно, и когда Эсфирь достигла

поселения содомитов, новые протоколы так и не были закончены. Пара психопатов, обитавших за чертой поселения, вышли встретить новенькую. Эсфирь не боялась их, зная, что содомиты не смогут причинить ей вред.

– Свежее мясо! – протянул один из психопатов, кружа возле Эсфирь словно хищник возле добычи, которую собирается убить лишь после того, как наиграется вдоволь.

Он оскалился, показывая острые зубы, передававшие точный образ его зубов в материальном мире, которые он заточил, когда охотился на людей. Он скрывался от хранителей почти два года и, возможно, убил бы еще больше людей, если бы однажды не забрал жизнь человека, связи которого позволили нанять адептов «Мункара и Накира». Убийцу вытащили из крысиной норы, где он скрывался от закона, частично удалив жидкий чип, чтобы избежать слежения. Хранители нашли его утром возле Института всемирной иерархии. Адепты частично восстановили жидкий чип убийцы и насильника, внеся непоправимые изменения в структуру тела, размягчив кости и повысив болевые ощущения так, чтобы мужчина задыхался от боли, но не мог отключиться или сойти с ума. У клириков не было иного выбора, кроме как провести быстрое заседание и отправить убийцу в Квазар, присвоив статус содомита, назвав поступок адептов бесчеловечным и придав анафеме подобные действия впоследствии.

Оказавшись в Квазаре, убийца долго не мог прийти в себя после пережитого, бродя недалеко от центров цивилизации, лелея мысль о самоубийстве, но потом освоился, адаптировался и начал охотиться на новых содомитов, беглых заключенных и туристов, забиравшихся в энергетические дебри неиндексированных территорий, желая пощекотать нервы, испытав судьбу. Потом туристы стали умнее, агрессивнее. Особенно те, что были поклонниками популярных игровых площадок. Устав от безопасности таких игр, как «Голод» или «Фивы», они собирались в группы и устраивали туры в неиндексированные территории, чтобы охотиться на беглых преступников и содомитов, заставляя их отступать вглубь Квазара. Убийцы и психопаты достигали поселений акеми, но там действовали многоуровневые системы защиты, не позволяя подобраться к потенциальным жертвам, а в тренировочных лагерях адептов в жертв превращались уже сами содомиты.

Поэтому они шли дальше, следуя за призрачными слухами о поселении, где живут люди, подобные им, строя новое общество согласно восприятиям и мировоззрению содомитов – рай для убийц, психопатов и садистов. Многие из них бродили

по неиндексированным территориям всю жизнь в тщетных попытках отыскать поселение. Другим везло больше, но достигнув цели, они понимали, что для жизни в поселении одного безумия недостаточно – требуются особые навыки, идеи, таланты. Некоторые разворачивались и уходили, другие предпочитали остаться. Обитая на окраинах, они охотились на новых содомитов, которых приводила в поселение легенда рая для безумцев.

– Свежее мясо! – ворковали они, завидев новичка.

Жившие в поселении содомиты не обращали на безумцев внимания. Не волновала их и судьба новоприбывших. Они считали, что если новичок не может защитить себя, то ему не место в поселении. Он либо погибнет, лишившись энергетического образа и основных протоколов ТС, либо присоединиться к бездарным содомитам, которые увидят в нем собрата.

Когда Эсфирь достигла поселения, то ей пришлось уничтожить как минимум дюжину свихнувшихся содомитов, прежде чем они отступили, позволив ей пройти.

– Очень примитивный алгоритм защиты, – буркнул первый встретивший ее поселенец, спросил, нет ли у нее еще изобретений, услышал отрицательный ответ и потерял интерес к новичку.

Глава семнадцатая

Первые несколько месяцев в поселении содомитов оказались самыми сложными. Эсфирь приспосабливалась, училась, когда нужно принимать местные правила, а когда лучше вставать в позу и готовиться отстаивать свою позицию, пусть даже и ценой жизни. Она не знала почему, но в свободное время ей нравилось ходить на окраины поселения и наблюдать за дикими содомитами, бродившими в окрестностях как стая стервятников в поисках падали. Иногда Эсфирь везло и ей удавалось увидеть, как дикие содомиты нападают на пришедших новичков. Эсфирь была последней, кому удалось пройти проверку. Остальные погибали, и она чувствовала себя особенной, воспринимая попытки новичков пробиться в поселение как личный вызов.

Когда на окраине поселения появился Сво-Дош, Эсфирь, как и обычно, наблюдала за дикими содомитами. Заметив чужака – первого за последние несколько недель, – она радостно потерла руки, надеясь увидеть достойное шоу.

– Помоги мне! – крикнул Сво-Дош, увидев Эсфирь, стараясь не обращать внимания на шипение и рычание диких содомитов.

– Помочь? – растерялась Эсфирь, потому что никто прежде не обращался к ней, считая одной из нападавших.

Дикие содомиты окружили чужака, щелкая зубами.

– Думаю, сейчас самое время показать, что у тебя есть, – посоветовала Эсфирь чужаку.

– У меня ничего нет, – сказал он, опасливо оглядываясь и стараясь не позволять диким содомитам заходить со спины.

– Они могут атаковать и лицом к лицу, – предупредила Эсфирь.

Один из содомитов щелкнул зубами и прыгнул на чужака, который увернулся от нападения с поразительной грацией и скоростью. «А он хорош, – подумала Эсфирь, наблюдая, как чужак избегает смертельных объятий диких содомитов. – Если так пойдет и дальше, то он отнимет у меня звание последнего пришедшего в поселение жителя».

– Окружайте его! – крикнула Эсфирь диким содомитом.

Они зарычали, повернули головы, привлеченные голосом, щелкнули острыми зубами и тихо заскулили, признавая превосходство Эсфирь.

– Окружайте чужака! – нетерпеливо всплеснула она руками.

Содомиты заклацали зубами. Кольцо вокруг чужака сомкнулось.

– Ага! Попался! – запрыгала Эсфирь, и со стороны казалось,

что еще мгновение, и она набросится на него вместе с дикими содомитами. – Я останусь первой! Я останусь первой! Первооой! Пер…

Чужак лихо взвился высоко вверх, нарушая правила основных протоколов личности, модифицированной для существования в Квазаре.

– Ух ты! – раскрыла рот, словно ребенок, Эсфирь. – Вот это фокус!

Чужак поднялся высоко вверх, завис и неожиданно спикировал под углом за спины диких содомитов. Завыв от разочарования, они обернулись, попытались схватить ускользнувшую жертву, но чужак уже бежал к поселению. Никогда прежде Эсфирь не видела, чтобы кто-то в Квазаре мог развить подобную скорость, пользуясь исключительно протоколами точки сборки.

– Что за фокус? – растерянно хлопала она глазами, наблюдая, как чужак приближается к ней.

Дикие содомиты продолжили преследование. Их жертва проскользнула мимо Эсфирь, и они, несмотря на страх, попытались поступить так же. Эсфирь наблюдала за ними несколько секунд, затем очнулась, активировала защитные алгоритмы, уничтожив связи протоколов точек сборки у содомитов, успевших проскочить мимо нее первыми. Остальные преследователи резко остановились, зарычали и, щелкая зубами, начали отступать.

– Ты цел? – спросила Эсфирь спасшегося чужака.

– Ты… Ты давала им советы, как поймать меня! – растерянно сказал он, недоверчиво отступая.

– Ты занял мое место, – пожала плечами Эсфирь.

– Что?

– Я была последней, кто смог прорваться в поселение. Теперь последним будешь ты.

– И что это меняет?

– Уважение? Гордость?

– Так это здесь ценят?

– Нет, но это можешь ценить ты. Никто ведь не запрещает тебе гордиться своей исключительностью.

– Тоже мне – исключительность!

Эсфирь пожала плечами.

– Ты ведь издеваешься надо мной? – прищурился чужак.

– Нет.

– И что, здесь все такие странные?

– Не знаю. Мы не особенно общаемся друг с другом… После того как я пришла, меня трижды пытались силой превратить

в подопытную крысу очередного чокнутого ученого, пока я не разобрала на части их точки сборки.

– Ты умеешь разрушать связи протоколов ТС?

– Каждый что-то умеет, – Эсфирь подошла ближе. – Взять хотя бы тебя. Скажи, как ты научился двигаться так быстро?

– Долгая история.

– А ты куда-то торопишься?

– Нет, но…

– Вот и я никуда не тороплюсь, – Эсфирь представилась, услышала в ответ имя чужака. – Сво-Дош, – протянула она, пытаясь вспомнить. – Ты был акеми, верно?

– Мой отец разработал систему альтернативных подпространственных двигателей, но затем решил поставить на ней крест. Я выкрал разработки и попытался возродить проект… Неудачно попытался.

– Погибли люди?

– Много людей.

– А твои способности передвигаться быстрее энергетического всплеска?.. Это…

– Немного доработанный вариант альтернативного двигателя.

– Понятно…

Они замолчали, смущенно разглядывая друг друга. Где-то далеко щелкали зубами дикие содомиты, кружа вдоль границы поселения и пуская слюни, глазея на потенциальную жертву, которая смогла ускользнуть от них.

– Если я повернусь к тебе спиной, ты не ударишь меня? – спросил Сво-Дош.

– А зачем тебе отворачиваться от меня? – обиделась Эсфирь.

– Я ведь шел не к тебе, а в поселение. Мне нужно осмотреться и…

– Не думай, что дикие содомиты – это самое страшное и сложное из того, что ждет тебя здесь, – предупредила Эсфирь.

Сво-Дош кивнул, но не поверил ни слову. Он осторожно отступал, продолжая следить за странной высокой женщиной с неестественно крохотной головой и огромными вращающимися глазами. Шаг за шагом, не поворачиваясь к ней спиной, он, добравшись до созданного из энергии строения, скрылся за его смазанным углом, пульсирующим непонятными нарывами фиолетовых цветов на фоне кристально белого.

– Ты хорошо двигался, – услышал Сво-Дош похвалу, но не сразу понял, что говорит с ним не человек, а странное, пульсирующее строение, возле которого он стоял. – Если ты не против, то я бы хотел изучить исходники твоих протоколов

движения.

– Еще чего!

– Жадина, – цвет строения из белого медленно перетек в изумрудный, пульсации усилились, распространяясь от углов к центру.

Сво-Дош молчал, а дом продолжал надуваться, вспучиваться.

– Думаю, лучше отойти от него подальше, – сказала Эсфирь, схватив новичка за руку и оттащив в сторону. – В прошлый раз я видела, как он надулся, а потом сложился до размеров сжатого кулака, проглотив идиота, которому хватило ума стоять рядом.

– Что это такое, черт возьми? – спросил Сво-Дош. – На кой черт строить такие дома!..

– Это не дом.

– Нет?

– Это наш свихнувшийся акеми, который занимался строительством, пока не превратился в содомита. Его зовут Лат-Ри, и когда в следующий раз он будет приставать к тебе, постарайся как можно чаще называть его имя – это приводит его в чувство. Ненадолго, конечно, но все лучше, чем слушать бесконечное брюзжание пульсирующего дома.

– Понятно, – Сво-Дош окинул внимательным взглядом спасительницу, которая совсем недавно давала советы диким содомитам, как лучше убить его, а теперь просто светилась добродетелью. – А какая роль у тебя?

– Что?

– Ну, Лат-Ри – ворчливый дом, а ты…

– Нет! – рассмеялась Эсфирь. – Лат-Ри не всегда меняет свою точку сборки так, чтобы стать домом. Иногда он превращается во что-то другое… Ты часто бывал в Размерности? Видел, сколько там бесполезных вещей? Вот Лат-Ри и выбирает себе что-то, меняя протоколы ТС, а потом злится и цепляется ко всем, потому что не может привыкнуть к новому состоянию. Хотя мне кажется, домом быть у него неплохо получается. Знаешь, раньше, в эпоху до КвазаРазмерности, люди верили, что все вокруг наделено жизнью, у каждого неживого предмета есть душа. Душу дома, например, они называли домовыми. Думаю, если бы кто-то из далекого прошлого увидел Лат-Ри в роли строения, то назвал бы его идеальной душой дома. Ворчливой, правда, до безобразия, но…

– Я все слышу! – обиделся пульсирующий дом за спиной Эсфирь, изменив цвет с янтарного на рубиновый.

– А я все еще помню, как ты проглотил меня и держал внутри себя почти месяц, – сказала ему Эсфирь.

– Когда ты внутри, то вызываешь еще больше негативных

чувств, чем когда видишь тебя снаружи.

– Чтоб ты поперхнулся в следующий раз, Лат-Ри!

– Да хоть прямо сейчас. Ты только подойди поближе.

Человек-дом вздулся, пытаясь дотянуться до Эсфирь, затем неожиданно сложился в крохотную коробку.

– Вот так уже лучше, Лат-Ри! – похвалила его Эсфирь. – Намного лучше, чем большой гнойный дом. Намного! – она повернулась к Сво-Дош. – Ты согласен?

– Не знаю, – он бросил на сложившийся дом мимолетный взгляд. – Наверное, у каждого своя роль.

– Да.

– И ты до сих пор не сказала мне, какая роль здесь у тебя. Чем надлежит заниматься в поселении тебе?

– Чем надлежит заниматься? – Эсфирь нахмурилась. – Мальчик! Это поселение содомитов. Здесь никто никого ни к чему не обязывает. Мы занимаемся тем, чем хотим.

– Но на окраине поселения находилась только ты.

– Так ты думаешь, что я здесь вроде проводника?

– Я не прав?

– Полагаю, в детстве ты был поклонником игровых порталов и по сей день продолжаешь воспринимать жизнь сквозь призму игровых реалий.

– Я – акеми.

– Тогда какого черта несешь чушь о проводниках?

– Да все это поселение – одно большое недоразумение!

– А чего ты ждал? Порядка? Нужно было думать об этом до того, как стать содомитом.

– А мне он нравится, – вклинился в разговор высокий, худощавый старик.

Эсфирь смерила старика гневным взглядом. В ответ он подарил ей теплую родительскую улыбку.

– Не обращай внимания на эту странную женщину, – сказал он новичку. – Она – генетическая ошибка. Сначала врачи репродукционного центра ставили над ней эксперименты в детстве, затем она попала в лабораторию к чокнутым ученым, где превратилась в подопытную крысу, после чего начала убивать всех, кто напоминал ей о прошлом.

– Не всех, – смутилась Эсфирь.

– Ах, прости, совсем забыл, что одному из них ты просто выдавила глаза, оставив корчиться от боли. – Старик повернулся к Эсфирь спиной и снова широко улыбнулся новичку: – Меня зовут Вент. А тебя?

– Сво-Дош.

– Коренной житель Квазара?

– А ты из Размерности?

– Работал резонансным инженером, – на лице старика появилось болезненное выражение. – Я понимаю, что акеми ненавидят резонансных инженеров, считая, что они уродуют мир Подпространства, но прежде чем судить меня, выслушай одну историю в моем доме, – старик жестом предложил новому знакомому пройти в небольшое строение, стены которого стали прозрачными, готовясь принять гостей.

– На твоем месте я бы сто раз подумала, прежде чем идти с этим старым извращенцем в его берлогу, – предупредила новичка Эсфирь.

– Не слушай ее, – проворковал старик на ухо новому другу, обнимая за плечи.

Сво-Дош не обернулся. Стены энергетического строения пропустили их и сразу превратились в непрозрачный монолит.

– Вот идиот, – покачала головой Эсфирь. – Мы же содомиты, а не клирики.

За время пребывания в поселении она трижды замечала, как старик Вент заманивает в свой дом диких содомитов, которые шакалят на окраинах. Эсфирь не видела, чтобы они выходили. И если первый раз она стала случайным свидетелем, то потом уже наблюдала за домом старика осознанно. «Что он делает с дикими содомитами?» – гадала Эсфирь, видя, как спустя несколько дней из дома выходит довольный старик. Какое-то время он как неприкаянный бродил по поселению, стараясь держаться подальше от окраин, чтобы не видеть диких содомитов. Большинство жителей игнорировали друг друга, но старик Вент не оставлял попыток завести знакомство. Затем он злился, кипел желчью, цепляясь ко всем, кто попадался под руку, и в итоге отправлялся на окраины поселения и дразнил диких содомитов, заставляя начать преследование, пока жертва и охотник не скрывались за энергетическим полем стен дома старика. Вот только кто был в этой погоне жертвой, а кто охотником?

– Охотишься за охотником? – спросил однажды бывший хранитель по имени Рафаэль, который сошел с ума от бесконечных корректировок сознания и был выдворен Иерархией за пределы цивилизованной части мира с присвоением статуса содомита. Эсфирь разговаривала с ним несколько раз, но так и не смогла узнать, убивал он кого-нибудь или нет после того, как спятил, но еще не получил статус содомита.

– Что значит – охочусь за охотником? – переспросила тогда Эсфирь.

– Ты ведь убийца, – пожал плечами бывший хранитель. – И не спорь, я вижу это у тебя в глазах.

– А ты не думал, что мой образ может оказаться подделкой? Я понимаю, если бы мы встретились в Размерности, а так…

– Сомневаюсь, что ты изменила протоколы точки сборки.

– Откуда такая уверенность?

– Никто бы не стал добровольно делать себе настолько уродливое лицо.

– Дурацкая шутка, – скривилась Эсфирь.

– Это не шутка.

Рафаэль поднялся, подошел к дому старика Вента и заглянул внутрь, словно на пути и не было преград в виде энергетических стен.

– Что там происходит? – спросила Эсфирь.

– Ты не захочешь этого знать.

– Не решай за меня.

– Я не решаю. Об этом снова говорят твои глаза.

В тот день Эсфирь дала себе зарок, что когда-нибудь выпытает у Рафаэля секрет, как он преодолевает энергетические преграды стен. «Конечно, все это штучки хранителей и добра от них не жди, но иногда это может пригодиться», – думала она тогда.

Сейчас, глядя на неприступный дом старика Вента, Эсфирь ругала себя, что не узнала у бывшего хранителя, как преодолевать преграды энергетических стен. «Может быть, найти Рафаэля и попросить помочь? – гадала она. – Или новому поселенцу помощь не нужна? Он ведь содомит, как и все мы, – совсем не то что люди на границах поселения, утратившие человечность. Что если это старику Венту нужна помощь?» Эсфирь улыбнулась, решив, что старому извращенцу точно не станет помогать, даже если он будет умолять на коленях.

– Мерзкий старикашка, – передернула плечами Эсфирь и уже собиралась уйти, когда, разрывая энергетические стены, из дома Вента выскочил Сво-Дош.

Нарушенные протоколы родили всполохи яркого света, накрывшего всю территорию немалого поселения. Схемы взаимодействия с окружающим миром дали сбой, ослепив разноцветными переливами всех, кто находился поблизости. Пробив энергетические стены, Сво-Дош, продолжая движение, устремился под углом вверх, зависнув над крышами домов поселения. «Сейчас он сбежит от нас навсегда», – успела подумать Эсфирь, прежде чем Сво-Дош рухнул вниз, вызвав новую энергетическую волну.

– Ух! Что это было? – засуетились жители, выбираясь из своих домов.

Дикие содомиты, словно в них действительно проснулся

инстинкт стервятников, потянулись к упавшей жертве. Сво-Дош не двигался.

– А ну пошли прочь! – заорала Эсфирь на диких содомитов, решив, что новичок мертв, и не желая смотреть, как утратившие остатки человечности существа разрывают его на части. – Кыш!

Размахивая руками, она приблизилась к новичку, решив, что лично разрушит его протоколы ТС, но крайняя мера не понадобилась. Сво-Дош очнулся, осторожно проверяя связь с образом.

– Кажется, все цело, – сказал новичок, заметил диких содомитов, круживших невдалеке, и попытался подняться.

Протоколы ТС дали сбой, не позволив сделать этого.

– Давай помогу, – предложила Эсфирь, протягивая ему руку.

– С чего бы это? – спросил Сво-Дош, переводя взгляд с Эсфирь на диких содомитов и обратно. – Разве ты не хотела, чтобы эти дикари сожрали меня, оставив за тобой право быть последним содомитом, пришедшим в это поселение?

– Это было давно, – отмахнулась Эсфирь.

– У тебя проблемы с восприятием времени или это тоже какая-то особенность поселения?

– А ты шутник.

– Да какие тут шутки?! – Сво-Дош вспомнил старика Вента и устремил напуганный взгляд к искрящемуся разорванными протоколами дому извращенца.

– О! – улыбнулась Эсфирь.

– Что «о»? – растерялся Сво-Дош.

– Ну, судя по тому, как ты выскочил оттуда…

– Ты должна была предупредить меня, – новичок снова попытался подняться, увидел жителей поселения, любопытно разглядывавших его. – Чего это они? – спросил он.

– Вышли посмотреть на тебя.

– Зачем на меня смотреть?

– Ты только что пробил энергетическую стену в доме старого извращенца, а эти люди… – Эсфирь бросила беглый взгляд на поселенцев, отмечая, что это первый раз, когда они проявляют подобный интерес. – Они просто ученые.

– И что это значит?

– Не хочешь рассказать им, как тебе удалось пробить энергетическую стену?

– Нет.

– Обещаю, они будут слушать и смогут оценить…

– Это опасно! Из-за этого уже погибло много людей! – закричал он, заставляя свихнувшихся ученых неодобрительно нахмуриться.

– Не делай так, – очень тихо посоветовала Эсфирь. – Не разочаровывай этих психопатов.

– Иначе что? – скривился Сво-Дош. – Что вы мне сделаете?

Он подошел к собравшимся ученым и заорал. Никого это не напугало. Сво-Дош трижды повторил попытку.

– Думаете, могу только кричать? – зашипел он, давясь бессильным гневом, затем неожиданно метнулся вперед, схватил женщину-содомита по имени Анк и активировал интегрированные в точку сборки протоколы взаимодействия с энергией Подпространства, необходимой для перемещения на высоких скоростях, которые не способна обеспечить стандартная энергия извлеченного из оставленного в Размерности тела сознания.

Стандартные протоколы движения перестали действовать, и Сво-Дош, крепко прижимая к себе женщину-содомита, стремительно взмыл в переливающуюся даль неба Квазара. Дикие содомиты оживились и, громко улюлюкая, начали подпрыгивать, пытаясь повторить трюк новичка. Чокнутые ученые не двигались. Молчала даже Анк, которую Сво-Дош поднял высоко над материей Квазара, угрожая отпустить, подвергнув распаду основные протоколы ТС.

– Почему ты не кричишь? – разозлился он. – Почему не боишься?

Перегрузки исказили его образ. Координация нарушилась. Сво-Дош ослабил объятия, и Анк полетела вниз – без единого звука или движения. Снижение нагрузки помогло защитным системам локализовать сбой. Контроль вернулся, и Сво-Дош успел поймать женщину-содомита незадолго до того, как она разбилась о поверхность. На новый подъем сил не было, и они рухнули на пульсирующие внизу строения, немного смягчившие удар.

– Ты должна была закричать, – сказал Сво-Дош женщине-содомиту, чувствуя, как медленно возвращается контроль над восприятием после падения. – Просто закричать – и все бы закончилось.

Он поднял голову, пытаясь заглянуть Анк в глаза, но не смог разглядеть ее лица – только бледное пятно, в котором смутно проглядывались знакомые черты…

– Что за черт? – растерялся Сво-Дош, когда до него дошло, что женщина превратилась в него.

– Не знаю, как это произошло, но…

Поселенцы окружали его, нависали молчаливыми судьями.

– Я просто хотел напугать ее, – сказал Сво-Дош – и вздрогнул, потому что женщина-содомит с его лицом зашлась истеричным

воплем.

– Что происходит? – испуганно уставился он на поселенцев, понимая, что их лица тоже стали точной копией его лица. И не только лица: голос, тела, одежда…

Десятки голосов слились в единый вопль, который проникал в сознание, сводил с ума, заставляя сделать глубокий вдох, как того требовали протоколы ТС, и заорать вместе со всеми.

– Пожалуй, чокнутый выскочка сам напросился, – сказал Рафаэль, подойдя к Эсфирь.

– Пожалуй, – согласилась она с бывшим хранителем, наблюдая, как поселенцы расходятся по своим домам, а Сво-Дош стоит на коленях и орет что есть силы. – Что они с ним сделали?

– Не они. Это работа всего одного человека, – Рафаэль указал взглядом на спину невысокого широкоплечего мужчины, которого Эсфирь видела впервые. – Его зовут Фарон, – сказал бывший хранитель, – и раньше он работал нейронным инженером, пока не сдвинулся на идее сделать КвазаРазмерность чище, внедрив в сеть небольшую программу, способную перехватывать эмоции человека, преумножать их и возвращать хозяину. Соответственно, Фарон предполагал, что большинство людей добряки и в мире настанет эра блаженства, но вышло все наоборот. Сначала его отдел, а затем квартал и целый уровень взвыли от нестерпимой боли, отчаяния, ненависти и злости. Люди сходили с ума, убивали родных, шли к соседям и продолжали собирать кровавую жатву… Иерархия предпочла замять безумие одного из своих рабочих, присвоив ему статус содомита и выкинув за пределы цивилизованного общества. Говорят, Фарона на какое-то время приютили не то в незаконной лаборатории акеми, не то в центре Энрофы, расположенном в неиндексированных территориях. В общем, он делился с ними своими идеями, а они объясняли ему особенности программирования в Квазаре… Потом он написал код подмены, который применил сейчас к новичку-выскочке, и приютившие его ученые уничтожили друг друга… Правда, все это может оказаться лишь слухами… Сам Фарон никогда не рассказывает о своем прошлом.

– А как он оказался в поселении? И главное – зачем?

– Не знаю. Кажется, он работает над новыми протоколами, ставя иногда эксперименты на диких содомитах, которые бродят вокруг поселения, но я не удивлюсь, если окажется, что и мы давно стали частью его экспериментов.

– И давно он что-то изобретает здесь?

– Не знаю: когда я пришел, он был здесь старожилом.

– Ого! А я почему-то всегда думала, что ты поселился здесь одним из первых, был, так сказать, отцом-основателем поселения

содомитов.

– Сомневаюсь, что это поселение создали содомиты. Некоторые строения, когда я появился здесь, были старыми как мир и принадлежали Всемирной иерархии.

– Вот как? – Эсфирь тщетно пыталась понять, к чему приводит это откровение, какую истину являет. – Думаешь, клирики специально построили это место для первых содомитов? – выдвинула предположение Эсфирь.

– Маловероятно, что поселение создавалось для содомитов. Скорее всего, это место служило для каких-то иных целей… – Рафаэль замолчал, бездумно наблюдая за страданиями новичка.

Сво-Дош катался по земле, рычал, ревел, умолял, молился кому-то, сыпал проклятиями…

– Ты не пытался разобраться, что это были за цели? – спросила Эсфирь, когда поняла, что бывший хранитель не собирается продолжать. – Если ты уверен, что поселение принадлежало Иерархии, то… – она искала ответ так настойчиво, что заболела голова. – Вот зараза, – проворчала Эсфирь. – У меня нет ни одной идеи. Что забыли клирики в неиндексированных территориях? – неожиданно ее осенило. – Ты ведь был хранителем. Ты должен знать больше, чем мы…

– Меня пропустили через столько кругов коррекции личности, что я с трудом имя свое помню.

– Непруха, – вздохнула Эсфирь.

– Да, непруха, – согласился бывший хранитель.

– А другие ученые содомиты? – снова оживилась Эсфирь. – Те, что были здесь до тебя… Ты говорил с ними? С Фароном, например?

– Конечно.

– И что?

– Молчат как рыбы.

– Думаешь, им есть что скрывать?

– Думаю, им просто плевать на то, что здесь было раньше.

– А если надавить на них?

– Чтобы надавить на таких как Фарон или Анк, одного умения проходить сквозь простейшие энергетические стены будет мало.

– Мы можем объединить усилия.

– У тебя есть туз в рукаве или ты думаешь, что сможешь кого-то удивить своими алгоритмами защиты?

– Я очень быстро учусь. Намного быстрее любого другого человека. Я ведь генетическая аномалия. Что запрещает нам развиваться, искать союзников, чтобы померяться силами с Фароном и Анк?

– Не понимаю, зачем тебе нужна тайна?

– Потому что в этом есть смысл.

– Мы – содомиты. Нам не нужен смысл.

– Но ты тем не менее пытался разгадать эту тайну.

– После десятка коррекционных циклов у меня осталось слишком мало инстинктов, чтобы вырождаться, и слишком мало надежд и целей, чтобы мечтать выбраться отсюда.

– А у меня от рождения дополнительный мозг вместо правого легкого, потому что только так в репродукционном центре могли сохранить жизнь ребенку с неестественно крохотной головой и дефективным первым мозгом. Плюс я каждую ночь, когда вы спите, возвращаюсь в Размерность. Мое тело в капсуле официального терминала КвазаРазмерности не подчиняется мне, но я могу все чувствовать.

– Это очень странно.

– Не то слово, особенно учитывая, что в Размерности у меня были проблемы с восприятиями. Каждую ночь я нахожусь в плену своей материальной оболочки. Каждую ночь мои эмоции взрываются россыпью чувств: от ненависти до любви, от пацифизма до мыслей о геноциде. И я ничего не могу сделать. Не могу даже уснуть. Но, думаю, именно поэтому я не схожу с ума, превращаясь в диких содомитов. И плевать, что Иерархия присвоила мне официальный статус содомита. В Квазаре я самая обыкновенная, здоровая. В детстве я не могла спрятаться от своих сбоивших восприятий в Подпространстве, потому что в репродукционном центре не смогли создать полноценные связи между старым мозгом и новым. Потом я попала в лабораторию к акеми по имени Мей-Ар, и он исправил ошибку врачей. Так что, когда я оказалась в Квазаре, то поняла, что теперь могу жить здесь. И знаешь что? Впервые в жизни я понимаю, что я – это я.

Глава восемнадцатая

Сво-Дош стал первым союзником Эсфирь и Рафаэля. Конечно, это произошло не сразу. Сначала они позволили ему настрадаться вдоволь, умерив спесь и гордыню, затем Рафаэль обратился к Фарону с просьбой прекратить мучения акеми, отключив протоколы, обострявшие восприятия в сотни раз. А когда Фарон отказался, к нему обратилась Эсфирь, пообещав, что позволит провести над собой пару экспериментов в обмен на свободу акеми.

– Пусть ставит эксперименты на мне, – предложил бывший хранитель.

– У тебя нет дополнительного мозга вместо правого легкого, – кисло напомнила Эсфирь.

– Так Фарон хочет проводить опыты на твоем мозге?

– Он считает, что подобное искусственное расширение возможностей человека может стать ключевым этапом в естественной эволюции.

– Фарон – свихнувшийся содомит, – напомнил Рафаэль.

– Нам нужны союзники, – пожала плечами Эсфирь. – К тому же он знает о предыдущих экспериментах, которые ставили на мне Манх и Мей-Ар.

– Как он может знать об этом? – удивился бывший хранитель. – Его не было в Размерности несколько десятилетий, да и поселение он никогда не покидает…

– Еще одна тайна, – кисло подметила Эсфирь.

Она не призналась Рафаэлю, но Фарон, предложил ей не только освободить заносчивого акеми в обмен на обещание стать ненадолго его подопытной крысой, но и обещал устроить встречу с ученым по имени Мей-Ар, который ставил над ней опыты еще до того, как она стала содомитом.

– Заодно сможешь отомстить ему, – сказал Фарон.

– Я выдавила ему глаза и частично повредила мозг, – гордо заявила Эсфирь. – О какой еще мести может идти речь?

– Ты можешь простить его.

– Что?

– Тираны не верят в прощение.

– Он не тиран. Он просто чокнутый акеми, который перешел дозволенные границы.

– Без него ты бы сошла с ума, став содомитом, так что в каком-то роде ты обязана ему.

– Думаю, выдавленных глаз будет достаточно.

– Я говорю не о глазах. Ты можешь позволить ему закончить

эксперимент.

– Никогда.

– Я вижу, что ты отличаешься от большинства содомитов. Здесь, в Квазаре, ты не безумна, в отличие от Размерности, где твои восприятия идут вразнос. И я знаю, почему это происходит.

– Тогда ты должен понимать, что меньше всего я хочу лишиться этого.

– Мей-Ар может доработать твои протоколы, позволив не только просыпаться в Размерности каждую ночь, но и контролировать свое тело. Только представь, какие горизонты откроет тебе эта способность!

– И какая польза от этого тебе?

– Я же сказал – эксперимент. Ты уникальна. Если бы ты сама не пришла ко мне, то скоро мне пришлось бы самому обращаться к тебе с просьбой стать частью моей работы. Но у тебя оказалось большое сердце для содомита, и ты пришла ко мне, вступившись за акеми-неудачника.

В тот день Эсфирь так и не поняла, издевается над ней чокнутый ученый или просто передает то, что у него на уме. Да и чокнутый ли? Что если бывший хранитель окажется прав и Фарон действительно скрывает какую-то тайну? Иначе как ему удалось узнать о незаконных экспериментах, которые проводили Мей-Ар и Манх?

– Приглядывай за поселением, пока меня не будет, – попросила она бывшего хранителя, не зная, сколько времени займут исследования, на которые она дала согласие, и удастся ли ей вернуться от Фарона прежней.

– Если не доверяешь ему, то мы можем сбежать, – предложил Рафаэль.

– Я никуда не побегу! – подал голос забившийся в угол акеми по имени Сво-Дош.

Фарон деактивировал протоколы, повышающие восприятие бедолаги в сотни раз, но для того, чтобы акеми восстановился, требовалось время.

– Вот видишь, – криво улыбнулась Эсфирь. – Даже зазнайка Сво-Дош отказывается бежать.

– Я не отказываюсь, – тихо сказал акеми. – Просто у меня нет сил на побег, да и некуда бежать. Вокруг неиндексированные территории, где ничуть не лучше, чем здесь. Зачем уходить, проделав такой долгий путь?

– Кажется, молодой выскочка прав, – в очередной раз криво улыбнулась Эсфирь. – К тому же чего нам терять? Мы ведь содомиты. Что может быть хуже?

Она оставила бывшего хранителя и акеми одних.

– Думаешь, она когда-нибудь вернется? – спросил Сво-Дош.

– Молись, чтобы она вернулась, – посоветовал Рафаэль. – Потому что в противном случае я сотру тебя в порошок как виновника случившегося. И не думай, что сможешь сбежать от меня, активировав свой альтернативный двигатель. Я хоть и прошел через множество кругов коррекции личности, но кое-что все равно помню из жизни хранителя. Так что тебя, сопляка, достать сумею.

Сво-Дош не спорил. После недавнего обострения чувств и восприятий для него и менее серьезной угрозы было достаточно, чтобы заставить забиться в самый дальний угол поселения и дрожать, пока не наступит вторая фаза двухуровневого дня Квазара и желанный сон не поможет забыться от проблем и тревог.

– Мерзкое зрелище, – сказал бывшему хранителю строитель по имени Лат-Ри, подкравшись со спины в образе пульсирующего дома.

Рафаэль выругался, посоветовав Лат-Ри сменить форму.

– Ты не пробовал превращаться во что-то менее громоздкое или не подкрадываться к людям, пугая своими размерами?

– Я пробовал быть собой, и мне не понравилось, – сказал дом.

– Дом из тебя тоже никудышный.

– Почему?

– Потому что ты совсем не похож на дом. Ведешь себя словно…

– Человек, – помог бывшему хранителю Сво-Дош.

– А ты, выскочка, молчи! – взвизгнул дом, начиная пульсировать и надуваться. – Пусть бывший служитель Иерархии сам скажет.

Крик напугал акеми, и тот спешно ретировался.

– Ну, – обратился Лат-Ри к Рафаэлю. – Кем ты хотел меня назвать? Только не вздумай слушать выскочку-акеми – от таких как он только беды и ни одного полезного совета.

– Но он вообще-то прав, – пожал плечами Рафаэль. – Ты всего лишь…

– Не смей! – прервал Лат-Ри бывшего хранителя на полуслове.

– Но ведь это так. Ты…

– Нет!

– Человек, – Рафаэль смотрел на вздувшийся, готовый вот-вот лопнуть, пульсирующий дом. – Ты – человек. Не дом и никакое другое строение.

– Все считают меня домом!

– Все считают тебя свихнувшимся строителем, а тебе просто подыгрывают, чтобы ты не приставал к ним со своими дурацкими пантомимами, в которых ты притворяешься вещами.

– Нет! – дом покраснел и неожиданно вместо того, чтобы сложиться, лопнул.

Всполохи света устремились в небо.

– Мы убили его! – закричал Сво-Дош, выглядывая из-за соседнего дома.

Воспоминания обнаженного восприятия были еще сильны, и он боялся, что сейчас ему придется умереть самому. Умереть не один раз, а десяток, сотню, тысячи раз. Ему не пережить этого. Он не выдержит страданий. На этот раз все будет хуже…

Сво-Дош нервно завертел головой, ища спасения. «Фарон! Мне нужен этот чокнутый бывший инженер Размерности! – думал акеми, хаотично пытаясь вспомнить, где в этом постоянно меняющемся поселении находится сейчас дом Фарона. – Черт! Черт! Черт!» От страха у акеми подогнулись колени. Он упал и тихо заскулил. Точка сборки исправно передавала чувства созданного из энергии образа, приближая ощущения к тем, что были в материальном мире. Никаких других чувств не было.

– Эй! – бывший хранитель подошел к акеми и тронул за плечо. – Какого черта ты делаешь?

– Мы убили его, – обессиленно прошептал Сво-Дош. – Разозлили, и он взорвался.

– И что? Этот психопат взрывался уже десятки раз. Подобное происходит, когда он собирается сменить форму. Ничего другого он не придумал, чтобы избавляться от старой оболочки. Кажется, дело в сложных протоколах взаимодействия с ТС или что-то там еще… Точно не знаю… – бывший хранитель замолчал, прерванный завываниями акеми. – Да хватит тебе! Слышишь? Хватит! – Рафаэль потерял терпение и отвесил плаксе затрещину.

Сво-Дош заревел навзрыд, решив, что сейчас начнется безумие – чужая боль проникнет в него и разорвет сознание на части.

– Да ну тебя! – устал от стенаний Рафаэль, махнул рукой и отошел в сторону, устроившись так, чтобы можно было одновременно наблюдать за домом Фарона и хнычущим акеми.

– С ней все будет в порядке, – сказала Анк, подходя к бывшему хранителю.

Рафаэль кивнул.

– Но ты все равно будешь наблюдать за домом Фарона?

Еще один кивок.

– Не доверяешь Фарону или привязался к Эсфирь и переживаешь за нее?

Рафаэль пожал плечами.

– Думаю, переживаешь за Эсфирь, – сказала Анк. – Ты ведь был хранителем, привык служить клирикам, а здесь, в неиндексированных территориях, каждый служит только себе и своим целям, и тебе это не нравится.

– Мы – содомиты, – произнес Рафаэль так, словно этим можно было объяснить все на свете.

– Не все мы – содомиты, – проворковала Анк.

Бывший хранитель бросил на подкравшуюся змею косой взгляд. «Нет, вся эта затея с противостоянием Фарону и его свите, которую затеяла Эсфирь, не имеет ни одного шанса на успех, – подумал он. – Они старше нас, умнее. Они организованы и умеют тщательно скрывать это. Мы даже не знаем, кто входит в эту странную группу. Больше – мы не можем утверждать, что группа вообще существует!» Бывший хранитель наградил Анк еще одним подозрительным взглядом.

– Ты ведь уже была в поселении, когда я пришел сюда, – напомнил Рафаэль, готовя почву для вопроса. – Могу я узнать, кто пришел раньше: ты или Фарон?

– Зачем тебе это? – спросила Анк.

– Меня многие считают старожилом поселения, а я… даже не знаю, кто был здесь с самого начала.

– Почему ты думаешь, что об этом знаю я?

– А ты разве не знаешь?

– Это поселение старо как мир, Рафаэль. У него своя история, своя жизнь. Оно существовало, когда мы еще не были содомитами, и будет существовать, когда не станет нас.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– А ты на мой.

– Не понял?

– Я спросила, зачем тебе это?

– Мне кажется, я сказал, что, будучи одним из старожилов…

– Это ложь. Ты и женщина, у которой в груди дополнительный мозг, решили объединиться и выпытать у Фарона секреты, – Анк выдержала паузу, наблюдая за реакцией Рафаэля.

Бывший хранитель молчал, пристально наблюдая за домом Фарона, где находилась Эсфирь.

– Я отношусь к тебе как к сыну, Рафаэль, – тихо, словно шипение змеи, сказала Анк. – Ты – содомит. Не нужно думать, что у тебя есть шанс стать кем-то другим. Знаешь, как говорят: содомит однажды – содомит навсегда. А женщина с дополнительным мозгом вместо правого легкого… Она другая. У вас разные дороги.

– Вы убьете ее? – спросил Рафаэль, продолжая наблюдать за домом Фарона.

– Убьем? – точка сборки безупречно передала желание извлеченного из тела сознания улыбнуться, цинично изогнув книзу губы энергетического образа Анк. – Зачем нам убивать Эсфирь? Она уникальна. Мы сделаем ее одной из нас.

– Истинным основателем поселения?

– Основатели нужны гениальным содомитам, которые ищут дорогу в поселение, считая это место раем неиндексированных территорий.

– Но все намного сложнее, верно?

– Все намного проще, – снова скептически улыбнулась Анк. – Все усложняют тайны, но стоит любому тайному стать явным – и сложность уменьшается в разы.

– И ты готова раскрыть мне свою тайну?

– Я раскрою ее Эсфирь, если, конечно, она будет готова принять эти знания.

– Если вы планируете использовать ее, чтобы проникнуть в Размерность, то у вас ничего не выйдет – она откажется. В Размерности у нее проблемы с восприятием. Она совершенно здорова здесь, но безумна там – можешь считать это иронией, ты любишь подобное.

– Я знаю о ее проблемах, – сказала Анк. – И знаю, как много людей пострадало от ее рук, до того как она стала содомитом.

– Она не хотела причинять зло. Если бы на ней не стали ставить опыты незадолго до срыва…

– Те опыты помогли ей выжить, оказавшись в Квазаре. Акеми по имени Мей-Ар исправил много недочетов, оставленных без внимания в репродукционном центре, когда Эсфирь была ребенком. А срыв… Срыв случился бы в любом случае. Манх и Мей-Ар провели немало тестов, установив, что у Эсфирь без них не было шанса в Размерности.

– Откуда ты знаешь о Манх и Мей-Ар?

– Ну ты ведь о них знаешь.

– Мне рассказала о них Эсфирь.

– Почему ты думаешь, что она не могла рассказать об этом мне?

– Потому что… – ясная и четкая мысль выскользнула из сознания Рафаэля, заставив замолчать. – Потому что… – снова безуспешно попытался он.

– Иерархия уничтожила почти все основные ядра твоего сознания бесконечными коррекциями, мой мальчик, – тяжело вздохнула Анк, напоминая со стороны уставшую от непутевого ребенка престарелую мать.

– Я могу заглянуть в дом Фарона и узнать, что происходит, – тихо сказал Рафаэль.

– Ты знаешь, что Фарон предусмотрел это и создал необходимые алгоритмы защиты.

– Испытаний не было. Никто не знает, что произойдет в действительности…

– Я скажу тебе, что произойдет в действительности. Как только ты попытаешься проделать свой фокус с обходом защитных полей и заглянешь в дом Фарона, связи твоих протоколов нарушатся и начнется необратимый распад точки сборки.

– Даже на солнце бывают пятна.

– Не искушай судьбу. Я не хочу, чтобы это поселение лишилось одного из основателей.

– Я не основатель.

– Верно. Это знаешь ты, я… Но для всех остальных ты тот, кто ты есть, – Анк погладила бывшего хранителя по щеке. – Сделай одолжение, не искушай судьбу. Я слишком долго приглядывала за тобой, чтобы позволить тебе бессмысленно пожертвовать собой ради женщины с дополнительным мозгом на месте правого легкого.

Она ушла, оставив Рафаэля одного. Слова о том, что его судьба небезразлична ей, не были ложью. Анк действительно привязалась к нему за долгие годы.

Он был одним из первых содомитов, пришедших в поселение. Первую дюжину охранные системы уничтожили, но бывший хранитель сумел обойти основные протоколы защиты. Он не знал, как это делает, – память сохранилась где-то на уровне инстинктов, содержащихся в ядрах, не имевших отношения к воспоминаниям, которые нещадно были вычищены клириками пред тем, как сплавить давшего сбой хранителя в утиль. Сохранились у Рафаэля и другие навыки, проявлявшиеся спонтанно, когда этого требовали обстоятельства. Фарон пытался изучать его, но исследования зашли в тупик.

– Можно заморозить ядра личности, привязав к резонансу Квазара, пока наши знания не позволят разобраться в феномене, – сказал Фарон.

– Но ведь это убьет его сознание.

– И что?

– Может, будет лучше превратить его в отца основателя? – предложила Анк, испытывая странное материнское чувство заботы о молодом в те годы хранителе.

– Не понимаю, почему ты заступаешься за этого содомита, – хмуро сказал Фарон.

– Я не заступаюсь, просто… – Анк спешно пыталась придумать достойную причину. – Содомитов становится все больше. Они не оставят нас в покое. Будут приходить снова и снова. Как долго, ты думаешь, мы сможем держать их на расстоянии? Рафаэль стал первым, кому удалось обойти наши защитные системы. Думаю, скоро таких как он станет больше. Тайна и невозможность войти будут воспалять их больные сознания. Мы не сможем противостоять им всем.

– Но и уйти мы не можем.

Они замолчали, обменявшись многозначительными взглядами.

– Предлагаешь оставить Рафаэля, образовав поселение для содомитов, которые будут охранять его от разорения? – спросил Фарон.

– Так мы сможем решить проблему защиты и завуалировать то, чем является это место в действительности.

– Хорошо, но отвечать за поведение и отбор содомитов будешь ты.

Анк кивнула, выдержав тяжелый взгляд Фарона…

Этот разговор состоялся за семьдесят лет до того, как в поселение пришла Эсфирь, но уже тогда Анк и Фарон не были юнцами, имея за плечами долгий жизненный путь. Не было молодым и место, где они провели большую часть жизни. Поселение – так оно называлось, когда там появилась Эсфирь, хотя когда-то давно носило совершенно иное название. Возведенное в пустошах неиндексированных территорий Квазара, оно не планировалось как место, способное спрятать своих создателей от цивилизованного мира. Нет, ничего подобного. Квазацентристы вообще не воспринимали перенаселенные жилые комплексы и созданные из энергии Подпространства города, искрящиеся перегрузками в результате конфликтов иллогичных протоколов.

Акеми, центры Энрофы, исследовательские базы Всемирной иерархии, резонансные и нейронные инженеры – знания квазацентристов захватывали все существующие науки, не концентрируясь ни на одной из них в частности. Плитка многоуровневости бытия, дом жизни, схемы жизнеустройства, взаимосвязь линейного и трехмерного времен, формирование ядер личности у ребенка на пятом месяце развития плода человека и отсутствие оных ядер у животных, извлечение сознания и перенос в лишенную личности биологическую оболочку с использованием промежуточного звена Подпространства – среди квазацентристов были специалисты по каждой из существующих в мире КвазаРазмерности научных

отраслей, но приоритетной для них всегда была одна, их собственная – наука, занимавшаяся изучением и поисками центра современного двухуровневого мира.

Под «центром двухуровневого мира КвазаРазмерности» квазацентристы понимали некую точку, которая лежит вне времени и пространства. Особые сложности для изучения создавали замороженные тысячелетия назад космические программы, но, учитывая развития наук о Подпространстве и более глубокое понимание его роли в существовании двухуровневого мира, времени и всего бытия в целом, к космосу можно было относиться как к материалу, необходимому для формирования базового механизма мироздания, которое состоит из материи и энергии, являясь источником жизни для чего-то большего и непостижимого для человечества на данном этапе развития сознания. Акеми окрестили это «непостижимое» домом жизни. Квазацентристы были более сдержанны с названием недоступных для понимания форм существования и бытия, предпочитая тратить силы не на дебаты и споры касательно обоснованности выдвинутых теорий и верности данных названий, а проводить проверку каждой идеи практически, подтверждая ее или опровергая. Хотя опровержения происходили крайне редко, обычно теория считалась опередившей время и откладывалась до лучших времен, требуя предварительных открытий и дюжин новых теорий, благодаря которым проверка станет возможной.

Квазацентристы верили, что вселенную двухуровневого мира можно представить воздушным шариком, который создан и служит миру, стоящему на более высокой ступени «лестницы бытия». Причем известная человечеству двухуровневая вселенная находится внутри шарика, растягивающуюся оболочку которого составляет материальный мир, а заполняет этот шарик мир энергии Подпространства. В материальном мире правят законы линейного времени, тогда как в мире энергии – время трехмерно, что позволяет создавать бесконечное число крошечных микроконфликтов, в результате чего рождаются резонансы-колебания, составляющие основу расширения Вселенной. И расширение продолжается до тех пор, пока не приходит время высвободить скопившуюся внутри шарика энергию, позволив двухуровневому миру сжаться, вернувшись к изначальному состоянию абсолютной плотности, катализатором взрыва и деления которой послужит момент деактивации выпускного канала, называемого квазацентристами центром мира.

Считалось, что именно в этот момент внутрь шарика попадала крошечная часть внешнего мира – принципиально

чуждая среда обитания, не способная существовать со сжавшимся двухуровневым миром, порождая необходимый для взрыва первый в новой истории расширения Вселенной микроконфликт, благодаря чему становилось возможным выделение линейности в трехмерном монолите времени и появление нового микроконфликта, дающего толчок к выделению из абсолютной плотности материи и энергии, что несет за собой рождение новых конфликтов и глобальное расширение Вселенной.

Сутью учения квазацентристов были поиски «выпускного канала», или центра мира. Считалось, что определение подобного места способно перевернуть представление о мире в целом, явив множество тайн и грандиозных открытий, не способных родиться в существующих ныне ограниченных восприятиях и пониманиях двухуровневого мира.

Тысячи исследований, проведенных квазацентристами, и в десятки раз большее число теорий доказывали, пусть и весьма прозрачно и недостаточно обоснованно, чтобы этим заинтересовался Институт всемирной иерархии, что центр мира находится где-то в районе КвазаРазмерности – единственного места во Вселенной, где двухуровневый мир энергии и материи сплетался между собой, не приходя к коллапсу. И главным связующим звеном был человек. Вернее, сознание человека, состоящее из сложных ядер неподдающейся анализу субстанции, способной существовать как в материальном мире, так и в мире энергии.

Одна из теорий доказывала, что ядра сознания и есть та пресловутая субстанция внешнего мира, которая служит после выброса скопившейся энергии толчком к новому расширению. Согласно другой теории ядрам сознания присваивалась роль маятника в работе схем жизнеустройства, без которой невозможно начало расширения и последующий неминуемый коллапс. Третья теория вообще считала ядра сознания, формирующие личность человека, случайной переменной в сложном уравнении системы мира, существование которой не играет в работе механизма жизни совершенно никакой роли. Впрочем, сторонников третьей теории находилось крайне мало, так как в основе квазацентристов лежала вера в непогрешимость мироздания и появление случайных производных допускалось с большой натяжкой.

Была в этом длинном списке и теория о том, что КвазаРазмерность – это не единственное место, где можно обнаружить ядра сознания, формирующие личность человека. Построение теории было грамотным, и ее поддерживало несколько ведущих специалистов, так что в некоторых кругах она

была весьма популярна, но ввиду того, что необходимые для практической проверки космические программы были заморожены, не могла надеяться на развитие и популяризацию в ближайшем будущем.

Огромная доля споров выпала и на попытки определиться, как должен выглядеть центр мира и в какой из двух реальностей КвазаРазмерности его искать. Здесь тоже существовало три (если не считать частных и прошедших незамеченными в силу своей абсурдности) теории, время от времени перехватывавшие друг у друга пальму первенства. Первые две выступали за Квазар и Размерность соответственно. Третья же предлагала искать центр мира непосредственно на стыке двухуровневой реальности. В основы теории легли исследования тонких граней – мест, где находится наиболее тонкая «временная мембрана», разделяющая два мира, позволяя трехмерному времени Подпространства почти догнать линейную материальность.

Для поиска тонких граней КвазаРазмерности был создан целый отдел, действующий на двух уровнях реальности, объединив усилия. Отдел назывался «Виадос», и такое же название давалось каждой новой базе, созданной на месте предполагаемое тонкой грани, – изменялась лишь добавочная цифровая комбинация, когда ученые, признавая провал, были вынуждены передислоцироваться. Но шанс на удачу оставался.

Одновременно с началом проекта «Виадос» независимый ученый разработал и доказал теорию уязвимости временных мембран, породившую ряд споров и мрачных предсказаний о конце света в результате неизбежного столкновения двух уровней одной реальности, что привело к появлению в Размерности группы «борцов за сохранение временных мембран», которые призывали ученых объединить усилия для восстановления тонких граней. Компания из небольшой и незаметной превратилась в стихийное движение, захватившее всех жителей двухуровневого мира. Появились ученые, заявляющие, что знают причины возникновения тонких граней. Их обвинения касались в основном нейронных проектов и новых источников питания, энергетические всплески которых якобы выжигали временную мембрану. Среди людей как никогда прежде стала популярна община инертов, заявлявшая о нецелесообразности борьбы с Великим ледником и негативном влиянии на мир КвазаРазмерности требующихся для этой борьбы источников питания.

Инерты заявляли, что единственно верное решение – это покинуть жилые комплексы и опуститься под землю, используя естественную энергию ядра земли взамен

сомнительных в плане надежности преобразователей холода, созданных Институтом всемирной иерархии. Ряд ведущих социологов выступил с заявлением о необходимости тщательной проверки деятельности клириков, ссылаясь на статистику распада ядер личности и отторжение организмом жидких чипов в периоды до установки преобразователей и после. Статистика была не в пользу преобразователей.

Ситуация накалялась, привлекая внимание Иерархии, старавшейся в подобных ситуациях держаться обособленно, пока это возможно. Но за внешним спокойствием всегда скрывались расчет и тщательно проработанный план действий, если ситуация обострится. Поэтому, когда приходило время вмешаться клирикам, у них уже был построен плацдарм для того, чтобы выйти на сцену КвазаРазмерности и разрулить ситуацию, упрочив свое положение единственного и неизменного лидера. Ничего не изменилось и на этот раз.

Выбирая для урегулирования проблемы между кнутом и пряником, клирики решили, что будет лучше пойти на поводу у общественности, устроив ряд проверок преобразователей, не дававших покоя желчным социологам и аналитикам, а также обеспечив достойное финансирование исследовательским центрам, занимавшимся проблемами тонких граней временных мембран, в результате чего в центр программы урегулирования общественных волнений попала исследовательская программа квазацентристов «Виадос».

Необходимые для развития единицы Влияния потекли рекой. Открылись десятки новых баз, занимавшихся исследованиями тонких граней. Одной из самых крупных стала база «Виадос-12», расположенная в неиндексированных территориях Квазара, – настоящая золотая жила, куда потянулись в надежде заработать третьесортные ученые, мелкие дельцы и жулики, готовые ради выгоды зайти так далеко, как потребуется.

Глава девятнадцатая

За сто двадцать лет до того, как Окс отправился в поселение содомитов.

Молодые, амбициозные и полные сил, Фарон и Анк прибыли на разросшуюся базу квазацентристов «Виадос-12», когда золотая лихорадка, рожденная щедрым инвестированием Всемирной иерархии, достигла пика. Крошечная база, затерявшаяся в неиндексированных территориях Квазара, разрослась, став магнитом для авантюристов и сомнительных личностей, не имевших к науке никакого отношения.

Агент, организовавший для Фарона и Анк переезд на базу «Виадос-12», заверял, что очень скоро ситуация наладится и появятся либо хранители, либо иные влиятельные силы, которые принесут порядок и организуют работу честных людей.

– Такие как вы, – сказал агент, награждая Фарона и Анк многозначительным взглядом.

Его слова были льстивыми, но не искажали действительности. Два молодых ученых на самом деле были честными и мечтали получить легальную работу, соответствующую их специальностям, но ирония была в том, что жуликом оказался агент. Он выудил у молодой пары добрую половину сбереженных единиц Влияния, необходимых для оплаты услуг терминала перехода, переноса посредством куба до базы «Виадос-12» и аренды небольшого помещения, протоколы которого должны были функционировать исправно. Что касается работы, то агент заверил молодых ученых, что с их образованием проблем с поисками работы не должно возникнуть.

– База «Виадос-12» давно разрослась до уровня небольшого города, – мурлыкал агент, скармливая молодым ученым приторные обещания лучшей жизни. – Строение, где вы поселитесь, находится недалеко от центрального исследовательского комплекса. Аренда оплачена на три месяца вперед. Вам не нужно волноваться и срочно искать работу. Успокоитесь, осмотритесь, все взвесите и уже тогда начнете строить планы на будущее. Трех месяцев должно хватить с лихвой.

– Да, пожалуй, должно, – согласилась Анк и покосилась на Фарона.

Он молчал, но в глазах горело любопытство. Он был заинтересован, оживлен – то, чего Анк не замечала за ним последний год, не особенно радовавший перспективами и щедрыми предложениями работодателей в Размерности.

«В Квазаре все будет иначе», – думала Анк, заставляя себя верить в лучшее.

Несколько близких друзей советовали не экономить на услугах хорошего агента, но, изучив прайсы достойных агентств, Анк поняла, что у них с Фароном никогда не хватит накопленных единиц Влияния, чтобы заплатить за профессиональные услуги агентов, лицензированных в Институте всемирной иерархии. Поэтому оставались сторонние конторы и сомнительные личности – допустимый риск, потому что оставаться в Размерности не имело смысла. Жизнь в Galeus longirostris стоила недешево, и не было разницы, где потратить сбережения: в безнадежности жилых комплексов или пытаясь дотянуться до призрачного шанса в Квазаре.

– Будем держать глаза широко открытыми – и ничего плохого не случится, – сказала она друзьям за день до того, как покинуть Размерность.

Они встретились с агентом, и он лично проводил их до официального терминала переходов. Прощание с Размерностью получилось достойным, не уступающим проводам, обещанным более дорогими агентствами. Проблемы начались чуть позже, когда Фарон и Анк, воспользовавшись пульсаром, добрались до точки встречи с хозяином куба, который согласно договору должен был доставить их в течение нескольких двухуровневых дней Квазара на затерявшуюся в неиндексированных территориях базу «Виадос-12».

Протоколы, составлявшие основу куба, были старыми, а его хозяин грубым и бесцеремонным. Вместо обещанного приятного путешествия наедине на самом деле кроме Фарон и Анк на «Виадос-12» отправлялась еще как минимум дюжина человек – таких же обманутых и продолжавших возмущаться, доказывая, что заплатили за индивидуальную поездку на кубе, прошедшем лицензирование в Институте всемирной иерархии. Последнее было нонсенсом для мира Квазара, и клирики пошли на этот шаг только потому, что лично курировали базы «Виадос», а кольца переносов никогда не забирались так далеко в районы неиндексированных территорий, да и были крайне неуклюжими и непластичными в плане программирования, чтобы иметь возможность быстро переписать их протоколы, изменив выверенные до идеала за долгие годы маршруты.

– Не знаю, кому вы все заплатили за личные переносы, но у меня договор и я повезу либо всех сразу, либо никого, – заявил хозяин куба.

Его сформированный посредством точки сборки образ показывал невысокого и коренастого мужчину с густыми бровями,

выдававшими коренного жителя Размерности.

– Может, сказать ему, что мы тоже из Размерности? – шепотом обратилась Анк к Фарону.

– И что это изменит?

– Ну не знаю… – что-то липкое и неприятное заполнило грудь, принеся желание послать все к черту и вернуться назад. Вот только возвращаться было некуда.

Чтобы набрать необходимое для переезда количество единиц Влияния, пришлось продать абсолютно все, и теперь в прошлой жизни ничто не держало. Она была такой же чужой, как и далекая база «Виадос-12», куда направлялся куб переносов.

– Ну что, вы с нами или нет? – спросил хозяин куба, когда на отведенную для пассажиров небольшую платформу забились все собравшиеся переселенцы за исключением Анк и Фарона.

Молодая пара переглянулась и начала забираться на площадку куба. Установленный в центре стержень заискрился, высвобождая необходимые для взаимодействия с точкой энергетической сборки нити.

– Держитесь подальше от центра! – прикрикнул хозяин куба на пассажиров. – Одно прикосновение к стержню – и разрушение основных протоколов точки сборки вам обеспечено.

Перегруженный куб загудел, стягивая пространство, чтобы получить необходимую для предстоящего прыжка энергию. Связь ТС с энергетической оболочкой тел нарушилась. Анк услышала, как где-то далеко закричала женщина, испугавшись потери контроля и путаницы восприятий. Впрочем, учитывая сбой чувств и смещение протоколов ТС, женщина могла и не кричать, просто так отреагировала ее оболочка на, скажем, желание сжать руку в кулак или закрыть глаза, чтобы не видеть безумно мелькающий мир за пределами нырнувшего в разверзшийся тоннель куба, если, конечно, протоколы глаз все еще выполняли написанные для них функции.

Всего для переноса до базы «Виадос-12» потребовалось восемнадцать остановок – рекордно малое количество использованных точек энергетической сцепки для путешествий в те далекие времена. За три дня, что длился перенос, куб дважды грозил выйти из строя. Особенно после попадания в резонансный карман, из которого удалось выбраться только благодаря тому, что на площадке куба находились в основном ученые – пусть большинство из них и было третьесортным сбродом, но это было лучше, чем оказаться в подобной ситуации в окружении торговцев или финансистов, от которых проку вообще бы не было.

Когда им наконец-то удалось добраться до базы «Виадос-12», хозяин куба, которого к тому моменту ненавидели все пассажиры,

без зазрения совести предложил каждому из них записать его координаты, чтобы они могли связаться с ним, когда надумают покинуть базу.

– Проще воспользоваться личными протоколами передвижения, потратив на дорогу год, чем пережить еще один безумный перенос в твоем кубе, – честно сказала Анк.

– Ну вы ведь все живы, – пожал плечами хозяин куба. – К тому же пересечь неиндексированные земли в одиночку, пользуясь личными протоколами передвижения, мало кому удается, – сказал он, не разглядев в предыдущей фразе Анк иронии. – Риск погибнуть в разы больше, чем при переносе посредством куба…

Он еще что-то говорил, но пассажиры уже спешили прочь, опасливо поглядывая на раскинувшуюся подобно небольшому городу базу «Виадос-12» и пытаясь понять, какие еще сюрпризы их ждут после заключения договоров с дешевыми агентствами.

– Надеюсь, что худшее позади, – сказала Анк, когда они с Фароном отыскали арендованное для них строение на окраине базы, хотя в какой-то момент у них появились сомнения, что нужные координаты вообще найдутся – именно это произошло с парой других переселенцев, с которыми они прибыли сюда в одном кубе.

Анк и Фарону повезло, и аренда действительно было оформлена на них, правда вместо обещанных трех месяцев оплачены были только первые две недели.

– Ну мы ведь живы, – сказала Анк, вспоминая слова хозяина куба.

Словно издеваясь над фальшивым оптимизмом новой хозяйки, протоколы стен строения замкнули, пытаясь провести идентификацию Анк и Фарона, отказав в доступе.

– Может, обратиться к арендодателям? – предложила Анк, видя, что Фарон собирается разобраться с проблемой лично.

– Я изучал основы программирования акеми. Думаешь, я не смогу сделать перекомпиляцию этого строения?

– Не думаю, что это строение делали акеми, – Анк вздрогнула, увидев, как с яркой вспышкой выгорел еще один защитный протокол их нового дома.

Энергетический всплеск разделился: часть устремилась круто вверх, а часть крошечными щупальцами потянулась к Фарону, пытавшемуся установить связь с базовыми протоколами строения посредством энергетического интерфейса, взаимодействующего непосредственно со всем Подпространством, но при грамотной настройке простейших ядер личности способного подобрать ключи к базовому программированию уже созданных строений

или систем мира энергии.

С третьего раза Фарону удалось задуманное – первые два раза подключение было произведено к соседним строениям. Простейший алгоритм управления новым домом выдал ряд существенных ошибок и, казалось, уступил, но, как только Фарон приблизился, чтобы улучшить сигнал установленной связи, разродился еще одним энергетическим выбросом, извивающиеся нити которого дотянулись до Фарона и едва не разрушили необходимые для существования в Квазаре протоколы энергетического образа и привязки к ключам резонансов, без которых во время ночной перезагрузки система не сможет распознать его, приняв за сбой или ошибку, выбросив в свободный временной набор.

Случившееся привлекло несколько любознательных ученых из соседних строений, но как только они увидели, что Фарон не пострадал, то сразу потеряли интерес. Остался лишь один из них, коренастый образ которого и пучки волос на черепе выдавали в нем коренного жителя Размерности.

– Осторожней с этим домом! – предупредил он задним числом. – Это крайне ненадежное строение, впрочем как и все, что создают резонансные инженеры, если предварительно не провели несколько тысяч исследований.

– Я думал, здесь все было построено акеми, – сказал Фарон, поднимаясь на ноги, но все еще чувствуя дискомфорт после того, как его протоколы едва не распались от энергетического выброса. – Какого черта резонансные инженеры сунулись со своими разработками в такую глушь?

– Говорят, специальное распоряжение Иерархии, – пожал плечами сосед. – Клирики не имеют права жить в строениях акеми или что-то в этом роде… Точнее сказать не могу.

– Клирики? – Фарон покосился на дом. – Так здесь жили клирики?

– Целая группа. Не знаю, как долго. Я появился здесь накануне трагедии, так что много увидеть не смог.

– До какой трагедии?

– Клирики занимались сторонними исследованиями тонких граней… Вы же слышали, что место основания базы «Виадос-12» находится на одном из самых нестабильных участков временной мембраны? – прищурившись, спросил мужчина, желая проверить уровень знаний новых соседей, и тут же нахмурился, смущенный внезапно пришедшей на ум догадкой. – Вообще-то странно, что агент, устроивший ваш переезд сюда, не предупредил о подобном… У вас вообще есть разрешение на проживание здесь?

– Разрешение есть, вот только с агентом нам, мягко выражаясь, не повезло, – сказала Анк, активируя идентификационные протоколы, чтобы сосед смог убедиться лично в правдивости их слов.

– Так вы нейронные инженеры из Galeus longirostris! – просиял он и, спешно представившись, сказал, что тоже работал нейронным инженером. – Если верить вашим идентификационным протоколам, то наши офисы находились на одном уровне. Я разрабатывал сторонние программа для нейронных модулей, созданных Всемирной иерархией для проверки эмпатии. У нас была молодая, но весьма известная компания…

– Чанго, – произнесла вслух имя соседа Анк, пытаясь отыскать в своих воспоминаниях историю этого человека, что без дополнительных информационных баз, доступных в нейронных сетях Размерности и в меньшей степени в цивилизованной части Квазара, сделать было крайне сложно. – Нейронные модуляторы… – она досадливо поморщилась и качнула головой. – Нет, прости, ничего не приходит на ум… Я, если честно, не то что не помню тебя и компанию, где ты работал, но не могу даже вспомнить, что такое нейронные модули для проверки эмпатии.

– Ты никогда не слышала о нейропатах? – растерялся Чанго.

– Это какое-то отклонение, как генетическая аномалия, или я ошибаюсь?

– Открытие было сделано недавно, но многие уже считают, что это не генетическая аномалия, а дополнительная способность, проявляющаяся у людей как часть эволюционного развития… Как шестое чувство, понимаешь?

– Прости, но все, что я слышала о нейропатах, не вызывает ничего, кроме чувств сопереживания их горю.

– Пока не доказано официально, но существует мнение, что нейропаты могут общаться друг с другом без слов, используя нейронные сети как способ передачи открытых мыслей.

– А также я слышала, что у нейропатов начинают деградировать ядра личности, отвечающие за эмоции.

– Природа требует платы за любое новое качество, – сказал Чанго. – Она подарила людям сложный мозг, но забрала необходимые для охоты и защиты от других хищников когти и клыки. И если с одной стороны это огромный минус, сделавший человека уязвимым и незащищенным в давние времена, то с другой стороны – это заставило его развивать умственные способности, благодаря которым он стал тем, кем является сейчас, выжив после наступления Великого ледника, построив

мир КвазаРазмерности.

– Ну, так далеко в будущее я не заглядываю, – примирительно улыбнулась Анк. – Человеческая жизнь измеряется угасающей связью сознания с материальной оболочкой, из которой основные ядра личности черпают энергию для нормального функционирования, и дальше этого срока я не смотрю. Да и никто, думаю, не смотрит, когда вопрос касается исключительно его собственной жизни. Неважно, кем станут нейропаты в будущем, сейчас они воспринимаются обществом как генетические аномалии, в причинах появления которых нужно разобраться и предотвратить их в будущем. И можешь спорить со мной сколько угодно, но я знаю, что этим людям сейчас живется крайне скверно, особенно в мире Размерности, где нейронные сети провоцируют прогресс заболевания. Хотя об этом, кажется, тоже идут споры.

– Идут, – согласился Чанго. – Но процесс деградации основных ядер личности действительно приостанавливается в Квазаре. Не скажу, что это абсолютное замораживание процесса, потому что на деградацию влияет множество разных факторов, но исследования показывают, что сейчас бегство в Квазар является единственным способом сохранить чувства.

– О, так ты изучаешь нейропатов? – вклинился в разговор Фарон. – Но почему так далеко от центров цивилизации?

– Конкретно сейчас я изучаю влияние тонких граней временной мембраны на ядра личности нейропатов, а так как, по заверению квазацентристов, «Виадос-12» построен на месте наиболее тонкой грани из всех известных, то где, как не здесь, мне проводить исследования?

– Я думал, распад ядер личности нейропата зависит только от непосредственного взаимодействия с нейронными сетями.

– Дело в том, что деградация ядер нейропатов продолжается и в Квазаре. Очень медленно, но процесс не прекращается. И скорость деградации меняется в зависимости от координат, где проводились в Квазаре клинические испытания. Поэтому мы решили попробовать связать это с тонкими гранями временных мембран, обсуждение которых сейчас стало особенно модным.

– И что, целая группа больных согласилась отправиться черт знает куда ради того, чтобы провести сомнительные исследования? – спросил Фарон.

– Почему бы и нет?

– И много, если не секрет, набралось этих альтруистов?

– Пока только один – я, но для исследования этого достаточно, потому что деградация ядер личности у нейропатов происходит по идентичной схеме развития.

– О! – растерялся Фарон. – Извини. По тебе и не скажешь, что ты нейропат.

– За что ты извиняешься?

– Ну как же…

– Я не считаю нейропатию генетической аномалией, которой стоит стыдиться. Большинство проведенных исследований показывает, что подобные изменения основных ядер восприятия происходят уже не первое поколение, просто именно сейчас способность смогла проявить себя на должном уровне. И это не закончится. Будут новые волны развития. Изучение измененных ядер показывает, что развитие не остановится на способности нейропатов проникать в мгновенные мысли друг друга, но продолжит эволюционировать, позволяя проникать в более глубокие воспоминания как нейропатов, так и простых людей. – Чанго покосился на пульсирующий энергетическими всплесками дом Фарона и, желая сменить тему разговора, предложил помощь в решении возникшей проблемы.

– Ты разбираешься в программировании на этом уровне? – удивилась Анк.

– Нет, но здесь недалеко живет акеми по имени Аст-Пла. Он, конечно, странный, но если с ним поладить, то может разобраться с любой системой программирования в Квазаре.

– Я слышала, что акеми рождаются с немного измененной точкой сборки, благодаря чему у них появляется возможность взаимодействия с любым программным кодом Квазара, – улыбнулась Анк, желая подчеркнуть, что осведомлена о распространенных байках Подпространства.

– Я изучал несколько детей акеми, родители которых хотели отправить их в Размерность, и могу заверить вас, что некоторые ядра их точки сборки действительно немного отличаются от ядер обычного человека.

– О!

– Эволюция продолжается, – улыбнулся Чанго и вернулся к предложению обратиться за помощью в настройках сбоивших протоколов дома к живущему по соседству акеми.

– Может, лучше дождаться, когда адаптивные алгоритмы заметят сбой и пришлют официальную бригаду ремонтников? – решила блеснуть знаниями Анк, услышала смех Чанго и вздрогнула.

– На базах «Виадос-12» нет бригад для устранения неисправностей, связанных с домами и прочими удобствами местных жителей, – объяснился нейропат. – Это вам не цивилизованные центры, где все вращается возле того, чтобы продать людям комфортную жизнь. Здесь научная база. И пусть

после того как Иерархия начала финансировать проект, на базе появилось множество сомнительных личностей, суть остается прежней – здесь преимущественно живут ученые, и если хочешь починить свой дом, почини его сам, – Чанго широко улыбнулся. – К тому же Аст-Пла вам понравится. Вы когда-нибудь общались с акеми, который грезит перебраться в Размерность и начать работать нейронным инженером?

– Что же тогда он делает на базе «Виадос-12»? – спросил Фарон.

– Пытается зарекомендовать себя, доказав свою состоятельность квазацентристам и, если повезет, то и клирикам.

– Вот теперь узнаю акеми, – улыбнулась Анк. – Хотят всего и сразу, но в результате не получают ничего.

– Что касается Аст-Пла, то он, думаю, на верном пути.

– На верном пути? – Анк нахмурилась, затем рассмеялась. – Прости, но когда подобное говорят об акеми, не могу удержаться от смеха.

– Не думаю, что это смешнее пары нейронных инженеров, которые сбежали из Размерности в Квазар, надеясь найти лучшую жизнь, – парировал Чанго.

– Принято, – продолжая улыбаться, сказала Анк, подчеркивая, что не обиделась.

Была середина первой половины двухуровневого дня Квазара, но людей, когда Чанго вел новых знакомых к дому акеми, встречалось много, словно «Виадос-12» был не исследовательской базой, где большинство жителей заняты работой, а туристическим центром, получавшим главную прибыль от торговли и развлечений туристов. Особенное удивление у Анк и Фарона вызвали небольшие энергетические строения, внутри которых находились игровые заведения. Стены этих построек пестрели рекламой дополнительных услуг, перечень которых умалчивался, и впечатляющими суммами призовых фондов, дожидающихся своего счастливого обладателя.

– Думаю, база давно превратилась в нечто большее, чем просто городок для ученых, – сказал Чанго. – Не знаю, как далеко зайдут исследования квазацентристов касательно тонких граней, но в ближайшие несколько лет база определенно продолжит расширяться. По крайней мере, пока не закончится финансирование.

– Судя по тому, какое внимание уделяется в КвазаРазмерности временным мембранам, Иерархия еще долго не прекратит финансирование, – сказала Анк.

Они остановились возле разделенного на десяток секций небольшого строения, где работал Аст-Пла.

– Ого! Никогда бы не подумала, что в Квазаре может проявиться проблема с площадями, – растерялась Анк, удивленная теснотой, в которой работали люди.

– Это семейный бизнес, – отмахнулся Чанго. – Аст-Пла говорит, что привык к подобным лабораториям с детства.

– Семейный?

– Да. Все, кого ты видишь в этом строении, – родственники Аст-Пла. Не спрашивай, почему они предпочитают работать в подобных условиях, потому что я и сам не особенно понял объяснения Аст-Пла, когда говорил с ним об этом… Впрочем, думаю, он и сам не понимает…

– Может быть, поэтому он и мечтает сбежать в Размерность? – предположила Анк.

– Может быть, – согласился Чанго, а чуть позже, когда он представил молодую пару из размерности своему другу, согласился с выдвинутой теорией и сам Аст-Пла.

Он был молод и не скрывал, что семья называет его паршивой овцой.

– Но так, наверное, и должно быть, – пожал он плечами. – Кому-то нужно занять эту нишу, чтобы стать образчиком для тех, кому укажут на него и объяснят, как делать не нужно.

– Звучит так, словно ты не очень счастлив от своего выбора, – подметила Анк.

– Я просто понимаю, что убраться отсюда будет крайне сложно. Единственный шанс – это довести наши разработки до ума и продать их либо квазацентристам, либо Всемирной иерархии.

– Сомневаюсь, что клирики станут что-то покупать у сторонних агентств, – сказала Анк. – Не знаю, какими легендами полнится Квазар, но в Размерности каждый инженер знает, что единственный шанс привлечь к себе внимание Всемирной иерархии – это подать официальный запрос о приеме на работу, а потом надеяться, что ответ клириков будет положительным, а отдел, куда тебя назначат, перспективным, позволяющим проявить себя.

– А можно просто создать что-то по-настоящему полезное, – пожал плечами Аст-Пла.

– Ты самоуверен, – хмуро подметил Фарон.

– Моя семья работает над защитным куполом, который позволит создать в Квазаре микромир, оградив то, что будет под куполом, от внешнего воздействия.

– По-моему, это выглядит как отдельная петля Квазара в Подпространстве, – осторожно подметил Фарон. – Не думаю, что Всемирная иерархия заинтересуется технологией, которая,

согласно одному из катехизисов, принадлежит миру и не может находиться в частной собственности, как право на жизнь каждого человека, и генетических аномалий в том числе.

– Я бы не стал называть купол, над которым мы работаем, петлей Квазара. Во-первых, это принципиально разные концентраторы энергии и преобразователи, во вторых, купол предназначен не обособлять микромир под ним от Квазара, а, наоборот, помогать взаимодействовать, функционируя на системных слоях второго уровня современной реальности. Только не нужно это сравнивать с алгоритмами защиты. Купол позволяет создать полноценный микромир со своим собственным, отличным от Квазара исходным кодом. Это может пригодиться для создания игровых площадок или, например, чтобы оградить некоторые территории от нежелательного воздействия извне.

– Ты говоришь о «Виадос-12»? – спросил Фарон.

– Нет. На кой черт помещать под купол базу, которая давно уже превратилась в поселение? Вы знали, что здесь узаконены браки и обращения в репродукционные центры, чтобы получить ребенка? Людей тянет сюда словно магнитом, основной движущей силой которого являются единицы Влияния, вливаемые Иерархией в развитие базы.

– Зачем же тогда, если не считать глупых игровых проектов, нужен ваш купол?

– В теории он может локализовать тонкие грани временных мембран.

– В теории? – растерялся Фарон. – Как ты можешь знать, на что способен купол в теории, если в действительности еще не существует ни официального доказательства тонких граней, ни самого купола?

– Все зависит от того, что понимать под официальным доказательством, – широко улыбнулся Аст-Пла, и Анк подумала, что он действительно совершенно не похож на акеми – скорее резонансный инженер, который прожил большую часть жизни в Размерности, но сейчас вынужден находиться в Квазаре, – трагедии нет, но и причины для радости отсутствуют.

– Перед тем как отправиться сюда, мы тщательно изучили доступную официальную отчетность. Сейчас исследования тонких граней ведутся на уровне теории. Ни о каких практических испытаниях не сообщалось, – вступила в разговор Анк.

– Если бы у клириков была возможность, то они умолчали бы и о катастрофе в Isistius labialis, – иронично подметил Аст-Пла.

– Жуткий теракт, – передернула плечами Анк, не разделяя шуток, связанных с трагедией.

– Вы думаете, это был теракт? – хитро прищурился Аст-Пла,

затем нахмурился и тут же неожиданно просиял. – Простите! Забываю, что вы из Размерности, где клирики приучили людей к догмам информационной пропаганды.

– А вот сейчас ты говоришь, как коренной житель Квазара, – подметила Анк.

– Ну почему же! – притворно растерялся Аст-Пла. – Наш общий друг, например, считает так же. А он, насколько мне известно, из Размерности, – акеми обратился к Чанго, требуя подтвердить его слова.

– Какого черта мы вообще перешли к заговорам клириков и трагедии в Isistius labialis? – вспылила Анк. – Кажется, разговор был о тонких гранях, существование которых до сих пор не получило официального подтверждения.

– Нейронные сети седьмого поколения тоже пока не получили официального подтверждения, но тем не менее они есть и успешно развиваются в опустевшем после трагедии комплексе Isistius labialis. Причем курирует проект Всемирная иерархия, – сказал Чанго, решив поддержать друга-акеми.

– С этим не поспоришь, – согласились Фарон и Анк, не понаслышке зная о нейронных сетях и перспективах развития.

В принципе, можно было сказать, что из-за нейронных сетей седьмого поколения они и оказались на шумной и густонаселенной базе «Виадос-12» – неудачный период, когда все скопленные семьей единицы Влияния тратятся на внедрение в основные ядра воспоминаний знаний о нейронном программировании, а спустя пару лет оказывается, что Иерархия сочла существующие образовательные программы устаревшими и объявила о начале набора нейронных инженеров, способных работать в сетях нового образца, что, как заявляли клирики, особенно важно в условиях прогрессирующего роста Великого ледника и необходимости перехода на новые виды энергии, требующие кардинального переосмысления колоссальных затрат на поддержание устаревших сетей Размерности.

Какое-то время инженеры старой школы пытались приспособиться, изучали новые базисы и принципы программирования в нейронных сетях седьмого поколения, но естественным путем, просматривая даже сутками информационные потоки с необходимым материалом, невозможно было тягаться с теми, кому знания внедрялись в основные ядра воспоминаний личности в образовательных центрах, а позволить себе подобною дорогостоящую процедуру могли лишь единицы из ученых старой школы. Так что оставалось смириться и осваивать новые горизонты, пытаясь компенсировать устаревшие навыки в одной отрасли разносторонними знаниями,

превращаясь в универсальных мастеров, которым не светит построить карьеру в серьезных организациях, но которые незаменимы в небольших конторах, где нет возможности содержать многочисленный штат рабочих, поэтому универсальность приветствуется.

Некоторые нейронные инженеры, получившие образование на стыке реформы, пытались судиться с Институтом всемирной иерархии, принявшим решение о переходе на новые базисы и программы, но результата это не принесло – все суды принадлежали Иерархии, заявлявшей о своей непредвзятости и непогрешимости. Так что вынесенные решения были в лучшем случае крайне прозрачными – гарантировали наличие рабочих мест для пострадавших в результате реформы ученых, но никогда не уточняли, что места эти будут иметь один из самых низких уровней доступа, приравнивая услуги некогда высококвалифицированных специалистов к служебным обязанностям рядового рабочего, занимающегося мелким обслуживанием и черновым ремонтом нейронных сетей.

Впрочем, не случись подобного перехода на новые базисы образования, Фарон и Анк никогда бы не встретились, не образовали союз и позднее не отправились в Квазар, чтобы попытаться запрыгнуть в последний вагон уносящегося в будущее поезда жизни. Не связались бы с жуликоватым агентом, организовавшим их переезд на базу «Виадос-12», и не поселились бы в доме клириков, о котором, как выяснилось, ходило так много слухов, что новы друзья – Чанго и Аст-Пла, – пытаясь нормализовать работу замыкавших протоколов строения, посоветовали новоприбывшим подыскать себе другое жилье.

– Чтобы найти новое жилье, нужно для начала найти работу. Так что придется пока остаться здесь, – сказал Фарон.

– Мало единиц Влияния? – спросил Аст-Пла, тщетно пытаясь подключиться к системным слоям Квазара, на которых находилось сбоившее строение.

– Ну а ты сам как думаешь? – Фарон пристально наблюдал за работой акеми.

– Очень странные каналы связи, – признался Аст-Пла. – И системный код… – он бросил короткий взгляд на бывшего нейронного инженера. – Ты говорил, что изучал программирование на уровне Подпространства?

– Немного.

– Тогда подключись и посмотри сам. Думаю, все дело в близости тонких граней. На базе вообще протоколы сбоят повсюду. Где-то больше, где-то чуть меньше, а здесь… – Аст-Пла обернулся, наградив Чанго многозначительным взглядом. –

Не удивлен, что клирики жили именно здесь.

– Думаешь, Иерархия проводила какой-то эксперимент?

– Скорее что-то изучала, – акеми пытливо уставился на новых хозяев дома. – Не знаю, благодаря какому дьявольскому стечению обстоятельств дом достался вам, но полагаю, это может оказаться золотой жилой, если выяснить, чем занимались здесь клирики до того, как ушли.

– Или исчезли, – добавил Чанго и смущенно пожал плечами. – Никто ведь не видел, как они покинули дом.

Глава двадцатая

Исследования Аст-Пла продвигались медленно, но, наблюдая за ним, Фарон за пару дней узнал о принципах программирования в системных слоях Квазара больше, чем за несколько месяцев теоретических лекций, которые оплачивал в Размерности. Протоколы защиты, перекомпиляция помещений, прерывания системного кода, обход основных блокировок петли Квазар, перепрограммирование остаточных слепков прошлого, замещение для улучшения связи собственных ядер сознания ядрами, составляющими массив Подпространства, – все это ушло намного дальше базовых знаний Фарона. Хотя, вероятно, ничего подобного невозможно было узнать в Размерности – другой уровень восприятия. Нужно находиться непосредственно в Квазаре, чтобы изучить программирование на уровне системных слоев.

Фарон вспомнил, что Аст-Пла мечтал перебраться в Размерность, и решил предупредить его о том, что с адаптацией к новой реальности могут возникнуть трудности.

– Судишь на основании того, с какими трудностями столкнулся сам? – спросил напрямую Аст-Пла, дождался согласия. – Не переживай. Я знаю, что жители Размерности не верят в таланты, но акеми доказали ошибочность этих убеждений, используя для подтверждения собственных детей, ядра личности которых более пластичны и податливы для изменений, требующихся, чтобы можно было переписывать системный код на самых глубоких массивах Подпространства. Образовательные учреждения размерности используют старую систему замещения свободных ядер сознания обучаемого новыми ядрами, в которые посредством систем корректировки были занесены необходимые информационные массивы… Поэтому жители Размерности и не могут освоить науку акеми, хотя собрали за долгие века достаточно большую базу. Главная ошибка – акеми не замещают ядра сознания посредством корректировки, а развиваются естественным путем, имея врожденную предрасположенность к науке.

– Думаешь, отправившись в Размерность, сможешь щелкнув пальцами освоить науку программирования в нейронных сетях? – спросил Фарон, решив не заострять внимание на своих сомнениях касательно врожденных способностей.

– На кой черт мне нужно будет что-то осваивать, если нам удастся продать клирикам купол? – растерялся Аст-Пла.

– Так ты просто хочешь сбежать из Квазара и жить себе

в удовольствие? – не менее растерянно спросил Фарон. – Но это ведь…

– Противоречит наставлениям клириков о том, что каждый человек на протяжении жизни должен приносить пользу? – усмехнулся акеми.

– Если этого не делать, то энергии, которая тратится на борьбу с холодом, не хватит и Великий ледник проглотит жилые комплексы.

– Если этого не делать, то клирикам придется переходить на альтернативные источники питания и нейронные сети нового поколения – шаг, который напрашивался уже не одну сотню лет.

– А если ты ошибаешься и у Всемирной иерархии нет ни средств, ни разработок, способных обновить устаревшие силовые системы Размерности?

– А если есть?

Этот спор длился не один день: то затихал, то разгорался вновь, пока Аст-Пла, сменив тактику изучения странного строения, где поселились Фарон и Анк, не обнаружил затухающий энергетический след, оставшийся в субслоях не только Квазара, но и других резонансов.

– Словно Подпространство насквозь пропиталось этой вспышкой, – сказал Аст-Пла.

– Но что это может быть? – спросил Фарон, кишками оставленного в Размерности тела чувствуя недоброе.

– Какая-то нестабильность, – уклончиво ответил акеми, перенастраивая связь системных уровней с ядрами своего сознания. – Возможно…

– Тонкие грани?

– Начинаешь думать как житель Квазара.

– Я просто… – Фарон запнулся, впервые задумавшись не о том, как энергетический след смог выйти за пределы резонанса Квазара, а о том, чем в действительности мог оказаться энергетический выброс. – Как думаешь, что послужило причиной всплеска?

– Причиной? – Аст-Пла заместил несколько отделов личности ядрами связи и соображал с трудом. – Может быть, клирики?

– Клирики?

– Никто ведь не знает, чем они занимались.

– То есть ты думаешь, что они не покинули этот дом, а сгорели в резонансах Подпространства?

– Сгорели? – растерялся акеми. – Признаться честно, я думал, что клирики могли провести неудачный эксперимент, тестируя тонкие грани.

– О, извини… Наверное, я действительно вообразил себя

жителем Квазара, – смутился Фарон. – Никакой логики.

– Да нет. Логика есть. Никто не проводил официальных экспериментов синтеза ядер сознания, но существует теория, что распад ядер приведет к выделению большого количества энергии. Конечно, споры об этом продолжаются и сейчас, особенно о том, какого вида энергия будет высвобождена и на какую часть двухуровневого мира будет иметь воздействие, но… Думаю, если представить, что подобный синтез возможен и что база «Виадос-12» находится в центре одной из самых нестабильных граней, то оставшийся энергетический след можно объяснить распадом ядер личности клириков. Вот только что послужило причиной? – акеми растерянно уставился на Фарона.

– Может быть, тонкая грань и стала причиной? – предположил коренной житель Размерности, смущенный собственной догадкой. – Что если энергетический след остался не из-за того, что распались ядра личности и прожгли временную мембрану, а близость тонкой грани спровоцировала распад ядер, вырвав личности из замкнутого резонанса Квазара в трехмерное время Подпространства? – Фарон заглянул в глаза акеми, в энергетическом образе которых читалось настолько сильное недоумение, что коренный житель Размерности, привыкший к рационализму, готов был сквозь землю провалиться, устыдившись своей безумной теории. – Прости. Дурацкая идея. Сам не знаю, что на меня нашло. Словно в детство впал…

Он уже собирался уйти, когда услышал брань акеми. Ругательства звучали на наречии Квазара, но эмоциональный фон был настолько красноречив, что Фарон, если и не смог понять, то буквально прочувствовал каждую фразу. Связь ядер сознания с системными слоями прервалась, вызвав несколько энергетических замыканий на программном уровне, что привело к яркой разноцветной вспышке внутри дома, напугав соседей.

Впрочем, в последующие дни подобных вспышек будет так много, что местные жители перестанут обращать на них внимание, сплетничая о союзе между акеми и нейронным инженером Размерности, результатом которого становились настолько дикие, по слухам, проекты, что пару ученых и всех, кто был связан с ними, окрестили безумцами. Особенно странным сторонним наблюдателям казалось, что в доме новичков стали довольно часто появляться представители семейства Аст-Пла, словно программирование странного строения стало для них важнее перспективных разработок купола.

На второй неделе непонятного оживления к вспышкам добавятся энергетические всплески, первая волна которых так сильно встряхнет системный слой Квазара вокруг дома Фарона

и Анк, что в соседних домах замкнут базовые протоколы, запустив аварийный режим перекомпиляции строений. Две из семи пострадавших энергетических построек так и не смогут восстановиться. Это станет последней каплей, переполнившей чашу терпения соседей, которые, устав пускать сплетни, придут к выводу, что новым развлечением станут решительные меры.

Образовав группу во главе с жителями пострадавших от энергетического всплеска домов, соседи встретились с хозяйкой неспокойного строения, потребовав объяснений. Анк, Чанго и родственники Аст-Пла пытались успокоить толпу, но ситуация накалялась, и если бы выплески энергии не привлекли внимание тяжелых на подъем представителей Института всемирной иерархии, то скандал мог бы закончиться микробунтом, особенно после того, как прямо в разгар споров случился еще один энергетический выброс.

Представители Иерархии были служащими крупного независимого агентства «Энеида», офисы которого находились как в жилых комплексах, так и в Квазаре. Агентство существовало более века, заручившись поддержкой и одобрением клириков. Обычно именно представители «Энеиды» выступали в качестве буфера в переговорах клириков с крупными дельцами и исследовательскими центрами КвазаРазмерности.

Молчаливые и высокомерные на манер клириков, агенты «Энеиды» появились возле дома Фарона и Анк, казалось, прямо из пустоты, хотя, возможно, именно так и было. Несколько особенно крикливых разгневанных соседей молодой пары приняли агентов за клириков и, поджав губы, опасливо попятились. Представители «Энеиды» вклинились в толпу, как волнорез в океанскую плоть.

Внутренняя информационная сеть работала нестабильно и очень медленно, заставляя агентов, пытавшихся получить информацию о собравшихся людях, действовать осознанно неспешно.

«Что это за люди?»

«Род занятий?»

«Перечень прежних нарушений?»

«Принадлежность к одному из двух уровней реальности?»

«Прежнее место работы?»

«Прочие связи и нарушения?»

Ответов не было ни на один из запросов, но вместо этого появилась информация о закрытом для проживания энергетическом строении, вокруг которого разразился скандал.

– Не понимаю, о чем вы говорите, но проживание в этом доме

прописано в нашем контракте, – заявила Анк, когда агенты потребовали от нее покинуть разродившееся очередной вспышкой энергетическое здание.

– Правильно. Вот так бы сразу! – оживилась притихшая толпа, но тут же смолкла, стоило одному из агентов обернуться.

Никто не хотел встречаться с ним взглядом. Точно так же обстояли дела с жившими в странном доме клириками – люди проходили мимо, не поднимая глаз, чувствуя каждым протоколом собранного точкой сборки энергетического образа опасность, исходившую от представителей Всемирной иерархии.

– У вас есть время до конца первой части двухуровневого дня Квазара, чтобы покинуть здание, – обратился к Анк один из агентов, следуя обычной в случаях незаконного заселения процедуре, но едва он произнес свои слова, как медленная внутренняя информационная сеть базы «Виадос-12» доставила предписание Иерархии, требующее произвести немедленное выселение.

– Как бы не так! – встала в позу Анк, стараясь не думать о том, что протокол договора с нечестным на руку агентом может оказаться подделкой.

Информационная сеть выдала агентам всю доступную на Анк информацию, затем долго анализировала и проверяла ее протокол договора на проживание в находившемся под арестом здании, но, кажется, все было оформлено верно – информация о протоколе аренды была внесена в официальный реестр за несколько часов до установленного ареста.

Агенты переглянулись, ожидая ответа от зависшей информационной сети.

– Мой дом – мои правила, – перешла в атаку Анк, решив играть ва-банк.

Она не переживала за дом, который не давал ей спокойной жизни начиная с первого момента, как она увидела это строение с разваливающимися протоколами, но внутри дома застряли Фарон и Аст-Пла. Это случилось после первого замыкания протоколов проклятого дома. Сейчас семейство акеми пыталось разобраться с проблемой, но для этого нужно было время, которого, судя по недовольству соседей и внезапному интересу представителей агентства «Энеида», оставалось критически мало.

Набившиеся в дом акеми анализировали след, оставшийся от сгоревших сознаний клириков. Радовало одно – следов вспышки ядер Аст-Пла и Фарона не было, но их сознания были растянуты в череде резонансов, теряясь далеко вне колебаний петли Квазар. Наиболее странным оставался тот факт, что система продолжала индексировать их во время ночных

перезагрузок, и это давало шанс семье Аст-Пла надеяться, что удастся вернуть своего непутевого родственника, а заодно и нейронного инженера. Отец семейства акеми выдвинул теорию, что подобное происходит благодаря тонким граням мембран времени, поврежденным вспышкой ядер сознаний клириков.

– Мой сын и твой мужчина находятся, можно сказать, сразу везде и как бы нигде, – сказал отец Аст-Пла на третий день исследований расположенного в центре тонкой грани дома.

– Вы сможете их вытащить? – спросила Анк.

– Нам потребуется время и много-много везения.

За этим разговором последовала череда экспериментов, тестов, маленьких удач и болезненных разочарований, когда ошибки заставляли нервно ждать второй части двухуровневого дня Квазара, надеясь, что допущенные просчеты не приведут во время перезагрузки к удалению поврежденных сознаний. Но нет, сложные алгоритмы сознаний системы продолжали считать Фарона и Аст-Пла обычными жителями. Оставалось лишь спровоцировать обратный процесс, что, впрочем, на словах звучало куда проще, чем на деле. Сотканный из энергии дом разваливался на части, протоколы сбоили. Родственники Аст-Пла работали как машины, но иногда от этого становилось только хуже, потому что перегруженные системные слои Квазара начинали сбоить, отказываясь работать с неизученной тонкой гранью. Акеми модифицировали свои разработки купола для базы «Виадос-12», пытаясь превратить его в защитный стержень, который последует за растянутыми сознаниями Аст-Пла и Фарона, оградит их и вернет обратно.

Именно из-за тщетных попыток вписать базисные протоколы купола в системный код Квазара появились вибрации и энергетические выбросы, вызвавшие недовольство соседей. Особенно много вибраций стало после того, как купол в качестве защитной оболочки начали внедрять во временную мембрану. Ошибки в определении центра тонкой грани разрывали дом, где проходил эксперимент, а также соседские строения.

– Нужно торопиться, – сказала Анк родственникам Аст-Пла после визита агентов «Энеиды».

Поэтому в ближайшие сутки количество запланированных экспериментов возросло вдвое. И количество ошибок. Так часто Анк слышала нелестные отзывы в адрес одержимых акеми, но сейчас она не променяла бы семью Аст-Пла и на сотню самых талантливых представителей Размерности. Нужно было рисковать и не бояться принимать решения, которые могут оказаться ошибочными – ничего общего с прагматизмом Размерности, представители которой даже в экстренной ситуации

предпочитали все тщательно взвесить и проверить.

Именно так в тот момент действовала Всемирная иерархия, получив детальный отчет оставленных на базе «Виадос-12» представителей агентства «Энеида». Прямая связь базы из неиндексированных территорий с Размерностью отсутствовала, поэтому агенты из «Энеиды» воспользовались альтернативным передатчиком, разработанным акеми, который использовал промежуточные точки энергетической сцепки, чтобы доставлять преобразованное в образы послание до ТЭС, находившихся недалеко от цивилизованных центров Квазара, где оно уже могло быть декодировано для использования в местных системах связи.

Получив послание, клирики долго обсуждали, создавать или нет прецедент установления подобной связи. Главным доводом, чтобы отказаться, было то, что сеть разработали акеми, с которыми Иерархия никогда не была на короткой ноге в силу связи последних с адептами «Мункара и Накира». Прения зашли в тупик, и если бы один из молодых клириков, курирующих проект исследования квазацентристами тонких граней временных мембран, не напомнил о том, чем именно занимаются ученые на базе «Виадос-12», откуда было отправлено послание, то послание было бы уничтожено.

– И что это меняет? – спросил старый председательствующий клирик. – Какое отношение изучения квазацентристами тонких граней имеет к нашим разногласиям с акеми?

– Напрямую никакого, но… – молодой клирик выдержал паузу, собираясь с духом, затем сбивчиво рассказал о несанкционированном Иерархией параллельном с квазацентристами личном исследовании клириками тонких граней временных мембран.

Он объяснял необходимость допущенного нарушения условиями острой исследовательской конкуренции, а клирики зацикленно твердили о строгой необходимости согласования подобных проектов. Молодого клирика звали Легре, и сейчас судьба его в Институте всемирной иерархии висела на волоске. Оправдываться не имело смысла. Нарушения были выявлены и признаны.

– Ваши амбиции свели вас с ума, – заявил председательствующий клирик, готовый вынести решение об отстранении Легре и всех, кто был связан с несанкционированным исследованием на базе «Виадос-12».

– Некого отстранять кроме меня, – сказал Легре, сообщив о смерти остальных участников заговора во время неудачного эксперимента, вызвав небольшой переполох среди собравшихся. –

На кону стоит открытие необходимого для Размерности нового источника практически неограниченной энергии, которую можно будет посредством тонких граней выкачивать напрямую из Подпространства! – заявил молодой клирик. – Моя группа начала исследования одной из первых, сразу после открытия базы «Виадос-12», но независимые конторы не стоят на месте. Мы опередили их на несколько месяцев, не больше. Попытайтесь представить, что будет, если технология альтернативных источников энергии попадет в независимый сектор?

Слова молодого клирика подняли еще больший шум, чем его проступок. Председатель объявил перерыв, по окончании которого было принято единогласное решение поэтапного сворачивания программы поиска тонких граней, возглавляемой квазацентристами. Чтобы умаслить общественность, заинтересованную в продолжении изучения временных мембран, решили дать добро на начало испытаний нейронных сетей седьмого поколения.

Следующим решением клириков стал официальный отказ использовать для связи с базой «Виадос-12» созданный акеми канал передачи данных. Вся ответственность за нарушение постановления ложилась на молодого клирика по имени Легре, якобы добровольно изучившего послание, сообщив клирикам детали в неофициальной обстановке.

– Думаю, следом за нами изучением тонких граней занялись акеми, – сказал Легре, предоставив комиссии полный отчет о деятельности родственников Аст-Пла. – Какую роль в этом играет прибывшая из Размерности пара нейронных инженеров старой школы, установить не удалось, но дом, где погибшие клирики проводили эксперимент, находится у них в аренде, поэтому я склонен считать, что информация об исследованиях стала доступна людям извне, в результате чего не исключаю возможность сговора, в том числе и с квазацентристами.

– И что вы предлагаете? – спросил председатель молодого клирика.

– Либо то, что произошло, – случайность и у нас есть шанс все исправить, либо ситуация выходит из-под контроля и нужны кардинальные меры. Мы можем взять базу под контроль и…

– Вы предлагаете вторгнуться в Квазар? – скривился председатель, затем выдвинул на голосование предложение отправить Легре на базу «Виадос-12», чтобы он лично устранил последствия своего проступка. – Вы возглавите группу представителей агентства «Энеида» и проконтролируете закрытие базы, – огласил решение председатель не принимавшему участия в голосовании молодому клирику.

Легре не спорил, хотя и знал, что как только уладит последствия, клирики официально отстранят его, придав анафеме. Можно было отказаться, но на базе «Виадос-12» был шанс вывернуться, спастись, а так… Определенного плана у Легре не было. Он лишь надеялся, что решение придет уже на месте. Возможно, удастся заключить договор с квазацентристами или с представителями агентства «Энеида». Договор с акеми Легре рассматривал как предательство личных убеждений. Не входил в его планы и договор с молодой парой нейронных инженеров из Размерности, которые поселились в доме, расположенном в центре тонкой грани. Не входил до тех пор, пока он не узнал, что Аст-Пла и Фарон прошли сквозь тонкую грань временной мембраны и смогли вернуться, в отличие от клириков, в память о которых остался лишь энергетический след на слоях временной мембраны.

– Они пережили почти два десятка перезагрузок Квазара, прежде чем мы смогли вытащить их, – сказал отец Аст-Пла, решив сразу искать в молодом клирике союзника.

Легре молчал, видя по глазам старого акеми, что история не заканчивается счастливым спасением. Было и что-то еще, что-то важное, заставлявшее нервничать старого акеми. «Может быть, они раскрыли загадку извлечения энергии из Квазара? – думал Легре. – Но как решить задачу энергетической транзакции? А как быть с преобразователями? И не вызовет ли это коллапс двухуровневого мира? Что если схемы жизнеустройства неспособны на подобное… А как быть с остальными теориями накопления и сброса энергии, необходимой для существования сложного механизма жизни извне?» Молодой клирик продолжал строить догадки, когда старый акеми сказал, что совершенное его группой открытие можно назвать случайным и что оно не имеет никакого отношения к работе погибших клириков.

– Откуда вы знаете, чем занимались погибшие клирики? – насторожился Легре.

– Ядра их сознания вспыхнули прежде, чем они успели уничтожить протоколы разработок и затереть следы программирования на субслоях Квазара, позволяющих выйти за границы резонанса, зацикленного в петле, – отец Аст-Пла снисходительно улыбнулся.

Легре едва заметно склонил голову, признавая, что объяснения и скрытая меж строчек просьба не задавать в дальнейшем глупых вопросов приняты.

– Я знаю, что Иерархия решила закрыть проект квазацентристов, – сказал старый акеми. – И я знаю, почему здесь оказался именно ты.

«Так вот откуда его честность», – хмуро подумал Легре, разочарованно гадая, какое предложение попытается сделать ему отец Аст-Пла. Единицы Влияния? Новая личность? Доступ к секретным разработкам акеми?

– Мы хотели замять инцидент, как только смогли вытащить из тоннеля тонких граней сознания моего сына и его нового друга, – отец Аст-Пла улыбнулся и заверил, что если молодому клирику будет интересно, как это удалось горстке акеми, то он готов показать ему протоколы модифицированного купола.

Легре снова едва заметно склонил голову.

– Освободившись, Фарон хотел покинуть Квазар, чтобы не привлекать ненужного внимания… – старый акеми смутился, мельком упомянув, какой переполох они устроили в квартале, где находился злополучный ловушка-дом. – Но когда Фарон и его женщина воспользовались терминалом переходов, то оказалась, что вернуться в Размерность может только женщина нейронного инженера, а сам он застрял в Квазаре. В терминале, где хранилась его биологическая оболочка, сказали, что связь тела с извлеченным сознанием прервалась и система, проведя ряд проверок, сочла, что сознание Фарона покинуло петлю Квазара. Терминал был официальным, поэтому тело отправили на хранение в центр, построенный после трагедии в Isistius labialis в каждом жилом комплексе, чтобы можно было на случай сбоя обеспечить сохранность тел с меньшими энергозатратами, чем это происходит в капсулах терминалов КвазаРазмерности, где материальные оболочки поддерживаются в состоянии активности, предоставляя сознаниям возможность возвращения в любой момент.

Легре молчал, зная, что такие ошибки не происходят в официальных терминалах и если подобное случилось, значит на то была веская причина.

– Фарон вернулся к нам, – продолжил старый акеми. – Мы связались с представителем терминала, где находится биологическая оболочка Аст-Пла, узнав, что и у моего сына связь сознания и тела нарушились. По сути, Фарон и Аст-Пла мертвецы. Их тела отключены от терминалов КвазаРазмерности. Сознание не получает необходимую для существования в Квазаре энергию от тела, но классического затухания не происходит. Мы привлекли одного хорошего друга из когорты ученых Энрофы, которые разбираются в извлечении сознания и его последующем возвращении в оставленное в Размерности тело побольше нашего, но и он заверил нас, что с Фароном и Аст-Пла все в порядке. Несколько дней назад мы завершили еще одно исследование, подтвердившее догадку Чанго, еще одного ученого

из Размерности, что сознания Аст-Пла и Фарона, утратив связь с оставленными в материальном мире биологическими оболочками, питавшими ядра их сознаний необходимой для существования энергией, теперь получают необходимую энергию непосредственно из тонких граней временных мембран.

«А сказал, что открытие не имеет к энергии никакого отношения», – хмуро подметил Легре, но тщательно скрыл эти мысли, озвучив лишь желание узнать о том, кто такой Чанго и как ему удалось выдвинуть теорию о связи сознаний с субслоями Подпространства.

– О! – улыбнулся старый акеми. – Его идея была далека от теории. Боюсь, что рассудительные и прагматичные жители Размерности вообще сочли бы это бредом… Видишь ли, Чанго нейропат, и он разрабатывает и тестирует программы для нейропатов. Это как тесты эмпатии, только чуть интереснее, чуть живее… Плюс он активно изучает причины и следствия появления у людей способности к нейропатии. Так он оказался на базе «Виадос-12», а когда нам удалось освободить Аст-Пла и Фарона, решил вернуться с нейронным инженером в Размерность, чтобы поделиться собранными на базе результатами исследований с другими учеными, а также протестировать несколько созданных программ, что принципиально невозможно в Квазаре… В общем, я не очень хорошо разбираюсь во всей этой нейронной паутине и сбоях интегрированных жидких чипов, но Чанго заявляет, что база, используемая для создания программ, была повреждена неизвестным вирусом, в результате чего интерактивные оболочки десятка проектов слились в один во время активации в модуле, созданном для нейропатов Иерархией, выдав дикий калейдоскоп образов, среди которых лишь один был осмысленным и доступным для восприятия – образ маленькой девочки из далекого прошлого по имени Юмико. По словам Чанго, именно этот образ и рассказал ему о том, что случилось с телами Аст-Пла и Фарона, а также заверил, что причин для беспокойства за жизни друзей нет. Чанго говорит, что Юмико явилась не только ему, а всей группе нейропатов, проводивших тестирование. Впрочем, последние ничего не поняли, сочтя девочку очередной ошибкой… – взгляд старого акеми стал пытливым, словно он проверял, верит ему клирик или нет. – Это может показаться странным, но Юмико рассказала и о визите отверженного служителя Всемирной иерархии, способного помочь нам продолжить исследования, оставшись на базе, которую Иерархия распорядилась закрыть.

– Откуда ты знаешь, какое решения приняла Иер… – Легре

осекся.

Игра старого акеми была странной и непонятной ему. «Но что если это не игра? – думал он. – Что если это шанс для меня выкрутиться и спасти свою шкуру?»

– Если ты убедишь клириков использовать наш купол для консервации исследовательской базы «Виадос-12», то мы сможем оставить понятные лишь нам одним дыры на субслоях Подпространства, благодаря котором вернемся на базу, когда уляжется шумиха. Ты сможешь присоединиться к нам. К тому же Фарон и Аст-Пла не могут надолго покидать базу, так как их связь с субслоями ослабевает и ядра сознания начинают медленно угасать.

– Думаешь, Иерархия когда-нибудь забудет об этом месте?

– Иерархия готова забыть обо всем Квазаре, что тут говорить о какой-то базе? – снисходительно улыбнулся старый акеми, не скрывая, что все еще воспринимает Легре как клирика. – К тому же теория тонких граней временных мембран сейчас ахиллесова пята Иерархии, которую они предпочтут оставить теорией, назвав очередной алхимией акеми или апокалиптическим бредом квазацентристов. О базах класса «Виадос» забудут. Поверь мне, пройдет десяток лет – и это место превратится в миф, легенду, в которую будут верить, например, лишь содомиты или кто-то вроде них, вообразив для себя дивный оазис в бескрайних пустынях неиндексированных территорий Квазара…